

ВЕСТНИК РФФИ

Гуманитарные и общественные науки

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956

№ 3 (88) июль – сентябрь 2017 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, А.А. Демидов, М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, Н.И. Пикуров, Н.Л. Селиванова,
Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956

No 3 (88) July – September 2017

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio broadcasting and mass media, certificate III No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, A.A. Demidov, M.V. Ivanova, G.B. Kleyner, N.I. Pikurov, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РФФИ – 25 лет

Панченко В.Я. Научная дипломатия: вклад РФФИ 9

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кондрашин В.В. Революция 1917 г. как момент истины: итоги целевого конкурса	15
Лысенко Ю.А., Бармин В.А., Анисимова И.В., Бочкарёва И.Б., Дикова Н.В., Тарасова Е.В. Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 года	26

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Копелев Д.Н. Имперская геополитика 1720-х годов: секретная экспедиция Петра Великого на Мадагаскар	44
Васильев А.Д. Судьба русского офицера-востоковеда в годину войн и революций: Б.Н. Литвинов и его научное, мемуарное и художественное наследие	59

ЭКОНОМИКА

Зиядуллаев С.Н., Зиядуллаев Н.С. Евразийский экономический союз: испытание временем	70
---	----

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Юревич А.В., Юревич М.А. Форсирование библиометрических показателей продуктивности российских учёных	84
Дмитриева Н.А., Воробьев М.В., Миронова К.Ю. Человек в истории и культуре: забытые страницы русского неокантианства	94
Левашов В.К. Российское общество: реформы и кризисы	103

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Гуськов С.Н. И.А. Гончаров — газетчик. Неизвестный текст автора «Обломова»?	111
Клушина Н.И., Иванова М.В. Трансформация медийных жанров в коммуникативном пространстве Интернета ...	121

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Бочарова Е.Е., Вагапова А.Р., Бескова Т.В., Тарасова Л.Е., Усова Н.В. Структура и предикторы субъективного благополучия личности: этнопсихологический анализ	130
---	-----

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Предварительные результаты исследований городища Усть-Войкарское-1 (Приполярная зона Западной Сибири) в 2012–2016 годах	141
---	-----

Селезнёв А.Г., Селезнёва И.А., Гутьра В.И.

- Горожане вне города: полевое этнографическое исследование
новых экопоселений на территории Омской области 150

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ**Коршунов Ю.М.**

- Российско-германский научный colloquium «Столетие российской
и германской революций 1917–1918 годов» (Москва, 6–7 июля 2017 г.) 161

Барышников В.Н., Кротов П.А.

- XIX Научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»
(Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2017 г.) 166

Салмина Е.В.

- Международная научная конференция «Археология и история
Пскова и Псковской земли». Семинар имени академика В.В. Седова»
(Псков, 18–20 апреля 2017 г.) 170

Консон Г.Р.

- Международная научная конференция «Искусствоведение в контексте
других наук в России и за рубежом: Параллели и взаимодействия»
(Москва, 23–28 апреля 2017 г.) 175

МИР КНИГИ РФФИ**Маслов Д.В.**

- Россия в 1905–1907 гг.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлёв.
М.: Политическая энциклопедия, 2016. — 1196 с. 180

Кондратьев С.В.

- Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма»
и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.).
М.; СПб.: Нестор-История, 2016. — 424 с. 185

Корневский С.Н.

- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Тель Хазна I. Культово-административный центр
IV–III тыс. до н.э. Северо-восточной Сирии). Т. II. М.: Таус 2016 — 584 с. 189

Кравченко С.А.

- Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические
и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин;
Редкол.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.А. Касавина. М.: Весь мир, 2016. — 360 с. 193

Никонова Н.Е.

- И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы Вып. 4 /
Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. — 969 с.: ил. ... 196

Воронцова Г.Н.

- Константин Федин и его современники: Из литературного наследия XX века.
Кн. 1 / Отв. ред. Н.В. Корниенко; Сост. И.Э. Кабанова; Подгот. текста и коммент.
И.Ю. Иванюшина, И.Э. Кабанова, Л.Ю. Коновалова, Т.А. Кукушкина, Е.А. Мазанова,
Е.А. Папкина, Е.М. Трубилова. М.: ИМЛИ РАН, 2016. — 680 с.: ил. 199

Соколов М.Н., Э.Л. Базарова

- Слюнькова И.Н. Царская, великокняжеская резиденция:
Ильинское и Усово. М.: БуксМАрт, 2016 — 384 с.: ил. 203

ПАМЯТКА АВТОРУ ЖУРНАЛА

- «ВЕСТНИК РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» 206

CONTENTS

RFBR celebrates its 25th anniversary

<i>Panchenko V.Ya. Academic diplomacy: contribution to the RFBR</i>	9
--	---

FOR THE 100TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION

<i>Kondrashin V.V.</i> The 1917 revolution as a moment of truth: the results of the targeted competition	15
<i>Lysenko Yu.A., Barmin V.A., Anisimova I.V., Bochkaryova I.B., Dikova N.V., Tarasova E.V.</i> Ethnopolitical and ethnosocial processes in the Central Asian outskirts of Russia during the 1917 revolutions	26

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

<i>Kopelev D.N.</i> Imperial geopolitics of the 1720s: the secret expedition of Peter the Great to Madagascar	44
<i>Vasilyev A.D.</i> The fate of the Russian orientologist officer during wars and revolutions: B.N. Litvinov and his scientific, memoir and art heritage	59

ECONOMICS

<i>Ziyadullaev S.N., Ziyadullaev N.S.</i> Eurasian Economic Union: test of time	70
---	----

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

<i>Yurevich A.V., Yurevich M.A.</i> Enhancing bibliometric performance indicators of Russian scientists	84
<i>Dmitrieva N.A., Vorobyov M.V., Mironova C.Yu.</i> Man in History and Culture: Forgotten Pages of Russian Neo-Kantianism	94
<i>Levashov V.K.</i> Russian society: reforms and crises	103

PHILOLOGY. ART CRITICISM

<i>Guskov S.N.</i> I.A. Goncharov as a pressman. Unknown text of "Oblomov" author?	111
<i>Klushina N.I., Ivanova M.V.</i> Transformation of media genres in online communication space	121

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

<i>Shamionov R.M., Grigoryeva M.V., Bocharova E.E., Vagapova A.R., Beskova T.V., Tarasova L.E., Usova N.V.</i> Structure and predictors of self-perceived well-being: ethno-psychological analysis	130
--	-----

FIELD RESEARCH

<i>Novikov A.V., Garkusha Y.N.</i> Preliminary findings of the research in Ust-Voykarskoye-1 settlement (the Subpolar area of the Western Siberia) in 2012–2016	141
---	-----

Seleznyov A.G., Seleznyova I.A., Gutyra V.I.

- City dwellers beyond the city: a field ethnographic study of new ecovillages in Omsk region 150

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA**Korshunov Y.M.**

- The Russian & German Scientific Colloquium “The Centenary of the Russian and German Revolutions of 1917–1918” (Moscow, July 6–7, 2017) 161

Baryshnikov V.N., Krotov P.A.

- The 19th Scientific Conference “St. Petersburg and the Nordic Countries” (St. Petersburg, April 25–26, 2017) 166

Salmina E.V.

- International Scientific Conference “Archeology and History of Pskov and Pskov Land”. Academician V.V. Sedov’s seminar” (Pskov, April 18–20, 2017) 170

Konson G.R.

- International Scientific Conference “Art Studies in the Context of Other Sciences in Russia and Abroad: Parallels and Interactions” (Moscow, April 23–28, 2017) 175

THE RFBR BOOK WORLD**Maslov D.V.**

- Russia in 1905–1907: Encyclopedia / Editor-in-Chief V.V. Zhuravlyov. Moscow: Politicheskaya Entsiklopediya, 2016. — 1, 196 p. 180

Kondratyev S.V.

- V. V. Tikhonov. Ideological campaigns of “late Stalinism” and Soviet historical science (mid-1940’s – 1953). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. — 424 p. 185

Korenevskiy S.N.

- R.M. Munchaev, S.N. Amirov. Tell Hazna I. Cultural and administrative center of the 4th–3^d millennium BC. North-Eastern Syria). Vol. II. Moscow: Taus, 2016. — 584 p. 189

Kravchenko S.A.

- Modernization atlas of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems / Author and Editor-in-Chief N.I. Lapin; Editorial office: N.I. Lapin, L.A. Belyaeva, N.A. Kasavina. Moscow: Ves Mir, 2016. — 360 p. 193

Nikonova N.Y.

- I.S. Turgenev. New research and materials. 4th edition / Editor-in-Chief N.P. Generalova, V.A. Lukin. Moscow; St. Petersburg.: Alliance-Archeo, 2016. — 969 p.: ill. 196

Vorontsova G.N.

- Konstantin Fedin and his contemporaries: From the literary heritage of the 20th century. Book 1 / Editor-in-Chief N.V. Kornienko; Compiled by I.E. Kabanova; Text and comments prepared by: I.Yu. Ivanyushin, I.E. Kabanova, L.Yu. Konovalova, T.A. Kukushkina, E.A. Mazanova, E.A. Papkova, E.M. Trubilova. Moscow: IMLI RAS, 2016. — 680 p.: ill. ... 199

Sokolov M.N., Bazarova E.L.

- I.N. Slyunkova. Royal, grand duke’s residence: Ilyinskoe and Usovo. Moscow: BuksMArt, 2016 — 384 p.: ill. 203

REMINDER TO THE AUTHOR IN JOURNAL OF RFBR

- Humanities and social sciences magazine 206

*В.Я. Панченко,
академик,
председатель Совета
Российского фонда
фундаментальных
исследований*

Научная дипломатия: вклад РФФИ

В современном мире роль науки стремительно возрастает, она проникает повсюду, определяя эффективность любого вида деятельности, в том числе внутренней и внешней политики государства. Ярким примером служит достигнутый уровень воздействия науки на сферу современной дипломатии, в результате чего стал широко обсуждаться феномен так называемой научной дипломатии как фактор международных отношений, круг участников которых под влиянием глобализации неуклонно расширяется.

Научная дипломатия, как отмечают в ходе международных встреч эксперты разных стран, определяется через единство трёх аспектов: дипломатии для науки, науки для дипломатии и науки в дипломатии. Для полноты картины я предложил бы добавить ещё один важный аспект — дипломатия в науке.

Огромен вклад учёных и технических специалистов в регулирование дипломатическим путём такой острейшей глобальной проблемы, как гонка вооружений, в том числе в обоснование запрета и разработку мер международного контроля над современными видами оружия массового уничтожения: ядерного, химического, биологического. На основе предложенных ими рекомендаций и методик были выработаны соответствующие международно-правовые инструменты: Договор о нераспространении ядерного оружия (1968), Соглашение о контроле

за распространением ракет и ракетных технологий (1987), Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1975), Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении (1997) и другие.

Свежие примеры подключения учёных к разработке дипломатических механизмов даёт арктическая проблематика. Достижению практически всех современных договорённостей по Арктике предшествовала их глубокая научная проработка, в том числе под эгидой Международного арктического научного комитета, куда входят представители 23 государств, имеющих программы арктических исследований.

Эти и другие не менее впечатляющие примеры эффективности научной дипломатии в решении глобальных проблем современности мы с академиком А.В. Торкуновым, ректором МГИМО и членом Совета РФФИ, приводили в статье «Учёный как дипломат. Наука влияет на решение международных конфликтов и проблем», опубликованной в «Российской газете» 10 июля 2017 г.

Поистине уникальная роль людей науки во многом определяется следующим обстоятельством: в какой бы части Земного шара ни работали учёные, какова бы ни была их национальная принадлежность, они отлично понимают друг друга, потому что у них есть объединяющее начало — язык науки. И это помогает им в решении глобальных международных проблем.

Выражение «большая наука» как синоним фундаментальных исследований сегодня всё чаще заменяется идеологемой «меганаука» (мегасайнс). Междисциплинарность последней выражается в крупномасштабных исследовательских проектах, осуществляемых, как правило, в международной кооперации. Примеры организации таких проектов в ЕС, России и других регионах мира свидетельствуют об укрепляющейся практике межгосударственных по характеру стратегических союзов, формируемых при строительстве и эксплуатации уникальных и дорогостоящих исследовательских установок, таких как термоядерный реактор ИТЭР во французском Кадараше, рентгеновский лазер на свободных электронах (X-FEL) в Гамбурге, проект ИГНИТОР (совместно с Италией) по созданию энергетической установки Токамак, ряд аналогичных российских проектов.

Среди активных проводников научной дипломатии, представленных научными организациями, хотелось бы отметить роль национальных научных фондов, история деятельности которых в отдельных странах насчитывает столетия, а их сотрудничество на международной арене получило развитие лишь в последние десятилетия.

Одной из структур, обеспечивающих поддержку в нашей стране научных исследований в области изучения научной дипломатии и вносящих реальный вклад в её развитие, является Российский фонд фундаментальных исследований,

отмечающий в нынешнем году 25-летний юбилей. Такая поддержка РФФИ строится на сотрудничестве с более чем 40 зарубежными странами-партнёрами, что является прямым участием в развитии научной дипломатии.

В середине мая нынешнего года РФФИ совместно с британским Королевским обществом провёл на базе МГИМО круглый стол, посвящённый современной научной дипломатии. В его работе приняли участие авторитетные российские и британские учёные, сотрудники дипломатических ведомств, представители университетов двух стран (фото). Мероприятие прошло под председательством ректора МГИМО академика А.В. Торкунова, профессора Королевского общества сэра Мартина Полякофф и председателя Совета РФФИ.

Фото. Заседание круглого стола

Открывая заседание, помощник Президента Российской Федерации А.А. Фурсенко отметил, что наука позволяет государствам и политикам находить общие ответы, в первую очередь, на глобальные вызовы и угрозы. Основным итогом круглого стола — анализ того, как научная дипломатия может использоваться для укрепления национальных и общих международных интересов, как она может и должна противостоять глобальным вызовам, содействовать коллективному использованию научной инфраструктуры.

Тема научной дипломатии обсуждалась и в ходе целого ряда последующих международных мероприятий, состоявшихся в Москве при содействии РФФИ.

Прежде всего, это Международный семинар по научным публикациям (International Seminar «Scientific Publication: Where, Why, How», 18–19 мая) и Первый Российско-Корейский день Науки и Технологий («First Russia-Korea Science and Technology Day», 5–6 июня).

Об актуальности темы научной дипломатии шла речь и 29–30 мая в Оттаве (Канада) на заседании Глобального исследовательского совета (Global Research Council). Звучала эта тема и в Пекине (Китай) на научном симпозиуме, состоявшемся 3–4 июля в рамках инициативы «Один Пояс — один Путь» (International Symposium on Funding Science and People Cooperation for Prosperous Belt and Road).

В Канаде на заседании Совета управляющих Глобального исследовательского совета Российский фонд фундаментальных исследований инициативно выступил с предложением о том, чтобы тема «Научная дипломатия» была включена в повестку дня встречи руководителей мирового научного сообщества, намеченной на май будущего года в Москве.

Нельзя не упомянуть ещё об одном исключительно важном научном мероприятии. В начале июля при поддержке РФФИ в Москве, в Российской академии наук состоялись XX юбилейное заседание Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений и российско-германский научный коллоквиум на тему «Столетие российской и германской революций 1917–1918 годов». В приветствии к участникам мероприятий Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова подчёркивалось, что плодотворный обмен мнениями историков России и Германии вносит существенный вклад в поддержание доверия и взаимопонимания между двумя странами. В нынешней непростой ситуации в Европе, в условиях непрекращающихся попыток исказить прошлое в конъюнктурных целях продолжение взаимоуважительного диалога учёных приобретает особое значение, придаёт дополнительный импульс совместной борьбе с фальсификацией истории.

Основной формой международного сотрудничества РФФИ, которое, безусловно, можно рассматривать как элемент научной дипломатии, является организационная и финансовая поддержка актуальных фундаментальных научных исследований, определяемых международным научным сообществом.

РФФИ постоянно наращивает темпы развития международного сотрудничества. Приведу лишь несколько цифр. Только в первой половине нынешнего года были объявлены 17 и подведены итоги 20 международных конкурсов. В результате общее число поддерживаемых РФФИ международных проектов к середине года превысило 800.

Среди зарубежных партнёров РФФИ — практически все наиболее крупные и влиятельные научные организации США, Китая, Германии, Японии, Франции, Великобритании, Южной Кореи и других стран, широко и успешно практикующих методы научной дипломатии. Особое внимание Фонд уделяет поддержке научного сотрудничества на постсоветском пространстве, заключив соглашения

с соответствующими организациями Белоруссии, Армении, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Абхазии и Южной Осетии.

В рамках многостороннего сотрудничества Фонд активно участвует в программах по линии БРИКС, Европейского сообщества, Арктического Совета, Бельмонтского форума, ЦЕРН, Европейской молекулярно-биологической лаборатории (EMBL) и ряда других. В текущем году эта активность выразилась в формировании программы научных исследований в Черноморском регионе на встрече в Измире (Турция) и Афинах (Греция).

По инициативе РФФИ в минувшем году была создана Евразийская ассоциация поддержки научных исследований (ЕАПИ) и объявлен первый многосторонний конкурс проектов по междисциплинарной тематике с участием учёных из Армении, Беларуси, Монголии, Вьетнама, Киргизии и России.

Выполняя функции Секретариата конкурса Рамочной Программы БРИКС, Фонд провёл в Претории (ЮАР) встречу, на которой были подведены итоги первого конкурса многосторонних проектов этой программы. Общепризнана ведущая роль РФФИ среди российских организаций, поддерживающих европейскую программу «ERA.Net RUS», в которой со стороны ЕС участвуют 13 стран. РФФИ присоединился к программе научного сотрудничества в восточноазиатском регионе «e-Asia JRP», поддержав проекты с участниками из Филиппин, Таиланда и Мьянмы.

Расширяя международные связи, РФФИ в юбилейном году подписал соглашения с Международным институтом прикладного системного анализа (IIASA) и Национальным научным фондом Болгарии. Новые горизонты взаимодействия с Республикой Куба открылись после подписания в августе нынешнего года Меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве РФФИ с Министерством науки, технологии и окружающей среды этой страны.

Не могу не отметить ещё одно событие, которое без преувеличения можно назвать знаковым. В начале августа — в период обострения дипломатических отношений между Россией и США — РФФИ объявил результаты конкурса проектов фундаментальных научных исследований, проводимого совместно с Национальным институтом онкологии США. Проблематика этого конкурса, связанная с профилактикой, ранней диагностикой и лечением рака, имеет, как известно, особое социальное значение и требует объединения усилий ведущих научных коллективов обеих стран.

В 2017 г. РФФИ и Национальный научный фонд Ирана (ННФИ) подвели итоги успешно прошедшего первого совместного конкурса, на который поступили 122 заявки. Научные интересы и предпочтения российско-иранских научных коллективов сосредоточились на таких областях и направлениях, как биология, химия, материаловедение, науки о Земле, инженерные науки и физика. По итогам экспертизы заявок, проведённой российскими и иранскими экспертами, были отобраны 18 лучших проектов. Анализируя итоги конкурса, бюро Совета РФФИ

и руководство ННФИ отметили необходимость увеличения числа проектов по социально-гуманитарным наукам. Добавлю, что после присоединения Российского гуманитарного научного фонда у РФФИ появились новые возможности для развития сотрудничества в этих направлениях.

Среди поддержанных проектов российско-иранского конкурса особо хотелось бы выделить исследования в Каспийском регионе. Проблема сохранения экологии уникального природного объекта, каким является Каспийское море, в последние годы приобрела чрезвычайную остроту. Его углеводородные ресурсы и биологические богатства не имеют аналогов в мире. Каспий — старейший в мире нефтедобывающий бассейн. При поддержке РФФИ и ННФИ учёные совместно изучают актуальные для всех стран Каспийского региона проблемы. Среди них — экологические последствия резких изменений уровня этого моря, флюидодинамика осадочных бассейнов Среднего и Южного Каспия, физические механизмы экстремальных осадков, эволюция почвенного покрова морских равнин Прикаспийского региона. В будущем году планируются проведение международной конференции и организация совместного конкурса стран Каспийского региона.

Проводя совместные исследования, российские учёные и их зарубежные коллеги вырабатывают общие подходы к решению назревших социально-экономических, экологических, а наряду с ними и политических проблем, ведут поиски путей становления и развития научной дипломатии, которая нацелена на достижение мира, укрепление международного сотрудничества, а значит, процветание человечества.

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

УДК 930
ГРНТИ 03.23.55

В.В. КОНДРАШИН*

Революция 1917 года как момент истины: итоги целевого конкурса

В статье проанализированы основные результаты проектов целевого конкурса РФФИ, посвящённого 100-летию революции 1917 г. в России. Они свидетельствуют о достигнутых участниками проектов успехах в изучении актуальных аспектов рассматриваемой проблемы: введены в научный оборот новые источники, получены новые знания. В конкурсе приняли участие специалисты из ведущих научных центров и высших учебных заведений России.

Ключевые слова: РФФИ, целевой конкурс, Революция 1917 года, проекты, новые источники, новые знания

В 1917 г. Россию потрясла революция, коренным образом изменившая её облик и открывшая новый этап в её истории. Результатом Великой российской революции и Гражданской войны как составной части революции стало возникновение новой России — Советского Союза, мощнейшей державы XX в., оказавшей огромное влияние на мировую историю.

Осмысление этого феномена в столетний юбилей революционных потрясений 1917 г. и в связи с особым вниманием к нему со стороны широкой общественности — одна из актуальных задач российских историков. И они достигли

определённых успехов в данном направлении в рамках целевого конкурса проектов РФФИ, посвящённого 100-летию революции 1917 г. в России.

Конкурс удался, поскольку в рамках исследовательской работы по актуальным и недостаточно изученным аспектам проблемы получены новые знания. На основе глубокого и всестороннего анализа разнообразных и достоверных источников, в том числе впервые введённых в научный оборот, исследователями сделан ряд выводов концептуального значения, обогативших историографию.

Проекты РФФИ на указанную тему условно можно разделить на две группы.

* **Кондрашин Виктор Викторович** — доктор исторических наук, член Комитета Совета Федерации РФ по науке, образованию и культуре, член Экспертного совета РФФИ по международным конкурсам.
E-mail: kondr.h2@yandex.ru; vikont37@yandex.ru

Ил. 1. Газеты «Биржевые ведомости» и «Русское слово» с сообщением о падении самодержавия и образовании Временного правительства

Первую из них представляют крупные коллективные труды обобщающего характера по конкретным сюжетам революционных событий 1917 г. в России, а также по всему их спектру. Вторую — индивидуальные и коллективные исследования по частным, но актуальным и недостаточно изученным в историографии аспектам темы. При этом в ряде случаев хронологические рамки проектов выходят за пределы 1917 г., поскольку неразрывно связаны с последующими событиями Гражданской войны.

Особая значимость проведённой работы состоит в использовании участниками проектов оригинальных массовых источников, ранее не получавших ком-

плексного исследования в историографии.

Ярким примером является коллективное исследование «Революция 1917 года глазами современников» (руководитель А.П. Ненароков, исполнители В.В. Шелохаев, К.А. Соловьёв).

В центре внимания участников этого проекта материалы российской периодической печати 1917 г. Изучено более 100 органов периодической печати — политических, экономических, финансовых, общественно-литературных, религиозных, сатирических и др., издававшихся в России в 1917 г. (газеты, журналы, альманахи, авторские тематические сборники статей). Среди них — «Биржевые ведомости», «Вестник Европы», «Вестник Партии народной свободы» и «Вестник Временного правительства», «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Правда», «Рабочий и солдат», содержащие публицистические, аналитические, программные и дискуссионные статьи ведущих журнали-

стов и политиков (ил. 1). Эти публикации принадлежат авторам разных идеологических направлений: социалистического, либерального, консервативного, а также бульварного и откровенно черносотенного характера.

Несомненным плюсом проекта является широкий региональный охват периодики 1917 г., в том числе на языках народов России (украинском и грузинском). В частности, были изучены подшивки 35 разных газет, принадлежавших основным политическим партиям России и выпускавшихся в Москве, Петрограде, Нижнем Новгороде, Великом Новгороде, Ростове, Бердянске, Херсоне, Батуме, Чите, Омске, Владивостоке.

При этом партийная периодическая печать различных направлений с её программами, заявлениями, представлениями перспектив развития революционных событий в стране, планами выхода из кризисной ситуации, собственными моделями постреволюционных преобразований России и т.д. не доминирует над другими изданиями.

Данную периодику дополняет более «легковесная печать»: литературные эссе, фельетоны, юмористические зарисовки, шаржи, пародии, карикатуры из массовых изданий, таких как «Копейка», «Барабан», «Бич», «Бомба», «Будильник», «Журнал журналов», «Искры», «Новый сатирик», «Огонек», «Стрекоза» (ил. 2) и др., обычно выпадающих из поля зрения исследователей.

Все перечисленные источники будут представлены в трёхтомном сборнике документов, а также проанализированы в рамках статей и монографических исследований участников проекта.

Ценность исследованных источников заключается в том, что они дают возмож-

ность проследить эволюцию общественной мысли и общественных настроений в 1917 г., поскольку характеризуют самые разные направления: правые и левые, консервативные, ультралиберальные и т.д.

Научная новизна проекта состоит в предлагаемой верификации выявленного материала по основным «реперным точкам» развития революционного процесса в 1917 г.: от февральско-мартовских 1917 г. до разгона Учредительного собрания большевиками в январе 1918 г. (ил. 3). Это позволяет представить динамику настроений различных социальных и политических страт, политических партий и группировок, вынужденных оперативно реагировать на политику Временного правительства и общественные настроения. По сути, в проекте пошагово показан сложный и противоречивый динамичный процесс развития революции в России, вызвавший буквально тектонические сдвиги в массовом сознании и пробудивший к сознательному творчеству многомиллионные массы народа.

Ил. 2. Обложки журналов «Новый сатирик» и «Стрекоза», 1917 г.

Заслуживает внимания концептуальный вывод участников проекта о том, что революция 1917 г. буквально «взорвала» интеллектуальное и культурное пространство России, заставила «выплеснуть» общественные настроения и эмоции на страницы периодической печати. При этом наиболее интенсивно увеличивалось количество периодических изданий либерального и социалистических направлений. Число же органов консервативной печати, начиная с марта 1917 г., непрерывно сокращалось. И причина здесь была не только в ограничительных мерах Временного правительства против лидеров крайне правого сегмента общественного мнения, но и в самом факте падения авторитета правых в стране в рассматриваемый период.

Очень важен полученный в результате анализа периодики России 1917 г. вывод участников проекта о том, что печать в это время стала фактором ускорения революционного процесса. Она не только отражала процессы внутренней жизни страны и её внешней политики, но и сама формировала политическую реальность.

Особый интерес читателей вызовет подготовленный к печати раздел сборника «Смех сквозь слезы. Сатира революци-

онной эпохи», где публикуются фельетоны и сатирические статьи, главным образом, из провинциальной прессы.

Не будет преувеличением сказать, что коллективное исследование «Революция 1917 года глазами современников» — это первое в историографии фронтальное изучение периодической печати, в которой отражено реальное состояние общественного мнения и даны оценки различных направлений общественной мысли в России в 1917 г.

Самым значительным по замыслу и охвату событий 1917 г. в России является проект Института российской истории РАН «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура» (руководитель Ю.А.Петров).

Его целью является подготовка коллективной монографии, посвященной различным аспектам истории российской власти и общества в 1917 г. Новым подходом к теме стало рассмотрение Февральской и Октябрьской фазы революции в качестве единого и логически взаимосвязанного процесса. При этом революционные события анализируются в качестве определяющего фактора влияния на все стороны политической, социальной,

Ил. 3. Революционный Петроград, 18 апреля 1917 г.

экономической, духовной и культурной жизни страны. В рамках проекта исследуются также изменения международного статуса страны и проблема идентификации бывших национальных окраин.

Ценность проекта состоит в том, что его источниковой базой является обширная отечественная и зарубежная историография, а также широкий круг различных исторических источников из фондов ведущих архивов и библиотек страны (правовых актов, делопроизводственных документов, частной переписки современников, газет, мемуаров, дневников и пр.), в том числе впервые вводимых в научный оборот.

Коллектив проекта успешно решает поставленные исследовательские задачи, и скоро специалисты и широкая научная общественность получат серьёзный аналитический труд по основным аспектам рассматриваемой проблемы.

На наш взгляд, наиболее удачными разделами коллективного труда являются главы, посвящённые экономическим аспектам революции 1917 г. В одной из них охарактеризована финансовая политика Временного правительства и проанализированы такие её аспекты, как денежное обращение, госдолг, налоговая система. Сделан обоснованный вывод, что в финансовых вопросах Временное правительство продолжило политику царского самодержавия. Его финансовая политика предусматривала финансирование войны путём бумажноденежной эмиссии и внутренних займов, однако масштабы этих операций в громадной степени возросли в связи с растущей дезорганизацией экономической жизни. В результате весь период деятельности Временного правительства сопровождался нарастанием жесточайшего финансово-экономического кризиса, усугубляемого растущей общественно-политической нестабильностью (ил. 4). К октябрю 1917 г. финансовое положение страны было близко к катастрофе.

Исследование указанной проблемы охватило период до весны 1918 г. Аргу-

ментированно показано, что мероприятия советского правительства в финансовой сфере (бесконтрольная денежная эмиссия, национализация банков и промышленности, аннулирование «царских» займов и пр.) способствовали обострению финансового коллапса. В конечном итоге политика большевиков привела к гиперинфляции и полному падению ценности рубля.

Авторы обращают внимание на необходимость учёта огромного влияния Брест-Литовского мирного договора на экономику страны, поскольку Россия была вынуждена пойти на огромные материальные жертвы. Но этот мир развязал большевикам руки, поскольку дал им возможность начать свои «социалистические преобразования» в экономике и финансовой сфере. Этим они воспользовались в полной мере, осуществив национализацию банков и промышленных предприятий, аннулирував государственные займы. В результате в первый год Советской власти были заложены основы новой экономики России на долгосрочную перспективу.

В коллективной монографии глубоко и всесторонне охарактеризованы торгово-промышленная программа и политика Временного правительства, его попытки реформирования системы контрольно-регулирующих органов, а также проблема противостояния труда и капитала как фактор кризисного состояния промышленности в рассматриваемый период.

Сделано обоснованное заключение, что Временное правительство так и не смогло выработать согласованную и завершённую торгово-промышленную программу. Произошло это потому, что продолжавшаяся война истощала материальные и людские ресурсы, а российское общество продолжали раздирать внутренние противоречия и конфликты, по своему характеру фактически принимавшие формы нового классового и гражданского противостояния. Кроме того, разнородные политические силы, получившие представительство во Временном правительстве, не имели ни единой теоретической плат-

Ил. 4. Демонстрация банковских служащих в Петрограде

формы, позволявшей чётко ориентироваться в сложных процессах переходного периода, ни достаточного управленческого опыта в высших властных структурах.

Политика Временного правительства добиться «социального мира» также потерпела неудачу. Ему не удалось устранить жёсткое противостояние между фабзавкомом, администраций предприятий и предпринимательскими организациями в попытках установления рабочего контроля над производством, внутренними распорядками работы заведений, особенно при установлении норм выработки и размера заработной платы. В конечном итоге Временное правительство осознало необходимость жёстких мер, отказа в условиях войны от курса на «социальный мир». Оно постепенно отходило от позиции надклассового арбитра, пытаясь переложить всю ответственность за развал промышленности на рабочих и подавить «беспорядки и анархию» на производстве путём репрессий, вплоть до использования военной силы.

Но Временное правительство уже не располагало необходимыми ресурсами для реализации такой программы. Недо-

вольство рабочих и сопротивление «деловой» буржуазии росло, обостряя экономическую ситуацию в стране и приближая новый революционный взрыв.

Глубоким анализом и аргументированностью суждений выделяется раздел монографии, посвящённый деятельности общероссийских политических партий в 1917 г. В нём авторы исследования сделали ряд оценок и выводов концептуального характера.

Например, заслуживает внимания заключение, что в 1917 г. произошли качественные преобразования в российской партийной конфигурации: существенные изменения претерпел спектр либеральных и консервативных партий. Лишь кадетам удалось не только сохранить единство своих рядов, но и пополнить их за счёт наплыва определённого числа бывших членов консервативных, праволиберальных партий и даже умеренных социалистов. Но либеральное мировоззрение и мировоззрение, а также основанная на них программа и тактика не были восприняты массовым сознанием в 1917 г. В итоге либерализм на многие десятилетия исчез с российской исто-

рической сцены. То же самое произошло и с правыми партиями. Революция 1917 г. со всей очевидностью показала, что ни консерватизм, ни либерализм (как идеология и политическая практика) так и не смогли «укорениться» на российской почве, стать структурной компонентой менталитета большинства народа. В его сознании доминировал традиционный лозунг «Земля и воля», к которому во время Первой мировой был добавлен новый лозунг «Мир без аннексий и контрибуций». И те политические партии, которые безоговорочно поддерживали их, получили массовую поддержку и в конечном счёте одержали победу. В данном случае это были большевики, и в борьбе за власть они победили вполне закономерно.

Изучая феномен Временного правительства и механизм его функционирования на местах, авторы подчёркивают, что строительство нового режима проводилось без учёта какого-либо итогового проекта, под влиянием обстоятельств. Под термином «Временное правительство» скрывалось несколько кабинетов, с различным составом, разными представлениями о своих задачах и пределах власти. В конце концов оно оказалось во власти стихии, с которой ему не удалось справиться. Этой «стихией» были общественные структуры, которые явочным порядком захватывали власть (советы и др.).

Нетрадиционным для формата академического труда на тему революции 1917 г. является раздел о состоянии общества в 1917 – первой половине 1918 г. В нём рассмотрены ранее не получившие должного внимания в историографии аспекты проблемы, в частности тема слухов и массовых настроений, и сделан вывод, что слухи, сплетни, пересуды, наветы, злословие и бытовая скабрёзность в 1917 г. и в период Гражданской войны были действенным фактором «тектонических общественно-исторических сдвигов» (ил. 5).

В разделе коллективной монографии о культуре России в период революцион-

ных потрясений наиболее интересной, на наш взгляд, содержащей научную новизну является глава о сатире. В ней русская сатира 1917 г. анализируется на примере наиболее профессиональных и популярных тогда изданий: «Стрекоза», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Бич», «Бомба», «Пугач», «Кривое зеркало» и др. Выявленный в рамках работы над главой монографии материал свидетельствует, что политическая сатира эпохи революции является ценнейшим источником, демонстрирующим способ интеллектуального и эмоционального освоения обществом опыта глубочайшего российского кризиса (ил. 6).

Научной новизной и оригинальностью подхода отличается глава «Революции 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике». В ней показаны основные тенденции эволюции образа революции 1917 г. в советскую и постсоветскую эпохи, механизмы актуализации этого образа и практики его использования в политических целях.

Таким образом, выход в свет коллективного труда историков Института российской истории РАН о революции 1917 г. станет заметным событием в отечественной и зарубежной историографии проблемы.

Регионально-национальные особенности участия крестьянства и казачества в революции 1917 г. и Гражданской войне изучал коллектив учёных Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (руководитель В.А.Юрченков). Подобных подходов к истории революционных событий 1917 г. в России и последующих за ними событий Гражданской войны в историографии ещё не было. Как правило, исследователи рассматривали отдельно крестьянство и казачество.

Научная новизна проекта состоит и в попытке изучения регионально-национальных особенностей с акцентом на малоизученную проблему взаимодействия крестьян и казаков в антибольшевистском повстанческом движении в годы Гражданской войны.

Ил. 5. Карикатура на тему свержения самодержавия

Территориальные рамки проекта охватывают бывшие Самарскую, Пензенскую, Саратовскую, Симбирскую губернии, Донскую область, поскольку в этом регионе традиционно совместно проживали крестьяне и казаки; именно там наиболее ярко проявлялось антибольшевистское движение в рассматриваемый период.

Итогом проекта станет коллективная монография, которая поможет не только раскрыть особенную роль крестьянства и казачества в кризисный период истории страны, но и расширит поле исследования других проблем: аграрных реформ и революций, местного самоуправления, репрессий, национальной политики.

Значительный интерес в рамках целевого конкурса, посвящённого революции 1917 г., представляет проект А.Д.Васильева о мемуарах востоковеда, путешественника и художника Б.Н.Литвинова. Эти мемуары не являлись ранее предметом специального изучения и научной публикации. Реализация проекта позволит ввести в научный оборот новые оригинальные источники по

истории революции и Гражданской войны в Туркестане и Центральной Азии в целом.

Написанные в эмиграции Б.Н.Литвиновым мемуары содержат важную информацию о роли русско-английских отношений в развитии революционной ситуации в Центральной Азии, об истории возникновения и развития там белогвардейского движения и взаимоотношениях его руководителей между собой, с местным населением, лидерами басмаческого движения, правителями Бухары и Хивы, о восстании терских казаков в 1918 г. и т.д.

Тематически близким к предшествующему проекту является исследование, посвящённое революционным событиям 1917 г. в Центральной Азии (руководитель Ю.А.Лысенко). На основе анализа разнообразного комплекса документов российских и казахских архивов учёные Алтайского госуниверситета исследуют причины, особенности, этапы, идеологию политической активности коренных народов центрально-азиатских окраин Российской империи в 1917 г.

Участники проекта показывают, что революции 1917 г. выступили детонатором социального взрыва в регионе, мобилизовали все этнополитические силы Центральной Азии на решение национальных задач. В результате в регионе возникли две этнополитические автономии: Алаш и Туркестанская автономия, руководители которых заявили о своей готовности войти в состав России на федеративных началах. При этом они опирались на лозунг большевиков о национальном самоопределении народов бывшей Российской империи, который нашёл отклик и понимание у лидеров национально-освободительного движения народов Центральной Азии. Однако в дальнейшем их отношения с большевиками складывались непросто, что в конечном итоге привело к ликвидации автономий и созданию автономных республик сначала в составе РСФСР, а позднее в составе СССР на советских социалистических началах.

Заслуживает внимания выдвинутый исследователями тезис о том, что национально-государственное строительство большевиков в Центральной Азии имело многовекторную направленность. Оно осуществлялось в русле коренизации кадров системы управления, формирования национальной школы с обучением на родном языке, системы культурно-просветительских учреждений, пропагандирующих идею сохранения традиционных культур. Все эти мероприятия объективно закрепляли ситуацию, сложившуюся накануне революций 1917 г., и способствовали росту этнической консолидации народов региона.

Ряд проектов целевого конкурса связан с вопросами культуры. Их авторы фактически предложили своего рода историко-культурный взгляд на революцию 1917 г.

Так, в русле социальной и «культурной» истории проект Н.В. Суржиковой об отражении революционных потрясений России 1917 г. в отечественных и зарубежных эго-документах.

Новизна проекта состоит в работе автора с широким кругом отечественных и зарубежных источников эго-жан-

ра, в основном со специфической группой уже опубликованных источников, а именно — записками иностранцев, оказавшихся в России в 1917 г. и так или иначе запечатлевших свои воспоминания о революции на бумаге (письмах, дневниках и т.д.). В научный оборот вводятся источники этого вида из собраний центральных, региональных и местных государственных архивов, библиотек и музеев, а также частных документальных коллекций и материалов зарубежной печати.

Оригинален проект В.А. Щученко «Революция 1917 года в исторической памяти русской культуры». На основе изучения огромного комплекса источников литературно-публицистического жанра воспроизводятся суждения о главных политических деятелях революции современников, известных политиков, писателей, историков и т.д. Причём даются противоположные оценки по каждой персоналии (В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, А.Ф. Керенского и т.д.). Результаты исследования будут доступны академическому сообществу в виде четырёх антологий: «Ленин: pro et contra», «Троцкий: pro et contra»,

Ил. 6. Карикатура революционной эпохи

«Керенский: Pro et contra» (ил. 7), «Патриарх Сергей: Pro et contra».

Представленные в антологии воспоминания, публицистика, пропагандистские и другие тексты проливают свет на особенности восприятия разными авторами главных деятелей эпохи революции 1917 г. как личностей и политиков, что позволяют по-новому увидеть эпоху войн и революций.

К числу исследований, освещающих революцию 1917 г. через литературу и искусство, относится проект «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 – начало 1920-х годов)» (руководитель В.В. Полонский). Его реализация предусматривает создание комплексной, системной и концептуально выверенной научной картины преломления революции 1917 г. в русской литературе указанного периода. В научный оборот в рамках запланированного двухтомного коллективного труда и авторских статей будет введён большой массив прежде неизвестных и неописанных архивных и печатных источников: материалов индивидуальных писательских фондов и фондов литературных организаций, периодики и публицистики эпохи революции и Гражданской войны (научная комментированная републикация текстов, тематические росписи изданий и т.п.).

Авторы обосновывают тезис о прямой преемственности и типологическом сходстве революционного театра в России 1917–1921 гг. с революционным театром во Франции 1789–1793 гг. Изучена эволюция стиха русской революционной поэзии М. Волошина, С. Есенина и других поэтов тех лет, проанализированы так называемый кризис культуры и образ революции в восприятии и творчестве русских символистов.

Наиболее интересны, на наш взгляд, подходы участников проекта к теме «Личность и творчество Ф.М. Достоевского в контексте русской революции 1917–1921 гг.». Авторы акцентируют внимание на суждениях и концепции великого писа-

теля по актуальным для эпохи начала XX в. вопросам: о народе, интеллигенции, самодержавии – как элементам происшедшего в стране революционного процесса. Аргументированным является тезис об обнаружении динамики восприятия идей и мнений автора «Бесов» в революционном контексте 1917–1918 гг., что снимает с Достоевского ярлык «реакционера». Великий писатель сказал подлинную правду о революционной интеллигенции («бесноватости» её устроителей и участников).

Следует особо подчеркнуть, что в рамках проекта на его сайте осуществляется уникальный для России опыт онлайн-публикации полной подшивки номеров одной газеты с сопутствующим аппаратом. Речь идёт о 370 номерах «Русской воли», которая выходила в свет с 15 декабря 1916 г. по 25 октября 1917 г.

Важное значение в рамках целевого конкурса придаётся теоретическому осмыслению феномена революции 1917 г. и её связям с современностью. Несомненный интерес представляет проект М.О. Орлова «Россия в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс» (см. ил. 7).

В проекте критически анализируются существующие концептуальные модели социальных революций (модернизационная теория, структурная теория, теория относительной депривации, психосоциальная теория, теория «множественного суверенитета», теория пролетарской революции). Автор демонстрирует ограниченность их использования для исследования динамики революционных потрясений России в 1917–1922 гг. В то же время он отдаёт предпочтение модернизационно-институциональной теории как методологической основе изучения трансформаций политической культуры российского общества.

На основе данного подхода определены семь основных стадий трансформации политической культуры в ходе революции 1917 г. (патриотическая консолидация; антимоноархическая консолида-

Ил. 7. Книги, изданные в рамках целевого конкурса РФФИ «Россия в 1917 году»

ция; вакуум власти; радикализация масс и начало гражданского противостояния; переход к диктатуре). Следствием этих изменений стал рост политической активности масс в условиях нарастающего вакуума власти в центре и на местах, а в итоге — рост отчуждения между государством и обществом и возникновение множества конфликтующих альтернатив, несовместимых друг с другом в рамках единой политической системы.

В ходе работы над проектом выявлены «духовные предпосылки» событий 1917 г. в России, приведшие к разрушению «духовной традиции русского народа» и гонениям на Русскую православную церковь.

Целевой конкурс РФФИ, посвящённый 100-летию революции 1917 г., успешно завершается, и в самое ближайшее время научная общественность получит оригинальные и научно значимые труды по данной теме.

ENGLISH

The 1917 revolution as a moment of truth: the results of the targeted competition

Kondrashin Viktor Viktorovich is DSc in History, member of the RF Federation Council's Committee on Science, Education and Culture, member of the RFBR's Expert Council for International Competitions. E-mail: kondr.h2@yandex.ru; vikont37@yandex.ru

The article reviews the key results of the projects of the RFBR's target contest dedicated to the centenary of Russia's revolution of 1917. They demonstrate the achievements of project participants in exploring relevant aspects of the problem: new sources were introduced for scientific use, new knowledge was obtained. The competition was attended by members of the leading scientific centers and universities of Russia.

Keywords: Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the Revolution of 1917, projects, new sources, new knowledge

**Ю.А. ЛЫСЕНКО,
В.А. БАРМИН,
И.В. АНИСИМОВА,
И.Б. БОЧКАРЁВА,
Н.В. ДИКОВА,
Е.В. ТАРАСОВА***

Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 года

В статье представлен анализ этнополитических и этносоциальных процессов в Степном крае и Туркестане в период революций 1917 г. Авторы подчёркивают, что на рубеже XIX–XX вв. инициированная имперскими властями в регионе социально-экономическая и административно-политическая модернизация способствовала трансформации традиционной системы социальных отношений и активизировала процессы этнической интеграции его коренных народов. Революционные события февраля 1917 г. в России стали фактором, значительно углубившим данные процессы в центральноази-

* **Лысенко Юлия Александровна** — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (АлтГУ), руководитель проекта «Революция 1917 г. в России и “национальный вопрос” (на примере центральноазиатских национальных окраин)» (15-31-12023а(ц)).
E-mail: iulia_199674@mail.ru

Бармин Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, исполнитель того же проекта.
E-mail: valbarmin@mail.ru

Анисимова Инна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения АлтГУ, исполнитель того же проекта.
E-mail: iva0410@mail.ru

Бочкарёва Ирина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения АлтГУ, исполнитель того же проекта.
E-mail: portnygina@yandex.ru

Дикова Нина Викторовна — старший преподаватель АлтГУ, исполнитель того же проекта.
E-mail: gratis@yandex.ru

Тарасова Елена Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник АлтГУ, исполнитель того же проекта.
E-mail: forschung2005@gmail.com

атском регионе, определившим политизацию национального движения и оформление его идеологии. Пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики предприняли ряд мер, направленных на привлечение региональной этноэлиты в фарватер своей национально-государственной политики, и использовали факт роста этноконсолидационных процессов для создания советской государственности на федеративных началах, отказав народам Степного края и Туркестана в праве на самоопределение.

Ключевые слова: Россия, революция, Степной край, Туркестан, национальный вопрос, этничность, самоопределение

Особенности этнических процессов в Центральной Азии

К моменту включения Центральной Азии в сферу влияния российских интересов здесь господствовали традиционные социально-экономические отношения. Политическая система государств отражала черты восточной деспотии. Самосознание местного населения представляло иерархию идентичностей, отвечающую характеру существования традиционного общества, и основывалось на так называемых повседневно необходимых идентичностях: сословных («белая» и «чёрная» кость), религиозных (сунниты, шииты, исмаилиты, принадлежность к различным суфийским орденам и братствам), хозяйственно-культурных (кочевое, полукочевое, оседлое, горное), регионально-оазисных (бухарцы, самаркандцы, ташкентцы, кокандцы, андижанцы и др.), родственных и родовых (мангыты, кипчаки, найманы, кунграты, юзы, текинцы, йомуты и другие).

Верхний уровень самосознания населения Степного края и Туркестана определялся принадлежностью к исламу. «Мусульманин» — общее самоназвание всех народов Туркестана, которое одновременно несло определённый этнический смысл. Население вкладывало в него не просто идею принадлежности к исламской умме, но и учитывало конкретику обстоятельств — принадлежность к мусульманам определённого государства или историко-культурного ареала. Выделенные

в период советского национально-территориального размежевания в качестве основных этнонимы «узбек» и «таджик» не были для коренного населения в дореволюционный период столь актуальными, а основными были самоопределения «бухарец», «хотанец», «ферганец», «кашгарец». Все эти самоназвания отражали принадлежность к этнизированным локальным историко-культурным общностям, группам оседлых туркестанцев. У кочевых народов Степного края и Туркестана определяющим этническую принадлежность выступало родо-племенное сознание, т.е. принадлежность к конкретному этноплеменному объединению.

Не обладая ясной научно обоснованной этнолингвистической классификацией народов центральноазиатских окраин, правительственные круги Российской империи относили кочевые народы Степного края к группе «сибирских инородцев», оседлое и кочевое население Туркестана — к «туземцам» и в этом отношении никак не содействовали этнической консолидации местного населения. Таким образом, этничности в современном понимании этого слова в регионе не было или она только зарождалась под видом каких-то локальных идентичностей и политических альянсов [1]. В отличие от стран Западной Европы, где на протяжении позднего Средневековья и Нового времени проходил процесс формирования наций и национальных государств, на Востоке в целом и в центральноазиатском регионе

в частности данные тенденции были выражены крайне слабо.

Модернизация как ресурс этнической консолидации народов центральноазиатских окраин Российской империи

Рост национального самосознания коренного населения Степного края и Туркестана во многом был обусловлен процессом его интеграции в общественно-политическую жизнь страны. В период первой русской революции 1905–1907 гг. политическое пространство региона формировали филиалы российских партий, выражавших интересы различных социальных групп населения Степного края и Туркестана [2]. К партии кадетов, как партии либеральной направленности, примкнули представители казахской интеллигенции и туркестанские реформаторы-джадиды, считавшие ее программу наиболее приемлемой для эволюционного пути развития центральноазиатского общества.

В декабре 1905 г. в Уральске по инициативе казахской интеллигенции состоялся съезд делегатов пяти областей Степного края, на котором была предпринята попытка создания филиала конституционно-демократической партии. В феврале 1906 г. в Семипалатинске на втором съезде казахов было инициировано организационное оформление партии «Алаш», завершившееся позже, в 1917 г. На съезде к общим положениям программы кадетов были дополнительно включены требования о прекращении переселения в Степной край крестьян из европейской части России, признании всех земель региона собственностью коренного населения, открытии национальных школ, развитии национальной культуры и предоставлении мусульманам края свободы вероисповедания. Вполне очевидно, лидеры казахской интеллигенции планировали решать этносоциальные вопросы, став общей частью единого русского либерально-демократического движения [3].

Туркестанские джадиды оказались менее интегрированными в общественно-политическую жизнь страны, что было обусловлено более поздним, по сравнению со Степным краем, присоединением региона к Российской империи. В условиях господства традиционных социальных отношений наибольшее влияние на общественно-политическую жизнь населения Туркестана в начале XX в. продолжал оказывать ислам. Поэтому зарождение идеологии регионального национализма в форме джадидизма здесь осуществлялось в большей степени на основе идей панисламизма. Однако в своей эволюции джадидизм вышел из первоначальных культурных рамок религиозно-реформаторского течения и приобрел форму национального политического движения и идеологического течения, включавшего идеи пантюркизма. Социальной базой джадидизма были преимущественно буржуазные слои населения Туркестана и часть местной интеллигенции, которые высказывались за необходимость ликвидации некоторых традиционных обрядов, мешающих нарождающейся буржуазии, за ограниченную реформу ислама и религиозной школы, за приспособление ислама к буржуазному развитию национальных окраин Российской империи и потребностям национальной буржуазии. В 1907–1917 гг. по инициативе прогрессистов Туркестана состоялись собрания региональной мусульманской общественности с целью создания политических организаций «Гайрат», «Тараккийпарвар», «Турон» и др. [4].

Важной вехой формирования идеологии центральноазиатского национализма стала интеграция Степного края и Туркестана в общероссийское мусульманское движение. Его конкретные формы выразились в практике проведения всероссийских мусульманских съездов, первый из которых состоялся в августе 1905 г. На них обсуждался широкий спектр вопросов функционирования мусульманской общины России, этноконфессиональные проб-

Фото 1. Б. Каратаев, депутат Госдумы II созыва от Уральской области, и Т. Нурекинов, депутат Госдумы II созыва от Семипалатинской области, заполняют анкету Госдумы. Санкт-Петербург. Февраль-июнь, 1907 г.

лемы отдельных регионов, разрабатывались альтернативные правительственным проекты религиозной реформы, выдвигались планы «культурно-конфессионального автономного развития тюркских народов в составе Российской империи» [5]. В период работы Государственной думы первого и второго созывов избранный от Степного края и Туркестана депутатский корпус вошёл в состав мусульманской фракции, участники которой объединились на основе религиозной идентичности для защиты интересов и решения проблем населения мусульманских регионов Российской империи [6] (фото 1).

Однако идеология туркестанского джадидизма и либеральное движение казахской интеллигенции не смогли приобрести определённую организационную политическую форму вплоть до 1917 г. Их практическая деятельность в межреволюционные 1907–1917 гг. носила легальный характер и была направлена на массовую пропаганду либеральных политических идей, главным образом через периодическую печать. Именно в эти годы шло формирование национальной

периодики и издание на казахском языке газет «Айкап» и «Казах», джадидизских газет и журналов («Таракки», «Шухрат», «Хуршид», «Садои-Туркистон» в Ташкенте; «Самарканд», «Ойна» — в Самарканде; «Турон», «Бухорои-Шариф» — в Бухаре; «Садои-Фаргона» — в Коканде и др.), создание в крае новометодных школ, благотворительных обществ, национальных театров и т.п. Всё это, безусловно, создавало предпосылки для роста социальной мобильности населения центральноазиатских окраин и активности процессов этнической консолидации.

Определённую роль в развитии процессов национальной консолидации коренного населения Центральной Азии сыграли последствия экономической модернизации. Последняя сопровождалась складыванием рыночного сектора экономики, включением местного общества в товарно-денежные отношения, систему регионального разделения труда и, в конечном итоге, формированием национальной буржуазии и кадров промышленных рабочих. Всё это способствовало трансформации традиционных социальных связей и отношений,

росту внутрорегиональной миграции, перераспределению городского и сельского населения и, как следствие, усилению процессов этносоциальной мобильности коренного населения [7].

Таким образом, модернизационная политика Российской империи в Степном крае и Туркестане была важна не только как моделирование нового политико-экономического пространства, но и как весомый ресурс роста этнического самосознания и консолидации народов региона. В конце XIX – начале XX в. данные процессы выразились в проведении в различных областях региона волостных и уездных съездов коренных народов, становлении национальной периодической печати, театров, образовательных систем с обязательным изучением родного языка, в стремлении к изучению истории отдельных народов региона, их языка и культуры. Свидетельством усиления этнического самосознания стал рост освободительного движения коренных народов центральноазиатских окраин Российской империи, кульминационным событием которого следует считать восстание 1916 г.

Все вышеуказанные обстоятельства, безусловно, оказали влияние на развитие общественно-политической ситуации в Степном крае и Туркестане в период революций 1917 г., значительно скорректировали курс национального движения, определяя его особенности, и сделали его отличным от аналогичных процессов, происходивших в европейской части России. Революционные события 1917 г. в существенно меньшей степени носили здесь классовую окраску и были призваны решить в первую очередь этнические и межэтнические проблемы, порождённые политикой России имперского периода.

Февральская революция 1917 г. и этнополитические процессы в центральноазиатском регионе России

Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 г. в России корен-

ное население центральноазиатских окраин восприняло как следствие его многолетней борьбы за национальные интересы и продолжение освободительного движения 1916 г. Определённые надежды этноэлит Степного края и Туркестана на решение национальных проблем были связаны с постановлением Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», принятым 20 марта 1917 г. [8]. Кроме того, положительно был решён вопрос о возвращении на родину инородческих рабочих дружин, реквизированных для работ на фронте.

В марте-апреле 1917 г. в Степном крае и Туркестане шёл процесс формирования новых органов государственной власти. Генерал-губернаторы и губернаторы областей отстранялись от занимаемых должностей. По решению Временного правительства был создан Туркестанский комитет, призванный установить «прочный порядок» в регионе и «разрешать на месте все возникающие вопросы» [9]. В отдельных городах (Уральск, Верный, Акмола, Семипалатинск, Аулие-Ата) появились киргизские (казахские) национальные комитеты, усилились этнополитические процессы среди мусульман Туркестана [10].

На волне революционных событий значительно активизировались политические процессы в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате, включенных в сферу интересов России в 60–70 гг. XIX в. Так, хивинский хан Сеид-Асфендиар-Богадур-хан 5 апреля 1917 г. подписал манифест, согласно которому Хива объявлялась конституционной монархией. Власть хана ограничивалась выборным органом — меджлисом. В манифесте также провозглашалось равенство всех граждан перед законом, свобода создания союзов, выборность должностных лиц, введение местного самоуправления. Аналогичные реформы были предприняты бухарским эмиром Сеид Мир Алимом в конце марта 1917 г.

Вопрос об автономном устройстве края стал главным в общественно-полити-

ческой жизни Степного края и Туркестана в межреволюционный период. Его решение рассматривалось в контексте вопроса о форме государственного устройства в самой России. Так, после прошедших в апреле-мае 1917 г. областных и уездных съездов партии «Алаш», 21–26 июля того же года в Оренбурге состоялся Общеказахский съезд. Центральным в его работе стал вопрос о казахской государственности и демократических реформах, направленных на создание необходимых предпосылок для самоопределения нации. По вопросу о форме государственного управления съезд принял решение: «В России должна быть демократическая федеративная парламентская республика». Делегаты съезда признали, что казахские области «должны получить областную территориально-национальную автономию».

В Ташкенте 7–15 апреля 1917 г. проходил I Туркестанский краевой съезд советов рабочих и солдатских депутатов. В его работе участвовали 263 делегата от 75 советов (преимущественно европейской национальности). В повестке дня съезда стоял вопрос о краевой власти, было предложено множество вариантов её организации. Ряд делегатов потребовал учесть настроения мусульман и их стремление к созданию единой власти с европейцами. Большинство делегатов съезда высказалось за учреждение в России демократической республики с сильным центральным органом. Тем не менее съезд не выразил своего отношения к таким важным для народов Туркестана вопросам, как автономия края, ликвидация национально-неравенства [11].

В то же время на первом Краевом съезде мусульман, организованном национальной организацией «Шурои Исламия», также рассматривался вопрос о национально-территориальной автономии Туркестана. В работе съезда принимали участие 150 делегатов от коренного населения. После острой дискуссии 17 апреля была принята резолюция, в которой

высказывалось пожелание о пребывании Туркестана в составе Российской Федеративной Республики, но в качестве отдельной территориальной автономии с предоставлением ей широких прав. На этом съезде был избран верховный исполнительный орган власти – Краевой мусульманский совет [8]. Краймуссовет выполнял функции координационного центра национального движения коренного населения края, его представители входили в состав Туркестанского совета как органа Временного правительства в крае.

Вопрос об автономии края стал более активно обсуждаться в мусульманской среде после I Всероссийского съезда мусульман, проходившего в Москве 1–11 мая 1917 г. (фото 2). Дискуссия по вопросу национально-государственного устройства России разделила участников съезда на две большие группировки: одна из них стояла на принципах централизма и выступала за экстерриториальную культурную автономию мусульман в составе демократической Российской Республики, а другая – за территориальную автономию мусульман в составе Российской Федерации. В конечном итоге съезд принял решение: «Признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является Демократическая Республика на национально-территориальных федеративных началах; причём национальности, не имеющие определённой территории, пользуются национально-культурной автономией» [11]. На съезде был избран Центральный совет мусульман России в составе 12 человек. От Туркестана в его состав вошли Убайдулла Ходжаев, А.З.Валиди, Абдулхолик Коканбаев (Самарканд), Рахмонберди Камолиддинов (Коканд).

Однако с лета 1917 г. этноконсолидационные процессы в туркестанском обществе натолкнулись на определённые трудности. Это было связано с нарастанием противоречий между светским и духовным направлением в «Шурои Исламия»,

Фото 2. Делегаты I Всероссийского съезда мусульман, Москва, май 1917 г.

с выходом из неё мусульманского духовенства в июне 1917 г. и образованием им организации «Шурои Улема» («Совет духовенства»). Кроме того, к лету 1917 г. более чётко выявилась и сущность Туркестанского исполнительного комитета, исключившего возможность введения в Туркестане политической автономии. Однако лидеры национальной интеллигенции продолжали поддерживать Турккомитет, так как к этому времени остро обозначилась несовместимость позиций Краймуссвета и совета рабочих и солдатских депутатов, который стал занимать жёстко классовые позиции по всем проблемам общественной жизни края. Усиливающиеся претензии советов на власть, игнорирование общенациональных интересов коренных народов отталкивали национальную демократию от советов, усиливали противостояние между ними.

Значительное влияние на идеологию движения за автономию Туркестана оказали решения II Всероссийского мусуль-

манского съезда, прошедшего во второй половине июля 1917 г. в Казани. Съезд принял следующую резолюцию: «Разрешение вопроса о форме правления Туркестаном, Киргизией, Кавказом и Крымом предоставить самому населению этих окраин, а для мусульман внутренней России и Сибири принять широкую национально-культурную автономию». Таким образом, съезд допускал для коренного населения Центральной Азии иные, чем культурная автономия, формы самоопределения, что свидетельствовало о наличии разных подходов к вопросу о национальном самоопределении со стороны региональных мусульманских элит. Туркестанские националисты не ставили перед собой задачу отделения Туркестана от России, придерживаясь автономистских взглядов по этому вопросу. Организационно оформившаяся в конце лета 1917 г. первая туркестанская политическая партия «Турк Одами Марказияти» (Центр Тюркских Народов) выступила

за предоставление народам Туркестана, Кавказа, Киргизии, Казахстана, Башкирии национально-территориальной автономии [11].

Происходящая поляризация политических сил Туркестана наиболее ярко проявилась на выборах в Ташкентскую городскую думу, состоявшихся в июле 1917 г. Итоги выборов принесли победу «Шурои Улема»: из 112 мест она получила 62, социал-демократы – 5, эсеры – 24, «Шурои Исламия» – 11. Всего от коренного населения были избраны 74 гласных, а от европейского – 38. Победу «Улема» на выборах демократические круги из европейского населения, получившего 2/3 мест, восприняли отрицательно. Они открыто заявили о политической незрелости основных масс коренного населения, господстве над ними консервативных сил.

Нарастающий межнациональный антагонизм превращал Туркестан в бурлящий котёл. Его захлестывали многочисленные конфликты на национальной почве – от локального характера (волнения по поводу ущемления политических прав при выборах местных властных структур, социальных прав при распределении продуктов и т.д.) до конфликтов, охватывающих целые регионы края. Незаживающей раной стали кровавые столкновения в Семиречье между русскими крестьянами-переселенцами, киргизами и казаками, возвратившимися после февральской революции из Китая, куда они бежали после подавления восстания 1916 г. В условиях полной политической, национальной, социальной нестабильности туркестанского общества, усилившихся процессов поляризации его сил идея национальной консолидации, выдвинутая местной интеллигенцией, оказалась под угрозой. И только события в Петрограде в конце лета – осенью 1917 г., эхом отозвавшиеся в Туркестане, снова актуализировали проблемы национальной консолидации.

Неудавшаяся попытка Верховного главнокомандующего Л.Г.Корнилова совершить военный переворот и свергнуть Вре-

менное правительство значительно активизировала действия большевиков. Выдвинутый ими лозунг «Вся власть советам» был подхвачен всей страной, однако в Степном крае и Туркестане он не нашёл поддержки и понимания среди коренного населения. На созванном по инициативе «Шурои Исламия» II Краевом мусульманском съезде (Ташкент, 7–11 сентября 1917 г.) этноэлита выступила против передачи власти советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, комплектовавшимся в основном из русского населения региона, и высказалась за создание коалиционного правительства, представляющего все национально-политические силы страны.

Тем не менее на инициированном большевиками 12 сентября 1917 г. в Ташкенте митинге был избран новый состав Исполнительного комитета Ташкентского совета в составе 36 членов, преимущественно левых эсеров и большевиков. С осуждением большевиков за попытку узурпации власти и оценкой их действий как игнорирования интересов и прав мусульман сразу же после первых дней сентябрьских событий выступили «Шурои Исламия», «Шурои Улема», партия тюркских федералистов и другие национальные организации.

Борьба за туркестанскую автономию активизировала все слои мусульманского населения. Весьма важным событием, заложившим организационные основы туркестанской автономии, явился съезд туркестанских и казахских мусульман, состоявшийся 17–20 сентября в Ташкенте. Для представления интересов мусульман Туркестана и Казахстана было решено создать единую политическую партию под названием «Иттифак ал-Муслимин» («Союз мусульман») вместо организаций «Шурои Исламия», «Турон», «Шурои Улема» и др. В принятой съездом резолюции была выдвинута идея образования территориальной автономной федерации в составе демократической Российской республики. Дав автономии название «Туркестанская федеративная республи-

ка», съезд определил основные принципы и нормы будущего государственного устройства.

Создание политических партий, принятие ими программных документов свидетельствовали о политической зрелости, достигнутой национальным движением в Туркестане. Основной задачей деятельности политических сил в этот период было прийти к созыву Учредительного собрания единой, сплочённой группой от Туркестана и остальных восточно-тюркских народов. С Учредительным собранием участники национального движения связывали большие надежды.

К осени 1917 г. процесс послефевральского развития вступил в новый этап. Его характерной чертой было назревание общенационального кризиса. Полугодовая деятельность Временного правительства привела страну на грань экономического коллапса. Разруха, голод и безработица, продолжающаяся война, поглощавшая огромные материальные и людские ресурсы, резко радикализировали настроения населения. Сложившаяся политическая и экономическая обстановка сыграла на руку большевикам, которые 25 октября 1917 г. организовали государственный переворот и захватили власть в стране.

Большевики и практика управления этнополитическими процессами в центральноазиатском регионе

Приход к власти большевиков дал некоторую уверенность народам Центральной Азии в разрешении их национальных проблем. Их ожидания основывались на двух программных документах РСДРП(б) по национальному вопросу: «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» и «Декларация прав народов России», принятых в ноябре 1917 г. Они провозглашали «уничтожение каких бы то ни было национальных привилегий, полное равноправие наций и признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное самоопределение» [11].

Данный фактор, безусловно, сыграл немаловажную роль в фактически бескровном переходе власти к большевикам как в целом по стране, так и в Туркестане. Уже 15 ноября 1917 г. в Ташкенте начал работу III Краевой съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, центральным вопросом повестки дня которого стал вопрос об организации краевой власти. Tактической ошибкой явилось принятие решения о формировании Советского правительства Туркестана из большевиков и левых социалистов-революционеров без представителей мусульманского населения «в виду полной неопределённости отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций» [12].

Данное обстоятельство вызвало новую волну роста этноконфессионального сознания мусульман Туркестанского края. Уже в конце 1917 г. в регионе начался процесс установления альтернативной Советам республиканской власти. Так, представители национального автономистского движения на IV Чрезвычайном общемусульманском краевом съезде в Коканде объявили «Туркестан территориально автономным в единении с Федеративной Российской республикой» и представили установление норм автономии Туркестана Учредительному собранию, которое предложили созвать в кратчайший срок [12]. Кокандских автономистов поддерживали бухарской эмир и хан Хивы, туркестанские эсеры, меньшевики и сионистские организации, члены регионального «Союза русского народа» (фото 3).

В условиях радикализации настроений российского общества лидеры казахской либерально-демократической интеллигенции в лице А.Бужейханова, А.Байтурсынова, М.Дулатова и др. инициировали в декабре 1917 г. процесс создания национально-культурной автономии казахского

Фото 3. Провозглашение Туркестанской автономии в Коканде, декабрь 1917 г.

народа «Алаш». Формой государственного правления провозглашался республиканский строй. Автономия должна была состоять из областей, входивших в Российскую Федерацию. Учитывая полиэтничность казахстанского общества, лидеры алаш-ордынского движения создали временный (до выборов в Учредительное собрание) орган управления автономией «Алаш» из представителей многочисленных национальностей. В его состав вошли 15 казахов, 10 мест были отданы русскому и другим народам [13].

Однако логика нацистроительства центральноазиатских политических сил пришла в противоречие с представлениями руководства РСФСР о принципах создания национальных автономий. Официальный правительственный курс в отношении национально-автономного движения был юридически закреплён в марте 1918 г. обращением наркома по делам национальностей И. Сталина

к Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбург, к Совнаркому Туркестанского края. Учитывая стремление коренных народов Центральной Азии к самоопределению, в документе было предложено реализовать идею создания в регионе автономии на социалистических началах, передав властные полномочия социальным низам — рабочим, крестьянам и солдатам. Обращение также предполагало отказ от формирования представительных органов власти посредством деления на национальные курии. Это объяснялось неготовностью народов центральноазиатских окраин к автономному национально-государственному строительству [14].

Параллельно с санкции центрального советского правительства началась борьба с так называемыми буржуазно-националистическими правительствами Туркестана и Степного края, завершившаяся разгромом Туркестанской автономии в феврале

1918 г, а позднее и ликвидацией автономии «Алаш».

На V Краевом съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который открылся 20 апреля 1918 г., было принято решение о создании Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР), вошедшей в состав РСФСР [15]. В августе 1920 г. было решено распустить автономию Алаш и образовать Киргизскую АССР [16]. Так как в регионе имелась крайне узкая социальная база для советской власти, в начале 1919 г. были созданы Особые временные комиссии СНК и ВЦИК РСФСР по делам Туркестана и Казахстана. Они были призваны построить в Центральной Азии цитадель Советской власти и превратить её в политический и военный штаб азиатской революции. Прибывшие в регион в начале 1920 г. члены Турккомиссии сразу же заявили, что советская власть готова предоставить Туркестану автономию, но только при условии, что последняя будет не «буржуазной», а «пролетарской».

Важным направлением деятельности Турккомиссии стало укрепление позиции РКП(б) в регионе. В докладах руководителей низовых ячеек II съезда Компартии Туркестана, проходившего в декабре 1918 г., подчёркивалось, что среди коренных народов региона коммунистическая идеология крайне непопулярна. Во многих городах и крупных населённых пунктах Туркестана коммунистические ячейки были либо крайне малочисленными, либо отсутствовали вообще. Поэтому региональные структуры РКП(б) предприняли меры, направленные на формирование разветвлённой партийной системы и советизацию региона. В течение 1918–1919 гг. сельские советы были образованы почти во всех областях и уездах ТурАССР. Параллельно проходил процесс создания чрезвычайных органов диктатуры пролетариата — ревкомов. Они наделялись огромными полномочиями как в вопросах совет-

ского строительства в центральноазиатском регионе, так и в вопросах обороны. С целью формирования отношения доверия к советской власти большевики целенаправленно стали привлекать в состав областных ревкомов ТурАССР представителей коренных национальностей: они составили около 60%. Активная большевистская пропаганда среди мусульманского населения края позволила Турккомиссии создать ряд прокоммунистических молодёжных организаций и провести первые областные конференции коммунистов-мусульман края, наладить работу по изданию партийных периодических изданий на языках народов края [17].

Советско-партийные органы власти Туркестана во многом наследовали традиции имперского политического управления регионом. В частности, в условиях значительной территориальной отдалённости региона от политического центра большевизма — Москвы — они получили право проведения региональной внешней политики. Первоочередной задачей СНК ТурАССР стало решение вопроса о статусе Бухарского эмирата и Хивинского ханства, являвшихся до 1917 г. протекторатами Российской империи. Реакцией Бухарского правительства на известие об Октябрьской революции стала мобилизация в армию, численность которой дошла до 30 тыс. чел. Эмир Олимхан также установил связь с антибольшевистскими силами: белоказачьим атаманом Дутовым и лидерами Кокандской автономии. Российское резидентство в Бухаре упразднили и все попытки Советской России наладить отношения с Бухарой отклонялись.

В этих условиях, заручившись поддержкой лидеров младобухарской и младохивинской оппозиции (Ф.Ходжаев, У.Пулатходжаев, А.Мухитдинов, П.Юсупов и др.), в марте 1918 г. отряд красноармейцев во главе с председателем СНК Туркестана Ф.Колесовым занял Старую Бухару. Эмир был вынужден подписать Кызылтепинское соглашение, предусматривав-

шее взаимное признание туркестанского советского и бухарского правительств, подкреплённое установлением дипломатических отношений. Советская сторона гарантировала невмешательство во внутри- и внешнеполитическую жизнь Бухарского эмирата. В июне 1918 г. открылось бухарское посольство в Ташкенте. На основе соглашения предусматривались проведение демобилизации бухарской армии, выдача всех офицеров-белогвардейцев, руководивших её военными действиями, а в декабре Туркестан и Бухара подписали торговый договор.

В конце декабря 1919 г. части Красной Армии вошли на территорию Хивинского ханства. Хан Саид Абдулла отрёкся от престола, и власть перешла к Временному комитету. Спустя несколько дней был создан партийно-государственный орган — Комитет коммунистов Хорезма, одновременно выполнявший функции исполнительной власти — Совета народных комиссаров. Молодохивинцы, войдя в состав Комитета коммунистов Хорезма, объявили о роспуске своей партии. 27–30 апреля 1920 г. в Хиве состоялся I Всехорезмийский курултай, провозгласивший образование Хорезмской Народной Советской Республики. Её суверенитет был номинальным, а правительство полностью зависело от Советской России. Схема прежнего российского протектората над Хивой, с соответствующими поправками, была воспроизведена в новых условиях. В 1921 г. Хорезмская республика подписала союзный договор с РСФСР.

По сходному сценарию развивались и события в Бухаре. Созданная большевиками в начале 1918 г. коммунистическая партия Бухары и младобухарцы представляли достаточно слабую силу для проведения революции в эмирате. К началу 1920 г. у большевистского руководства сформировалось чёткое убеждение в необходимости «организации революции в Бухаре за счёт сил извне». В августе 1920 г. отряды Красной Армии, руководимые М.В. Фрунзе, вторглись в пре-

делы Бухары. Эмир Сейид Алим был низложен, и образована Бухарская Народная Советская Республика.

Центральная Азия в условиях гражданского противостояния и попытки урегулирования большевиками «национального вопроса»

Этнополитические процессы, происходившие в центральноазиатском регионе в первые месяцы советской власти, в конечном итоге привели к гражданскому противостоянию. Разгон Туркестанской автономии и автономии Алаш большевиками, их политика в религиозном вопросе привели к расколу центральноазиатского общества, росту социальной и межэтнической напряжённости, усилению национально-освободительного движения. Ситуация усугублялась экономическим кризисом, разрушившим хлопковое хозяйство и приведшим к массовому обнищанию дехкан. Начавшаяся весной 1918 г. гражданская война в регионе вылилась в борьбу Советской власти с оппозиционно настроенными ей буржуазными и исламскими силами в форме басмаческого движения (фото 4).

Военно-политические акции советского руководства в отношении Хивы и Бухары в начале 1920-х гг. ещё более активизировали антибольшевистские силы, прежде всего басмаческое движение. По сообщениям партийно-советских органов, к концу 1921 г. в басмаческих отрядах насчитывалось около 20 тыс. человек. К началу лета 1922 г. басмачи под руководством Энвер-паши, Давлет Манбия, Ибрагим-бека фактически контролировали крупные города и населённые пункты восточной части Бухарской республики. Для большевиков ситуация в Западной Бухаре осложнялась массовым народным антисоветским восстанием, руководимым муллой Абдукадаром.

Крупномасштабное бухарское и самаркандское басмаческое движение было разгромлено после того, как советское руко-

Фото 4. Басмачи в Восточной Бухаре

водство в Центральной Азии в значительной степени усилило Бухарскую группу войск, достигнув численного преимущества над басмачами (фото 5). Отряды басмачей, не выдержав натиска красноармейских частей, отошли в труднодоступные горные районы. В 1923 г. самаркандское басмачество было полностью ликвидировано. Одна из причин его поражения была связана с мероприятиями советской власти, направленными на урегулирование противоречий власти с коренным населением (фото 6). Советское руководство, осознав, что только военные действия не приносят результатов в борьбе с басмачеством, было вынуждено ослабить террор и реабилитировать в правах исламские институты. Как результат, в 1924 г. некоторые курултаи признали советскую власть в Центральной Азии как власть, «данную свыше Аллахом». Это позволило Советам выбить из-под басмачества идеологическую основу, а следовательно, лишить его постоянного пополнения за счёт

мирного населения. Многие полевые командиры басмачей в новой ситуации были вынуждены покинуть территорию Советского Союза и уйти в Афганистан [18].

После ликвидации крупных очагов басмачества советская власть перешла к масштабной социально-экономической и культурной модернизации и укреплению советских национальных автономий в Центральной Азии. В тезисах И.В. Сталина «Об очередных задачах партии по национальном вопросу», подготовленных в 1921 г. к X съезду РКП(б), был обозначен новый курс в государственной национальной политике, который предполагал, во-первых, открытое вытеснение из общественно-политической жизни лидеров и участников национальных движений народов Центральной Азии; во-вторых, установление новых принципов формирования национальных руководящих кадров. Интеллектуалы, представлявшие национальные интересы, были вынуждены уступить эту функцию партийной

и советской номенклатуре, которой предписывалась роль исполнителя директив ЦК РКП(б). Кроме того, был взят курс на искоренение любых проявлений «местного сепаратизма», принимались решительные действия по вживанию коммунистической партии в местную среду, выравнивание условий жизни разных слоёв населения.

В то же время новая власть не могла отказаться от поисков модели интеграции, подходящей для этого региона. Выходом стала ставка на дальнейшее построение национальных автономий на советских социалистических началах. Начиная с 1921 г. большевики перешли к формированию многонационального государства посредством реализации идеи федерализма на всей территории бывшей Российской империи. В конце 1922 г. в Москве состоялся I Всесоюзный съезд Советов, провозгласивший образование союзного Советского государства и утвердивший Декларацию и Договор об образовании СССР [19]. Туркестанская, Кир-

гизская (Казахская) автономные советские социалистические республики вошли в состав союзного государства в составе РСФСР.

В 1924 г. последовало дальнейшее административно-территориальное размежевание в Центральной Азии. Туркестанская, Бухарская и Хорезмская АССР были преобразованы в Узбекскую и Туркменскую Советские Социалистические Республики. В составе Узбекской ССР были образованы Таджикская и Кара-Киргизская автономные области. Районы Туркестана, исторически населенные казахами, перешли в состав Киргизской Автономной ССР. В её составе была выделена Каракалпакская автономная область. В 1928 г., в связи с обострением ситуации на советско-афганской границе, в Москве было принято решение о преобразовании Таджикской автономной области в составе Узбекской ССР в союзную республику. Решение воплотилось в жизнь 16 октября 1929 г. Завершилось национально-территориальное размежевание в Центральной

Фото 5. Переговоры с главарями басмаческого движения в Бухаре, 1921 г.

Фото 6. Дехкане записываются в отряды по борьбе с басмачами, 1920-е гг.

Азии в 1936 г., когда Казахскую и Киргизскую АССР преобразовали в союзные республики.

В целом после Первой мировой войны начались распад колониальных империй и появление на карте новых национальных государств: Польши, Финляндии, Югославии, Чехословакии, Трансильвании и т.д. Однако центральноазиатским народам, продемонстрировавшим в начале XX в. тенденции роста национального самосознания и стремления к национальному государственному строительству, фактически в деколонизации было отказано. Уход Запада от активной поддержки антибольшевистского басма-

ческого движения в Центральной Азии явился косвенным свидетельством того, что он предпочёл передачу региона под контроль Советской России перспективе реализации местными националистами идеи панисламистского или пантюркистского государства. Причём последнее понималось не как «пантюркизм», а как «пантуркизм», т.е. распространение прогерманской, англофобской гегемонии Турции. Большевикам удалось не только сохранить территориальную целостность Центральной Азии имперского периода, но и включить в сферу своих политических и экономических интересов Бухарский эмират и Хивинское ханство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетея, 2007. С. 179.
2. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 134.
3. Сыдыков Е. Проблемы идейной эволюции национально-освободительного движения в Казахстане // Отан тарихы. Отечественная история. 1998. № 2. С. 45–46.
4. Котюкова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 97.
5. РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 631, л. 137–137 об.
6. Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе Российской империи. 1906–1917 гг. Казань: ФЭН, 2005. С. 29.
7. Лысенко Ю.А., Лысенко М.Ф. Итоги социально-экономической модернизации Степного и Туркестанского генерал-губернаторств рубежа XIX – начала XX в. как ресурс формирования региональных этничностей // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века: Сборник статей по материалам IV Всероссийской научной конференции. Барнаул: МЦ ЭОР, 2015. С. 91–100.
8. Революция и «национальный вопрос»: Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. 3. 1917. Февраль – октябрь. М.: Изд. Коммунистической акад., 1930. С. 53–54.
9. ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 422. Л. 40–40 об.
10. Койгельдиев М.К., Жангуттин Б.О., Еркемисова Б.А. Казахстан в российских революциях 1917 года. Алматы: Алаш, 2011. С. 28–46.
11. Исхаков С.Р. Российские мусульмане и революция 1917–1918 гг. М.: Социально-политическая мысль, 2004. С. 127–129.
12. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632.
13. Алаш-Орда: Сборник документов. Алма-Ата: Айкап, 1992. С. 88–91.
14. Советское содружество народов. (Объединительное движение и образование СССР). М.: Политиздат, 1972. С. 119–122.
15. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1503.
16. Образование Казахской АССР: Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд. Академия наук КазССР, 1957. С. 251–255.
17. Культурное строительство в Туркестане. Т. 1: Культурное строительство в Туркестанской АССР в период установления Советской власти и Гражданской войны (1917–1920 гг.). Ташкент: Узбекистан, 1973. Док. № 5. С. 55–57.
18. Зевелев А.И., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука, 1981.
19. ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 5. Д. 67а. Л. 82.

ENGLISH

Ethnopolitical and ethnosocial processes in the Central Asian outskirts of Russia during the 1917 revolutions

Lysenko Yulia Aleksandrovna is DSc in History, Professor of the Department of Oriental Studies, Altai State University, head of the project “The Revolution of 1917 in Russia and the national issue” (the case of the Central Asian national outskirts)” (15-31-12023a(ц)).

E-mail: iulia_199674@mail.ru

Barmin Valery Anatolyevich is DSc in History, head of the Department of World History, Altai State Pedagogical University, researcher in the same project.

E-mail: valbarmin@mail.ru

Anisimova Inna Vladimirovna is PhD in History, Associate Professor of Oriental Studies at Altai State University, researcher in the same project.

E-mail: iva0410@mail.ru

Bochkaryova Irina Borisovna is PhD in History, Associate Professor of Oriental Studies, Altai State University, researcher in the same project.

E-mail: portnygina@yandex.ru

Dikova Nina Viktorovna is the senior tutor at Altai State University, researcher in the same project.

E-mail: gratis@yandex.ru

Tarasova Elena Vladimirovna is PhD in History, research associate of Altai State University, researcher in the same project.

E-mail: forschung2005@gmail.com

The article focuses on the ethnopolitical and ethnosocial processes in the steppe region and Turkestan during the revolutions of 1917. The authors emphasize that at the turn of the 19th–20th centuries, the socio-economic, administrative and political modernization initiated by the imperial government in the region contributed to the transformation of the traditional social relations and triggered the process of ethnic integration of its indigenous peoples. The revolutionary events that took place in February 1917 in Russia greatly deepened these processes in the Central Asian region and determined the politicization of the national movement and the formation of its ideology. Having seized power in October 1917, the Bolsheviks took a series of measures in order to involve the regional ethnic elite in their national politics. They used the growth of ethnic consolidating processes for the creation of the Soviet state on the federative basis, denying the peoples of the steppe region and Turkestan the right to personal identity.

Keywords: Russia, revolution, Steppe region, Turkestan, the national question, ethnicity, personal identity

REFERENCES

1. Abashin S. Natsionalizmy v Srednej Azii: v poiskakh identichnosti. SPb.: Aleteya, 2007. S. 179.
2. Tsentral'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. S. 134.
3. Sydykov E. Problemy idejnoj evolyutsii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniya v Kazakhstane // Otan tarikhy. Otechestvennaya istoriya. 1998. № 2. S. 45–46.
4. Kotyukova T.V. «Musul'manskij vopros» v Turkestane v nachale XX v. // Voprosy istorii. 2010. № 9. S. 97.
5. RGIA, f. 821, op. 8, d. 631, l. 137–137 ob.
6. Usmanova D.M. Musul'manskije deputaty v Gosudarstvennoj dume Rossijskoj imperii. 1906–1917 gg. Kazan': Fen, 2005. S. 29.
7. Lysenko Yu.A., Lysenko M.F. Itogi sotsial'no-ekonomicheskoy modernizatsii Stepnogo i Turkestanskogo general-gubernatorstv rubezha XIX – nachala XX v. kak resurs formirovaniya regional'nykh etnichnostej // Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX – nachala XXI veka: Sbornik statej po materialam IV Vserossijskoj nauchnoj konferentsii. Barnaul: MTS EOR, 2015. S. 91–100.

8. Revolyutsiya i «natsional'nyj vopros»: Dokumenty i materialy po istorii natsional'nogo voprosa v Rossii i SSSR v XX veke. T. 3. 1917. Fevral' – oktyabr'. M.: Izd. Kommunisticheskoy akad., 1930. S. 53–54.
9. TSGA RK. F. 15. Op. 2. D. 422. L. 40–40 ob.
10. Kojgel'diev M.K., Zhanuttin B.O., Erkemisova B.A. Kazakhstan v rossijskikh revolyutsiyakh 1917 goda. Almaty: Alash, 2011. S. 28–46.
11. Iskhakov S.R. Rossijskie musul'mane i revolyutsiya 1917–1918 gg. M.: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2004. S. 127–129.
12. RGASPI. F. 71. Op. 34. D. 1632.
13. Alash-Orda: Sbornik dokumentov. Alma-Ata: Ajkap, 1992. S. 88–91.
14. Sovetskoe sodruzhestvo narodov. (Ob"edinitel'noe dvizhenie i obrazovanie SSSR). M.: Politizdat, 1972. S. 119–122.
15. RGASPI. F. 71. Op. 34. D. 1503.
16. Obrazovanie Kazakhskoj ASSR: Sbornik dokumentov i materialov. Alma-Ata: Izd. Akademiya nauk KazSSR, 1957. S. 251–255.
17. Kul'turnoe stroitel'stvo v Turkestane. T. 1: Kul'turnoe stroitel'stvo v Turkestanskoj ASSR v period ustanovleniya Sovetskoj vlasti i Grazhdanskoj vojny (1917–1920 gg.). Tashkent: Uzbekistan, 1973. Dok. № 5. S. 55–57.
18. Zevelev A.I., Chugunov A.I. Basmachestvo: vzniknoenie, sushchnost', krakh. M.: Nauka, 1981.
19. TSGA RK. F. 5. Op. 5. D. 67a. L. 82.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).05
ГРНТИ 03.23.31

Д.Н. КОПЕЛЕВ*

Имперская геополитика 1720-х годов: секретная экспедиция Петра Великого на Мадагаскар

Проект представляет собой архивное исследование и посвящён комплексному анализу внешней политики императора Петра I в 1721–1725 гг., рассматриваемой в фокусе строительства колониальной империи. В центре внимания автора следующие основные моменты: попытка союза с пиратами Индийского океана и организации военно-морской базы на Мадагаскаре, изучение навигации в Северном Ледовитом океане, закрепление на границах с Китаем, организация торговли в Испанской Америке, продвижение в южном геополитическом направлении к Персии и Индии, якобитское движение и проекты реставрации Стюартов.

Окончание Северной войны развязало императору руки, дав возможность проложить новые векторы во внешней политике, избрав приоритетными направлениями борьбу за океан и торговую экспансию на Восток. В ходе исследования выяснилось, что в 1720-х гг. обсуждалось несколько альтернативных концепций восточной экспансии. Первый, традиционный, который мы назвали «оптимистическим», опирался на принятые в Европе концепции плавания в Японию, Китай, Индию и Америку через северо-восточный проход мимо Новой Земли. Но следует выделить и речные варианты пути в Тихий океан, связывавшие Двину с Амуром. Кроме того, в географических представлениях начала XVIII в. нашлось место и речному, южному, пути Архангельск – Астрахань – Персия, и попыткам найти водные пути в Среднюю Азию и в Индию.

Определяя колониальные объекты, Пётр Великий действовал весьма избирательно. Его «предпочтения» касались в первую очередь островов, оказавшихся вне сфер влияния ведущих военно-морских держав: Тобаго и Мадагаскар. Нетрадиционный взгляд и введение в оборот новых архивных источников позволили автору по-новому рассмотреть историю зарождения идеи Мадагаскарской экспедиции, проанализировать её ход и связать её подготовку с историей пиратства и якобитским движением.

* **Копелев Дмитрий Николаевич** — доктор исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, руководитель проекта «Мадагаскарская экспедиция и проекты строительства Российской колониальной империи (1721–1725 гг.)» (14-01-00079а).
E-mail: kopelll07@list.ru

Принципиальными итогами исследования стали панорамный взгляд на геополитическое положение России 1720-х гг. и комплексный анализ внешнеполитических подходов России, превративших страну из случайного эпизодического «игрока» на мировой арене, вовлекаемого в орбиту европейской политики странами-соседами, в полноправного участника большой дипломатической «игры», способного разговаривать с партнёрами с позиции силы.

Ключевые слова: Российская империя, Пётр I, дипломатия, военно-морской флот, международные отношения, модернизация, геополитика, навигация, мореплавание, Мадагаскар, пиратство, Великие Моголы, яcobиты

Капитализм порождает колониальную экспансию. Этот тезис, превратившийся в неизбежный постулат современной историографии [1–5], вполне применим по отношению к Петровской эпохе. Истратив колоссальные средства на модернизацию Московии и оставив после себя измученную реформами и изменившуюся до неузнаваемости Российскую империю, Пётр I придал русской истории невиданные прежде глобальные масштабы, сделав ставку на западноевропейские технологические инновации, усвоив меркантилистскую модель экономики и внедрив рациональную бюрократическую систему управления.

Став одной из ведущих европейских держав, Петровская Россия претерпела кардинальные изменения: она вышла победительницей в Северной войне, стране не угрожала потеря национальной независимости и утрата территорий; была модернизирована система государственного управления страной, введены современные властные институты, военные, научные и политические технологии. Однако, заключив Ништадтский мир, Пётр Великий (ил. 1) не приостановил триумфальное шествие Российской империи, а, наоборот, начал выстраивать новую геополитическую стратегию. Руководствовался он при этом характерной для западноевропейских военно-морских держав экспансионистской логикой, сочетая прагматичное укрепление границ импе-

рии с желанием приобретать новые территории и рынки сбыта, тем самым стремясь всеми силами «прославить своё имя и сохранить свою репутацию, пока жив, любой ценой; *pereunte me pereat mundus*» [6, с. 449; 7] (ил. 2).

В основе замыслов императора [8–11] лежала переоценка международной ситуации, ставка делалась на поиск новых европейских союзников. Экономическая и внешнеполитическая доктрина вырабатывалась в духе идей меркантилизма, свою же страну Пётр рассматривал в ка-

Ил. 1. Пётр Великий. С портрета работы Карела де Моора. 1717 г.

Ил. 2. Русско-шведская граница по Ништадтскому миру. Карта П. Пикарта. 1724 г.

честве могущественного посредника глобальной восточной торговли. В начале 1720-х гг. молодой князь И.А.Щербатов представил царю «Мнение... о создании в России банка и купеческих компаний», которые могут быть «прибыльны государству вашего величества» [12]. Щербатов, сторонник идей банкира Д. Ло, придавал ключевое значение организации в России банковской системы и акционерной торговой компании, капитал которой складывался из взносов пайщиков, причём все металлические деньги участники должны были обменять в банке на «билеты». Предусматривалось, что создаваемая компания расширит торговлю с Персией и Китаем, а также установит прямые

торговые связи с Испанией, Португалией, Францией и Италией. Купеческая компания, по мнению Щербатова, должна была послать во все важнейшие страны агентов, «знающих торг», и «тем агентам приказать накрепко, дабы смотрели в тех землях, в которые посланы будут, каким способом торг распространять» [13, 14].

Предложения Щербатова оказались крайне актуальными с точки зрения тенденций восточной политики Петра, рассматриваемой в фокусе поиска морского пути на восток, в направлении Тихого океана. Подобный оптимистический взгляд реанимировал традиционную для западноевропейской географической науки идею поиска Северо-восточного

прохода и разделялся многими современниками. Одним из наиболее известных его проводников стал Ф.С.Салтыков, в 1714 г. выдвинувший проект «О взыскании свободного пути морского от Двины реки, даже до Омурского устья и до Китая» [15, с. 11–19]. Неизвестно, впрочем, насколько целостной представлялась подобная программа самому Петру, тем более что на правительственные взгляды о перспективах освоения арктических морей оказывали влияние деятели, которых условно можно причислить к лагерю «пессимистов». Они придерживались альтернативных взглядов на возможности достижения Азии и считали, что пройти морем через полярные льды невозможно. Путь на восток следовало искать по южным речным путям, ведущим из Архангельска по Волге к Астрахани и далее – в Персию, а также по водным путям из Средней Азии в Индию [16, с. 144–202]. Для современного исследователя главная трудность заключается в том, что наброски петровских планов сегодня нелегко собрать в единое целое, они выглядят весьма размыто. В особенности это касается регионов, представлявших первостепенную важность для Петра, – периферийных зон, находившихся на границах мировой геополитики.

При выборе колониальных объектов Пётр I действовал крайне избирательно. Его «предпочтения» касались, в первую очередь, островов, оказавшихся вне сфер влияния ведущих военно-морских держав. Один из них – остров Тобаго в южной части Наветренных Антильских островов. В январе 1711 г. английский купец Р.Бек представил проект «Об учреждении в Западной Индии коммерции», поданный «к доношению на высочайшее имя». По мнению автора, царю следовало отправить на Тобаго экспедицию и основать военную базу. После же учреждения российской Вест-Индской компании и юридического закрепления прав на Тобаго необходимо было бы основать торговые фактории

в Новом Свете и начать торговлю с европейскими странами, а также с «аругами, калибами, караибами и другими индейскими народностями» [17, л. 2–5 (на франц. яз.)].

Сходное предложение сделал Петру в ноябре 1723 г. пастор А.Гаттинг из Зеландии. Он обратился к императору с призывом завершить колониальный передел Южной Америки, где многие территории, как он утверждал, ещё не завоёваны. Проект Гаттинга предусматривал колонизацию Амазонии, Уругвая, южной Бразилии и восточного побережья Аргентины [18]. В ноябре 1724 г. в Кабинет Петра поступила очередная записка от неизвестного лица, в которой описывалась сложившаяся в Вест-Индии ситуация и предлагалось «через куплю или каким другим случаем достать под свое владение» Тобаго, наладить торговлю и «со временем от одного острова Россия могла бы великую прибыль получить» [19, л. 272].

Другим объектом экспансии Петра I стал остров Мадагаскар, информация о котором на протяжении XVI–XVIII вв. была полна недостоверными сведениями и слухами. Носителями её нередко оказывались корсары и пираты [20], однако именно на основании полученных от них данных европейские правители нередко готовили планы колониального освоения новых заморских территорий (ил. 3).

Жертвой подобной «информации» стал и Пётр I, расчёты которого на проникновение в Индийский океан основывались на сведениях, полученных русскими агентами из столь сомнительных источников. Под их влиянием сложился образ «высокопочтенного короля и владельца славного острова Мадагаскарскаго», таинственного правителя острова, которому была адресована специальная «Грамота» от 9 ноября 1723 г., подписанная императором [21, № 4356]. Данный документ входил в состав комплекта правительственных инструкций, полученных руководителем Мадагаскарской экспедиции вице-адмиралом датчанином

Ил. 3. Остров Мадагаскар. Карта 1708 г.

Д.Я. Вильстером. На формирование представлений о «короле мадагаскарском» в первую очередь повлияли мифологические взгляды о проживавших на острове пиратских главарях, почерпнутые из авантюрно-художественной литературы той эпохи (ил. 4, 5). Кроме того, слухи о пиратах распространяли приезжавшие в Европу в поисках протекции их так называемые представители: граф де Линанж, маркиз де Лангалери и граф Гульденштайн [22]. Сведения о пиратах были крайне противоречивыми и послужили основанием для формирования стереотипных представлений как о самом пиратском социуме, его устройстве и законах, так и о планах пиратов.

Дополнительную интригу привносила сложившаяся после заключения Утрехтского мира международная обстановка. Разделив сферы влияния в Новом Свете, европейские военно-морские державы начали решительную борьбу с пиратским плебейско-маргинальным социу-

мом, находившимся в конфликте с законопослушным «цивилизованным» обществом [23–27]: в период с 1716 по 1726 гг. на виселицы попало более 600 пиратов [28, р. 24, 25]. Вытесняемые из Вест-Индии группировки морских разбойников смещались в Индийский океан. Центром их притяжения стали укромные базы в районе Мадагаскара, в первую очередь небольшой островок Сент-Мэри к востоку от него. Уходя из-под удара преследовавших их эскадр, пираты, привыкшие располагаться неподалёку от зон перманентной военной конфронтации и выработавшие агрессивную стратегию поведения, прибегли к специфическим мерам самозащиты. Важное место среди них отводилось ментальным «инструментам», одним из которых выступали легенды о захваченных сокровищах. Предания и слухи о пиратских кладах превратились в настоящую «приманку» для политиков и колониальных администраторов, рассчитывавших прибрать к своим рукам принад-

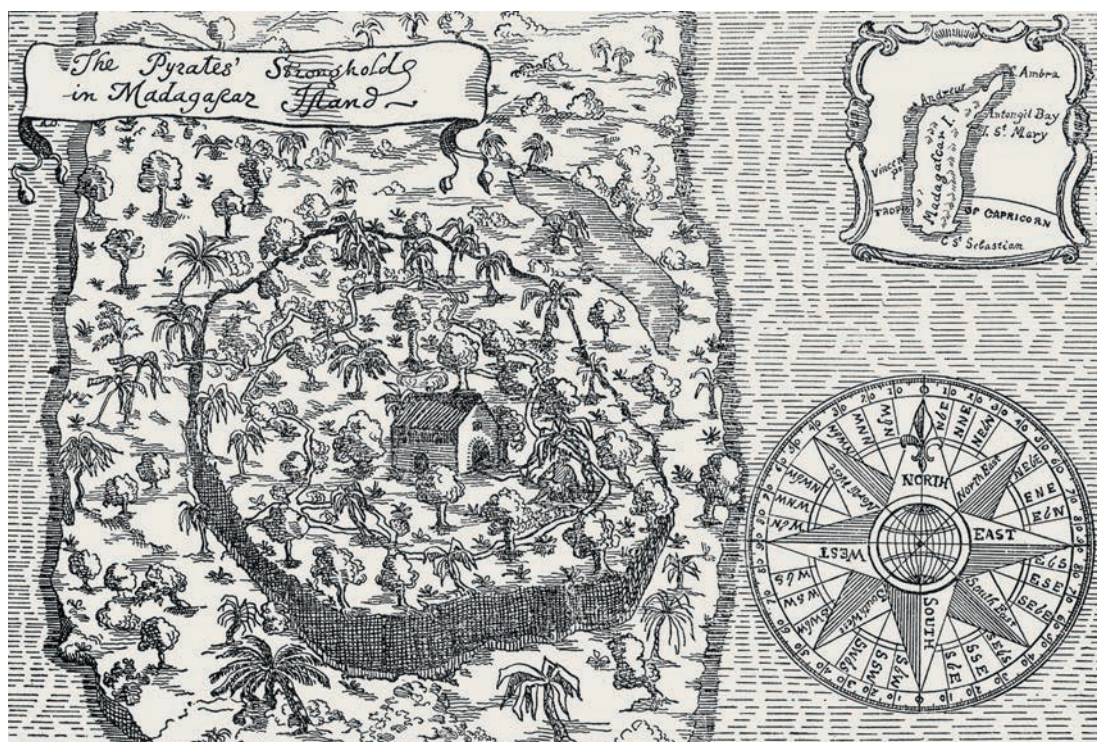
лежавшие разбойникам богатства, в замен же пообещав им амнистию [29, с. 103].

И это были не пустые разговоры. Весной 1715 г., например, группа пиратов под руководством некоего ирландца явилась на Мартинику с намерением принять королевское прощение. Среди головорезов было 100 французов и 90 англичан, а денег насчитывалось более 1 млн, что, по словам французского губернатора, «склонило нас на сторону амнистии» [30, f. 217]. Рассчитывали пираты и на получение протекции в европейских столицах. В декабре 1709 г. этот вопрос представил на обсуждение Палаты общин вице-адмирал П. Осборн, маркиз Кармартен. По его мнению, «несмотря на то, что их сокровища захвачены путём разбоя, сомнительно, чтобы они когда-либо могли бы быть возвращены собственникам, так как они были захвачены (полностью или большей частью) у подданных Великого Могола, и сейчас, закопанные где-то на Мадагаскаре или рядом с ним, не приносят никакой пользы». Не лучше ли, вопрошал адмирал, правительству самому воспользоваться богат-

Ил. 4. Капитан Эвери, один из самых знаменитых «мадагаскарских королей». С гравюры XVIII в.

ствами пиратов и перевести их в Англию, а разбойников принять на службу в Британский флот [31, № 908; 32, р. 169–171] (ил. 6). Сложную игру с пиратами вёл

Ил. 5. Пиратская крепость на Мадагаскаре. С гравюры начала XVIII в.

Ил. 6. Пираты на тропическом острове. С гравюры начала XVIII в.

и король Швеции Карл XII, незадолго до смерти занимавшийся подготовкой экспедиции на Мадагаскар (ил. 7). После гибели «Северного Льва» в 1718 г. его преемник, король Фридрих III, направил в Ост-Индию экспедицию под командованием капитан-командора К.Г. Ульриха, которая, впрочем, закончилась неудачей.

Организованная в таких условиях русская секретная Мадагаскарская экспедиция [33–38], направляемая к острову Сент-Мэри и в Индию, в декабре 1723 г. вышла из порта Рогервик. Прибыв к острову Сент-Мэри, Вильстер мог поднять российский флаг и представить достоверные документы «королю мадагаскарскому». После установления с ним дружеских контактов адмиралу надлежало плыть в Индию и заключить договор с императором Великих Моголов. Однако, выйдя в море, корабли потерпели крушение и встали на ремонт в Ревеле. В начале февраля 1724 г. экспедиция была неожиданно отменена, после чего, как принято считать в историографии, к её возобновлению больше не возвра-

щались. Однако среди бумаг Мадагаскарской экспедиции, помимо официальных инструкций, адресованных Вильстеру, фигурировали и документы полуофициального характера: августовские 1721 г. инструкции Фридриха III Ульриху и две объяснительные к ним июньские 1724 г. записки Вильстера. При их изучении обращает на себя внимание одна странная деталь. «По всему можно видеть, — писал вице-адмирал, — что на тех островах короля не имеется, как речь о том неслась, и я лучше о том сведом не был, но признаваю быть оным местам республике, понеже более нежели одним отправляется» [39, л. 29].

Почему же тогда «Грамота» от 9 ноября 1723 г. была адресована «королю Мадагаскарскому», если её автор, Вильстер, знал, что у пиратов действует режим прямой демократии и при выборах заправляет «чернь», избирающая «старшин знатных»? Изучение деталей Мадагаскарской экспедиции позволило понять причину столь «курьёзного недоразумения» между инструкцией 1723 г. и бумагами Вильсте-

ра 1724 г., дать возможность тем самым восстановить и хронологию событий.

С февраля 1724 г., когда экспедиция, как полагали исследователи, уже закончилась, до её официальной отмены 30 июля 1724 г. [39, л. 87–89] Пётр I и его дипломатические агенты пытались выйти на след пиратских эмиссаров. В это время русская сторона и получила новую информацию об устройстве пиратского социума. Эти сведения, в частности данные об устройстве пиратской «республики подлых», насторожили императора. Кроме того, он убедился, что пиратство уже не представляет серьёзной военно-политической силы.

И действительно, проект Петра I по сравнению с французскими и английскими антииспанскими операциями в Новом Свете в эпоху флибусты XVI–XVII вв. выглядит неподготовленным и авантюрным, так как опирался на «химерические» представления о возможности с помощью пиратов вмешаться в передел мира в Индийском океане. Следует учитывать и то, что появлению подобных заморских колоний предшествовала многолетняя деятельность по освоению намеченных к захвату территорий. Не последнюю роль в неудаче мадагаскарского проекта сыграли и трудности технического характера, просчёты в организации снабжения кораблей, отсутствие опыта морской торговли в Ост-Индии, а также риск самим подвергнуться нападению пиратов (ил. 8). «Союз» с ними был чреват и дипломатическими осложнениями, так как в Европу просочилась информация о тайных контактах Петербурга с разбойниками. В мае 1724 г., например, в столицу прибыл ирландский военно-морской офицер Д. Вейт, и, как видно из представленной им записки, он был неплохо осведомлён о секретных планах Петра: «Его императорское величество подал свою амнистию (забвение или прощение) всем таковым пиратам, которые попадутся или в Мадагаскаре или ище где, пронаписав им впредь жить честно и под позволение в своём государстве жить смиренно,

Ил. 7. Карл XII. С портрета работы Иоганна-Генриха Ведекинда. Начало XVIII в.

которым образом многия приклонятся, которыя чрез меры и количества и богатства бес сумнения распространять публичную благодать и прибыль какия-либо нации» [40, л. 292].

Реконструкция истории Мадагаскарской экспедиции выявила ещё один важный ракурс петровской геополитики, позволив предположить, что эмиссары пиратов, с которыми вели переговоры агенты императора, не всегда были теми, за кого себя выдавали. Так называемые пираты оказывались удобным прикрытием для заговорщиков-якобитов, готовивших свержение Ганноверской династии и реставрацию Якова III Стюарта (ил. 9). Свои запутанные интриги якобиты вели в Стокгольме, Гамбурге, Париже, Риме и Мадриде. Обосновались заговорщики и в Петербурге, в самом близком окружении Петра Великого, среди высшего военно-морского офицерства. В планы якобитского восстания в Шотландии, Ирландии и Лондоне оказались замешаны и русские дипломатические агенты. Главную роль в переговорах с заговорщиками и «пиратами»

Ил. 8. Аллегория пиратства. Гравюра. 1725 г.

тами» играл посланник во Франции князь В.Л. Долгоруков. Изучение его переписки вскрыло связи между подготовкой Мадагаскарской экспедиции и якобитским заговором Аттербери 1722 г. Заговорщики рассчитывали на военную помощь Петра I. Для десантирования якобитов в Шотландию из Архангельска должен был выйти отряд судов с 4-тысячным экспедиционным корпусом. Надеялись они и на военную диверсию, которую русские войска якобы произведут против ганноверских владений Георга I. «Сие вспоможение довольно будет к первому зачину, — писали они Петру, — и сохранению сей революции, которая под именем Вашим генерально будет, и в малое время государство освободить, с радостью за всё сие иждевение заплатить готовы» [41, л. 79–80; 42]. Несмотря на неудачу в реализации замыслов якобитского вторжения 1722–

1724 гг., в Петербурге и в последующие годы не отказывались от поддержки Стюартов [43, р. 106–122].

Отмена Мадагаскарской экспедиции, впрочем, не означала отказа Петра Великого от задуманной им большой геополитической игры. Ещё в августе 1723 г. князь Щербатов получил секретное распоряжение ехать в Кадис, испанские ворота в Новый Свет. Здесь он должен был основать консульство и организовать русскую торговлю, но действовать негласно: обзавестись дружественными связями, определить специфику местного товарооборота и «тайным образом разведовать о той коммерции и разговаривать с купцами» [44, л. 652]. Сохранились также и протоколы состоявшегося 25 июня 1724 г. междуведомственного совещания в заседании Коллегии иностранных дел с представителями Коммерц-коллегии. На нём обсуждался перечень товаров, которые могла бы экспортировать Испания. Среди «товаров американских», т.е. тех, которые можно получить из Испанской Америки, на первое место были поставлены «золото — пистолями из Мексики и Перу», серебро («ефимки в Индии деланные и слитки из Мексики и Перу»), жемчуг, изумруд, а также «кинкин (пригодно в лекарство)» и «кокао и банил — употребляются для дела шекулата» [45, с. 21]. Параллельно, ради «крепчайшего соединения обоих корон», развивались коммерческие дела с Францией. В начале ноября 1723 г. поручик от галер И.А. Алексеев получил указание отправиться консулом в Бордо, центральный порт по торговле с Вест-Индией.

Особое место в планах Петра занял вопрос о создании во Франции и Испании русских торговых компаний. «Наисельнейшую», по аналогии с нидерландской Ост-Индской компанией, надлежало организовать в Испании. В январе 1724 г. посол в Мадриде князь С.Д. Голицын получил от испанского правительства проект торговца Ф. Перраты по организации русско-испанской торговли. Посла также

посетил секретарь статских дел и имел с ним «пространный разговор», касающийся того, «может ли оной бытии благополучен Российской империи подданным и каким бы образом оно начать» [46, л. 29]. Огромное впечатление на Перрату произвёл Персидский поход, который Пётр «по подражанию великого Александра учинил на Каспийском море, когда взял важное место Дербент». Голицын немедленно переправил проект в Петербург и после его рассмотрения получил предписание объявить испанскому двору, что «мы к установлению прямой директной между обоими государствами коммерции весьма склонны». Тогда же, в феврале, князь Щербатов выехал в Испанию; в августе он прибыл в Кадис. Здесь он быстро обзавёлся сетью информаторов и вскоре представил Петру сведения о привезённых «из Мексики и колоний» грузах: золоте, серебре, кошенили, ванили, индиго, бархате, какао и меди. В мае Пётр I распорядился «изготовить два карабля в посылку и один фрегат на продажу, из которых послать один в Бордо, а два в Кадикс, для того другой, что когда первой продадут, чтоб было людям на чём возвратится» [47, л. 96].

Контуры плана императора с каждым днём вырисовывались всё более отчётливо. Следующим его шагом стал указ 4 августа 1724 г. об учреждении торговой компании под государственным контролем и на казённые средства с целью установления торгового с Испанией. «Понеже всем известно, что наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут, того ради коммерц-коллегия для сей новости дирекцию над сим и управление должна иметь как мать над дитятем ва всём, пока в совершенство придёт» [21, № 4540]. Осенью 1724 г. в Бордо со специальной миссией направился гукор «Кроншлот», а 4 декабря 1724 г., «будучи в зимнем доме», император дал указания готовить корабли к плаванию в Испанию и Францию [48, л. 261–263 об.; 16, с. 276–279].

Ил. 9. Яков III Стюарт. С портрета работы Антонио Давида. 1720 г.

Параллельно шла подготовка и других российских заморских проектов. Один из них касался организации рыбного промысла в Белом море и создания торговой сети по продаже рыбопродуктов в Италии, Испании и Португалии [13, л. 150, 150 об.]. Разрабатывались также планы возобновления китобойного промысла у побережья Лапландии, фактически находившегося в монопольном владении торговых компаний Нидерландов. Все подготовительные работы по организации компании в Коле и Архангельске следовало, по указанию государя, держать в тайне от англичан и голландцев и «таким образом предупредить их в деле». В перспективе речь шла об организации в Архангельске привилегированной китобойной компании с участием западноевропейских партнёров, указ о создании которой появился 8 ноября 1723 г.

Заключительным аккордом в задуманных императором колониальных предприятиях стали декабрьские распоряжения 1724 г. относительно отправки экс-

педиции В. Беринга на поиски морского прохода к берегам Северной Америки. И лишь внезапная смерть Петра Великого нарушила планы российского проникновения на Восток и борьбы за Мировой океан, которые, при всей их на первый взгляд кажущейся «разбросанности», недостаточной продуманности и авантюризме обнаруживают единую имперскую логику. Формирование подобных

геополитических замыслов демонстрирует комплексность внешнеполитических подходов императора, способных, по его мнению, превратить Россию из случайного эпизодического «игрока» на мировой арене, время от времени вовлекаемого великими державами в орбиту международной политики, в полноправного участника большой геополитической игры, разговаривавшего с партнёрами с позиции силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Chaunu P. Conquête et exploitation des Nouveaux mondes (XVI-e siècle). Paris: Presses Universitaires de France, 1969.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1–3 / Пер. с франц. Л.Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1986–1992.
3. Валлерстайн И. Мир-система модерна. Т. I–IV / Предисл. Г.М. Дерлугьяна; Пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015, 2016.
4. Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельман. М.: Территория будущего, 2007.
5. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: Территория будущего, 2009.
6. Бушкович П. Пётр Великий: Борьба за власть / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
7. Копелев Д.Н. Аллегорические изображения Петра Великого как компонент имперской мифологии: образ Нептуна // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 84: Геральдика: исследования и практика: Материалы научной конференции 19–20 февраля 2016 г. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 46–59.
8. Крылова Т.К. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века // Культура Испании. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1940. С. 327–352.
9. Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М.: Университет дружбы народов, 1990.
10. Волосюк О.В. Испания и российская дипломатия в XVIII веке. М.: Изд-во Рос. Ун-та дружбы народов, 1997.
11. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига; Объединённая редакция МВД России, 2010.
12. Троицкий С.М. «Система» Джона Ло и её русские последователи // Франко-русские экономические связи / [Редкол.: Ф. Бродель и др.]; М.; Париж: Наука, 1970. С. 90–138.
13. Отдел рукописей РНБ (ОР РНБ). Ф. 885 (Эрмитажное собрание). Д. 121.
14. Копелев Д.Н. Имперская модель князя И.А. Щербатова и её реализация в 1720–1725 гг. // Ломоносовские чтения в Кунсткамере: к 270-летию издания первого «Атласа Российского» (1745) и 250-летию со дня смерти М.В. Ломоносова (1765). СПб., 2016. Вып. 2. С. 221–238.
15. Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. Ч. II: Проекты. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1897.
16. Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971.

17. РГАДА. Ф. 161 (Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам (на иностранных языках) – коллекция из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии). Д. 21.
18. Проект покорения земель в Южной Америке при Петре I / Публикацию подгот. А.В. Захаров // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 48–56.
19. РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отд. II. Д. 93.
20. A buccaneer's atlas: Basil Ringrose's South Sea waggoner / Ed. by Derek Howse and Norman J. W. Throver. Berkeley: University of California Press, 1992.
21. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. VII: 1723–1727. СПб.: Типография 2-го Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
22. Копелев Д.Н. Мадагаскарский король» и секретная экспедиция Петра Великого 1723–1724 годов // Век Просвещения / Отв. ред. С.Я. Карп; Сост. Г.А. Космолинская. Вып. 5: География эпохи Просвещения: между воображением и реальностью. М.: Наука, 2015. С. 168–185.
23. Linebaugh P., Rediker M. The many-headed Hydra: sailors, slaves, commoners, and the hidden history of the revolutionary Atlantic. Boston: Beacon Press, 2000.
24. Rediker M. Villains of all nations: Atlantic pirates in the golden age. Boston: Beacon Press, 2004.
25. Leeson P.T. The invisible hook: the hidden economics of pirates. Princeton: Princeton University Press, 2009.
26. Kuhn G. Life under the Jolly Roger: reflections on Golden Age piracy. Oakland: PM Press, 2010.
27. Копелев Д.Н. Раздел Океана в XVI–XVIII веках: Истоки и эволюция пиратства. СПб.: Крига, 2013.
28. Black C.V. Pirates of the West Indies. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1989.
29. Копелев Д.Н. Утрехтский мир и война с пиратством в Вест-Индии // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 94–106.
30. Archives Nationales, Paris. Colonies. С 8 (Martinique). А. 20.
31. Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. Vol. XXIV, 1708–1709 / Ed. by Cecil Headlam. London: Institute of Historical Research, 1922.
32. Lincoln M. British pirates and society, 1680–1730. London, New York: Routledge, 2016.
33. Туманский Ф.О. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Ч. 9. СПб.: Тип. Шнора, 1788.
34. Зейдель И. Снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году // Морской сборник. 1867. Сентябрь. № 9. С. 65–83.
35. Трутовский В.К. Флибустьеры XVIII века // Русский вестник. Т. 221. 1892. Август С. 3–20.
36. Заозерский А.И. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом / А.И. Заозерский // Россия и Запад: Исторические сборники под редакцией профессора А.И. Заозерского. Ч. I. Пг.: Academia, 1923. С. 91–102.
37. Тарле Е.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М.: Военное изд-во Мин-ва вооруж. сил СССР, 1949. С. 115–119.
38. Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Зов дальних морей. М.: Наука, 1979.
39. РГА ВМФ. Ф. 223 (Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-совета; коллекция). Оп. 1. Д. 29.
40. РГА ВМФ. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 246.
41. ОР РНБ. Ф. 885. Д. 503.
42. Копелев Д.Н. Предыстория секретной экспедиции Петра I на Мадагаскар 1723–1724 гг. // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 90–107.
43. Wills R. The jacobites and Russia, 1715–1750. East Linton: Tuckwell Press, 2002.
44. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270 (Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого). Оп. 1. Д. 103.

45. Экспедиция Беринга: Сборник документов / Подгот. к печати А. Покровский. М.: Главное архивное управление НКВД СССР, 1941.
46. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 227.
47. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 107.
48. РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 233.

ENGLISH

Imperial geopolitics of the 1720s: the secret expedition of Peter the Great to Madagascar

Kopelev Dmitry Nikolaevich is DSc in History, assistant professor of the Department of History, Herzen State Pedagogical University of Russia, head of the project “Madagascar expedition and the Russian colonial empire's projects (1721–1725)” (14-01-00079a).

E-mail: kopelll07@list.ru

The project represents the archival research dedicated to the overall analysis of the foreign policy of Emperor Peter I in 1721–1725 from the point of establishing the colonial empire. The author focuses on the following key aspects: the attempt to create a union with the pirates of the Indian Ocean and to organize a naval base on Madagascar, study of navigation in the Arctic Ocean, strengthening of positions on the borders with China, organization of commerce in the Spanish America, proceeding in the Southern geopolitical direction to Persia and India, Jacobitism and Stuart Restoration projects.

The end of the Great Northern War gave free rein to the Emperor providing an opportunity for new pathways in the foreign policy with such priorities as the access to the ocean and trade expansion to the East. The research discovers that several alternative concepts of expansion to the East were discussed in 1720s. The first, conventional concept named “optimistic”, was based on the concepts of navigation to Japan, China, India and America through the North-Eastern passage near Novaya Zemlya that were accepted in Europe. However, it is also worth mentioning the river options of the way to the Pacific Ocean that connected the Dvina and the Amur Rivers. In addition to that, the Southern way connecting Arkhangelsk – Astrakhan – Persia along the river and the attempts to find waterways to the Central Asia and India were also among the geographical views of the early 18th century.

Choosing the colonial sites Peter the Great was very selective. First of all, his “preferences” related to the islands that appeared to be beyond the influence of the leading naval states: Tobago and Madagascar. An unconventional view and new archived sources helped the author to take a fresh look at the history of the very idea of Madagascar expedition, obtaining insights into its process and connecting its preparation with the history of piracy and Jacobitism. The key take-aways of the research were the panoramic view of the geopolitical situation in Russia in 1720s and the comprehensive analysis of Russia's foreign policy approaches that turned the country from a random player on the global arena drawn into the European politics by its neighboring countries into a full-fledged participant of the big diplomacy able to talk with its partners from a position of strength.

Keywords: Russian empire, Peter the Great, diplomacy, Navy, international relations, modernization, geopolitics, navigation, sailing, Madagascar, piracy, the Great Mughal rulers, Jacobites

REFERENCES

1. Chaunu P. Conquête et exploitation des Nouveaux mondes (XVI-e siècle). Paris: Presses Universitaires de France, 1969.
2. Brodel' F. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. T. 1–3 / Per. s frants. L.E. Kubbelya. M.: Progress, 1986–1992.
3. Vallerstajn I. Mir-sistema moderna. T. I–IV / Predisl. G.M. Derlug'yana; Per. s angl., liter. redakt., komm. N. Protsenko, A. Chernyaeva. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2015, 2016.
4. Arrigi Dzh. Dolgij dvadtsatyj vek. Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni / Per. s angl. A. Smirnova i N. Edel'man. M.: Territoriya budushchego, 2007.
5. Tilli Ch. Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva. 990–1992 gg. / Per. s angl. T.B. Menskoj. M.: Territoriya budushchego, 2009.
6. Bushkovich P. Pyotr Velikij: Bor'ba za vlast' / Per. s angl. N.L. Luzhetskoj. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2008.
7. Kopelev D.N. Allegoricheskie izobrazheniya Petra Velikogo kak komponent imperskoj mifologii: obraz Neptuna // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 84: Geral'dika: issledovaniya i praktika: Materialy nauchnoj konferentsii 19–20 fevralya 2016 g. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2017. S. 46–59.
8. Krylova T.K. Otnosheniya Rossii i Ispanii v pervoj chetverti XVIII veka // Kul'tura Ispanii. M.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1940. S. 327–352.
9. Bobylev V.S. Vneshnyaya politika Rossii epokhi Petra I. M.: Universitet druzhby narodov, 1990.
10. Volosyuk O.V. Ispaniya i rossijskaya diplomatiya v XVIII veke. M.: Izd-vo Ros. Un-ta druzhby narodov, 1997.
11. Kurukin I.V. Persidskij pokhod Petra Velikogo. Nizovoj korpus na beregakh Kaspiya (1722–1735). M.: Kvadriga; Ob"edinyonnaya redaktsiya MVD Rossii, 2010.
12. Troitskij S.M. «Sistema» Dzhona Lo i eyo russkie nasledovateli // Franko-russkie ekonomicheskie svyazi / [Redkol.: F. Brodel' i dr.]; M.; Parizh: Nauka, 1970. S. 90–138.
13. Otdel rukopisej RNB (OR RNB). F. 885 (Ermitazhnoe sobranie). D. 121.
14. Kopelev D.N. Imperskaya model' knyazyia I.A. Shcherbatova i eyo realizatsiya v 1720–1725 gg. // Lomonosovskie chteniya v Kunstkamere: k 270-letiyu izdaniya pervogo «Atlasa Rossijskogo» (1745) i 250-letiyu so dnya smerti M.V. Lomonosova (1765). SPb., 2016. Vyp. 2. S. 221–238.
15. Pavlov-Sil'vanskij N. Proekty reform v zapiskakh sovremennikov Petra Velikogo. Opyt izucheniya russkikh proektov i neizdannye ikh teksty. Ch. II: Proekty. SPb.: Tipografiya V.Kirshbauma, 1897.
16. Efimov A.V. Iz istorii velikikh russkikh geograficheskikh otkrytij. M.: Nauka, 1971.
17. RGADA. F. 161 (Pis'ma i prosheniya raznykh lits na vysochajshee imya i k vysokim osobam (na inostrannykh yazykakh) – kolleksiya iz fondov Posol'skogo prikaza i Posol'skoj kantselyarii). D. 21.
18. Proekt pokoreniya zemel' v Yuzhnoj Amerike pri Petre I / Publikatsiyu podgot. A.V. Zakharov // Voprosy istorii. 2012. № 10. S. 48–56.
19. RGADA. F. 9 (Kabinet Petra I). Otd. II. D. 93.
20. A buccaneer's atlas: Basil Ringrose's South Sea waggoner / Ed. by Derek Howse and Norman J. W. Thrower. Berkeley: University of California Press, 1992.
21. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. T. VII: 1723–1727. SPb.: Tipografiya 2-go Otd. Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1830.
22. Kopelev D.N. Madagaskarskij korol'» i sekretnaya ekspeditsiya Petra Velikogo 1723–1724 godov // Vek Prosveshcheniya / Otv. red. S.Ya. Karp; Sost. G.A. Kosmolinskaya. Vyp. 5: Geografiya epokhi Prosveshcheniya: mezhdru voobrazheniem i real'nost'yu. M.: Nauka, 2015. S. 168–185.
23. Linebaugh P., Rediker M. The many-headed Hydra: sailors, slaves, commoners, and the hidden history of the revolutionary Atlantic. Boston: Beacon Press, 2000.

24. Rediker M. Villains of all nations: Atlantic pirates in the golden age. Boston: Beacon Press, 2004.
25. Leeson P.T. The invisible hook: the hidden economics of pirates. Princeton: Princeton University Press, 2009.
26. Kuhn G. Life under the Jolly Roger: reflections on Golden Age piracy. Oakland: PM Press, 2010.
27. Kopelev D.N. Razdel Okeana v XVI–XVIII vekakh: Istoki i evolyutsiya piratstva. SPb.: Kruga, 2013.
28. Black C.V. Pirates of the West Indies. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1989.
29. Kopelev D.N. Utrekhtskij mir i vojna s piratstvom v Vest-Indii // Voprosy istorii. 2014. № 10. S. 94–106.
30. Archives Nationales, Paris. Colonies. C 8 (Martinique). A. 20.
31. Calendar of state papers. Colonial series. America and West Indies. Vol. XXIV, 1708–1709 / Ed. by Cecil Headlam. London: Institute of Historical Research, 1922.
32. Lincoln M. British pirates and society, 1680–1730. London, New York: Routledge, 2016.
33. Tumanskij F.O. Sbranie raznykh zapisok i sochinenij, sluzhashchikh k dostavleniyu polnogo svedeniya o zhizni i deyaniyakh gosudarya imperatora Petra Velikogo. Ch. 9. SPb.: Tip. SHnora, 1788.
34. Zejdel' I. Snaryazhenie pervoj dal'nej ekspeditsii v tsarstvovanie Petra Velikogo v 1723 godu // Morskoy sbornik. 1867. Sentyabr'. № 9. S. 65–83.
35. Trutovskij V. K. Flibust'ery XVIII veka // Russkij vestnik. T. 221. 1892. Avgust S. 3–20.
36. Zaozerskij A.I. Ekspeditsiya na Madagaskar pri Petre Velikom / A.I. Zaozerskij // Rossiya i Zapad: Istoricheskie sborniki pod redaktsiej professora A.I. Zaozerskogo. Ch. I. Pg.: Academia, 1923. S. 91–102.
37. Tarle E.V. Russkij flot i vneshnyaya politika Petra I. M.: Voennoe izd-vo Min-va vooruzh. sil SSSR, 1949. S. 115–119.
38. Davidson A.B., Makrushin V.A. Zov dal'nikh morej. M.: Nauka, 1979.
39. RGA VMF. F. 223 (Rukopisi Petra Velikogo i drugie dokumenty, postupivshie iz Admiraltejstv-soveta; kolleksiya). Op. 1. D. 29.
40. RGA VMF. F. 233 (Kantselyariya general-admirala F.M. Apraksina). Op. 1. D. 246.
41. OR RNB. F. 885. D. 503.
42. Kopelev D.N. Predystoriya sekretnoj ekspeditsii Petra I na Madagaskar 1723–1724 gg. // Voprosy istorii. 2016. № 3. C. 90–107.
43. Wills R. The jacobites and Russia, 1715–1750. East Linton: Tuckwell Press, 2002.
44. Arkhiv SPb II RAN. F. 270 (Komissiya po izdaniyu pisem i bumag Petra Velikogo). Op. 1. D. 103.
45. Ekspeditsiya Beringa: Sbornik dokumentov / Podgot. k pechati A. Pokrovskij. M.: Glavnoe arkhivnoe upravlenie NKVD SSSR, 1941.
46. RGA VMF. F. 233. Op. 1. D. 227.
47. Arkhiv SPb II RAN. F. 270. Op. 1. D. 107.
48. RGA VMF. F. 233. Op. 1. D. 233.

УДК 94
ГРНТИ 03.09.55**А.Д. ВАСИЛЬЕВ***

Судьба русского офицера-востоковеда в годину войн и революций: Б.Н. Литвинов и его научное, мемуарное и художественное наследие

Борис Нилович Литвинов – генерал-майор царской армии, военный топограф, которому довелось стать активным участником таких драматических событий, как революция 1905 г. в Туркестане, Первая мировая война на приморском участке Кавказского фронта, а затем – воевать на стороне белых в Гражданской войне на Кавказе и в Закаспии. Будучи хорошо знакомым с бытом Туркестана, Б.Н.Литвинов оставил ряд востоковедных записок, очерков и описаний, посвящённых Туркестану, Памиру и приграничным с Афганистаном территориям. Ему же принадлежат выполненные в различной технике (тушь, акварель, карандаш) картины и зарисовки древних памятников Туркмении, Памира, Бухары. Находясь в эмиграции в Белграде, Б.Н.Литвинов в 1920–1930-х гг. написал обширные мемуары, посвящённые событиям и личным впечатлениям, связанным с Первой мировой и Гражданской войнами, около 300 картин и иллюстраций к научным трудам. Свои мемуары Б.Н.Литвинов передал в Русский заграничный исторический архив в Праге, затем они составили его личный фонд в Государственном Архиве РФ. Его картины находятся в частных коллекциях в Сербии, Великобритании и Аргентине. Сведения о деятельности Б.Н.Литвинова имеются в архиве МВД РФ, а его личные материалы переданы на хранение в архив УФСБ по Костромской области. Археологические очерки и географические описания, иллюстрации, картины и воспоминания, наполненные огромным количеством деталей и личных оценок, составляют научное, мемуарное и художественное наследие Б.Н.Литвинова.

Ключевые слова: Б.Н. Литвинов, Туркестан, востоковедение, Россия, Гражданская война, Первая мировая война

Российское военное востоковедение стало определённым культурно-историческим феноменом, оказавшим важное влияние на развитие в России представлений и формирование базы знаний о Востоке. Одним из ярких представителей российского

военного востоковедения был Борис Нилович Литвинов.

Служба в Туркестане

Борис Нилович Литвинов (18.10.1872 – 04.03.1948) (фото) начал свою военную карьеру в Туркестане в конце XIX в.

* **Васильев Александр Дмитриевич** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, руководитель проекта «Мемуары Б.Н. Литвинова как новый исторический источник по истории Гражданской войны в России» (15-31-12022 а(ц)).

E-mail: advasilyev@mail.ru

Фото. Б.Н. Литвинов. Фотография любезно предоставлена для публикации Майклом Нелсоном, Великобритания

Выпускник Московского юнкерского училища, он был зачислен в 11-й Туркестанский линейный батальон в качестве военного топографа. Почти сразу по прибытии в Туркестан военный топограф Б.Н. Литвинов оказался в центре геополитической схватки России и Великобритании. В 1893 и 1896 гг. он производит рекогносцировку и топографическую съёмку перевалов на путях из Самарканда в Восточную Бухару. В конце XIX в. районы Восточной Бухары находились под формальным контролем бухарского эмира, чья власть там, однако, была достаточно непрочной. Накануне схватки за Памир разведка и топосъёмка этих районов приобретали важное военное значение. Предполагалось, что через Восточную Бухару нельзя было попасть в оспариваемые афганским правительством и англичанами припамирские районы. Экспе-

диция под командованием Н.А. Данталя, в которой вёл топосъёмку Б.Н. Литвинов, опровергла это мнение. В 1894 г. Литвинов продолжил работу в рекогносцировочной экспедиции в Запянджский Дарваз и Шугнан, где участвовал в стычках с афганцами. По-видимому, начальство ценило военные и научно-организационные успехи Б.Н. Литвинова, и в 1898–1899 гг. он становится старшим адъютантом Туркестанской линейной бригады, исполняет должность заведующего пограничными делами при начальнике Закаспийской области, а впоследствии назначается адъютантом командира II Туркестанского армейского корпуса (1900) [1, 2].

Его первыми военно-научными публикациями становятся статья «Долина р. Сурхаб» в «Изборнике разведчика» и «По Бухаре» (рис. 1, 2). В основу статей были положены материалы его рекогносцировок. Б.Н. Литвинов описал дорогу от Аму-Дарьи до Самарканда, которую он связывал с именем средневекового узбекского правителя Абдуллах-хана II. Описывая трудности пути, Б.Н. Литвинов доказывает необходимость постройки железной дороги к границе с Афганистаном через Бухару. Завершил своё описание Литвинов словами, что хотя выбор направления железной дороги — удел специалистов, Туркестан ждёт этой железной дороги, «чтобы проснуться к жизни под охраной могучего русского орла» [3].

Участие в рекогносцировке на Памире Б.Н. Литвинов описал в серии очерков «Через Бухару на Памиры», опубликованных в журнале «Исторический вестник» (1904). То обстоятельство, что маршрут экспедиции пролегал через Запянджский Дарваз, отданный впоследствии англичанам по соглашению 1895 г., и подтолкнули автора, по его собственным словам, на написание очерка о путешествии в такую малоисследованную часть «Средней Азии» [4]. Весьма обширное повествование сопровождается иллюстрациями, сделанными самим автором (рис. 3, 4).

Рис. 1. Б.Н. Литвинов. В древнем Самарканде (К статье «По Бухаре»)

Литературная и научная ценность (на момент написания) текста несомненны.

Приведём одну достаточно живописную цитату из данного очерка: «...[Озеро] Кабутак всё чаще и чаще ласкал наш глаз своею дивной поверхностью... С самого места, где остановился наш отряд, <...> головоломная тропа буквально опрокидывалась вниз между громадными камнями, спускаясь словно по лестнице, ступени которой достигали местами двух аршин высоты, все ниже и ниже, и наконец терялась в тех же камнях. Мы начали спускаться. Картина была восхитительна. Под нами в широком ущелье бежал ручей Азор-Чашма; всё ущелье, его склоны и почти отвесные бока были сплошь покрыты густым арчевым лесом, лиственными деревьями и кустарниками разных пород. Ущелье на горизонте

замыкалось девственно снежным хребтом по всему горизонту картины. Озеро Кабутак, видимый нами его угол, как чистым изумрудом, красовалось своей поверхностью. В складках скал и горных массивов дрожали голубые полупрозрачные тени. Сейчас же, по ту сторону Азор-Чашмы, начинался от самого Кабутака скалистый покрытый арчевым лесом гребень, поднимающийся по направлению блистающего своим ледником и снегами Сия-Куха; нам сверху было видно, как плотно тропы, по которой нам лежал дальнейший путь, просвечивая сквозь зелень перелесков, взбиралось на этот гребень и, дойдя до его вершины, пропадало в ущелье Туша-Пазона.

Спуск к Кабутaku начался около двенадцати часов, и около трёх мы были уже на берегу озера. Тяжело было в эти часы отряду. Лошади не шли; их пришлось развьючивать и тяжести нести на себе; бедные животные бились и в ужасе не хотели делать тех гигантских прыжков по этой поистине чёртовой лестнице; ногайки свистели и безжалостно работали по их крупам; охотники надрывались, таща лошадей за веревки. Наконец, кое-как

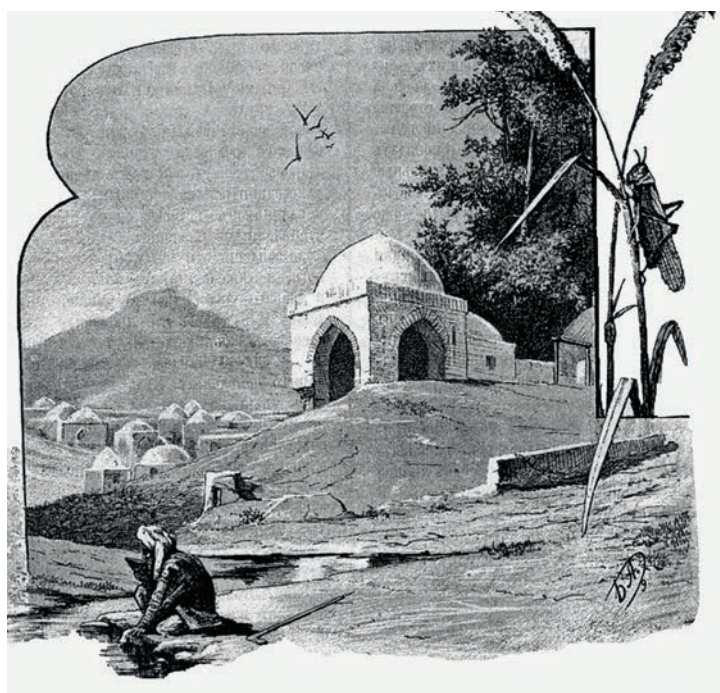

Рис. 2. Б.Н. Литвинов. В Джаме (К статье «По Бухаре»)

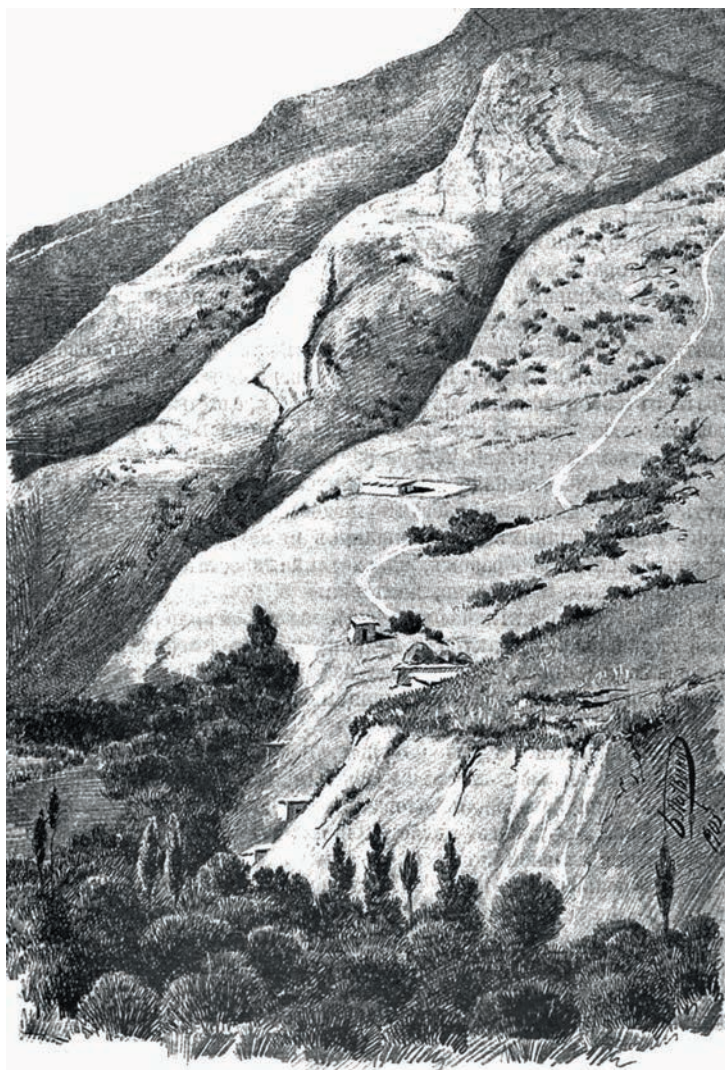

Рис. 3. Б.Н. Литвинов. Селение Нижний Гумай
(К очерку «Через Бухару на Памиры»)

мы спустились к озеру и остановились на отдых» [Там же, с. 307–308]. Именно это описание принесло Б.Н.Литвинову известность как литератору и военному географу.

Литвинов был одним из первых русских исследователей, обративших внимание на необходимость археологического исследования древней Нисы [5]. В бытность исполняющего обязанности заведующего пограничными делами при начальнике Закаспийской области Б.Н.Литвинов совершил рекогносцировку русско-афганской границы и сделал зарисовки некоторых пограничных пунктов и мазаров, не сохранившихся до наших дней [6].

В 1899 г. Б.Н.Литвинов был командирован для изучения Керки и Термеза, оставил их краткие описания и сделал несколько зарисовок местных памятников архитектуры. Помещённое в «Кауфманском сборнике» (1910) описание Б.Н.Литвиновым быта обитателей г. Керки и его окрестностей, озаглавленное «Керки. Картинки Аму-Дарьинской жизни», считается одним из наиболее колоритных отечественных описаний повседневной жизни гарнизона и быта среднеазиатских городов конца XIX в. [7, с. 35–85]. Вот как описывает автор сам город: «...Керки расположился, как было уже сказано, у подошвы “бековской калы”, на левом берегу Аму-Дарьи, имеющей здесь ширину более 650 саж.

Если выйти на балкон “посольского дома”, как называют чиновники бека ничтожную лачугу, приспособленную для помещения временно прибывающих русских, то положение города, его окрестности и вокруг лежащая местность предстанут необычайно рельефно. Этот посольский дом умело прилеплен над самым обрывом, над летящей быстринной реки, саженьях на 25 высоты.

Напротив, на правом берегу, высятся такая же жёлтая скалистая отвесная “кала”, с ничтожными остатками бывшего ещё во время путешествия Вамбери укрепления. Эта “кала” есть конец небольшого известково-песчаного хребта, последнего воспоминания мощного Гиссарского кряжа, заполнившего собою добрую половину территории всего Бухарского ханства и столько же теперешней Самаркандской области. На Керкинском же берегу остатки этого хребта выразились в виде трёх рельефных отдельных вершин – “бековской калы”, не меньшей её – русской крепости и холмистой вершины, известной

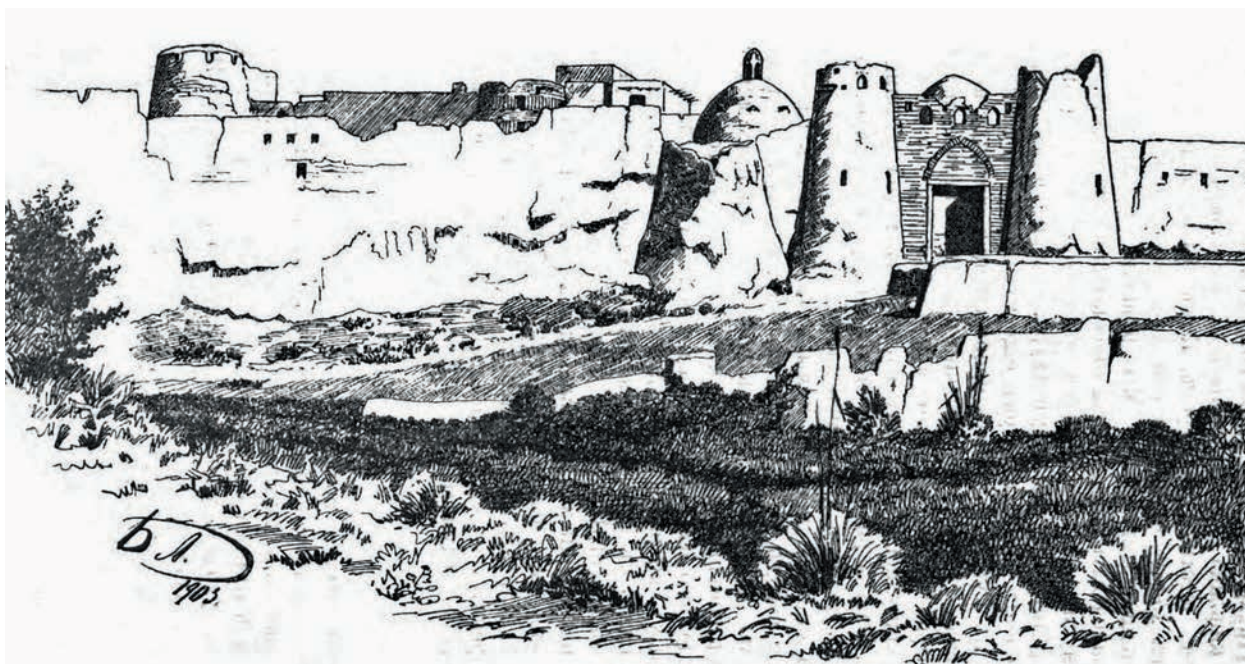

Рис. 4. Б.Н. Литвинов. Крепость Кабадиан (К очерку «Через Бухару на Памиры»)

у военного населения под именем высоты Б. Все эти три вершины расположились правильной цепью и представляют собою великолепную защиту для города, как со стороны реки, так и со стороны большой дороги на Босагу, большое торговое селение на границе с Афганистаном...» [Там же, с. 42].

А вот описание осеннего базара Керки, сделанное Б.Н.Литвиновым: «Раннее ясное, тихое октябрьское утро. Широкая, чистая, обсаженная приземистыми низенькими, но густыми акациями и тутами, главная улица русского поселения кажется затянутой серо-синеватой дымкой утренних испарений. Дорога и нечто в роде тротуаров кажутся обильно политыми; но их никто не поливал: это выступила за ночь подпочвенная влага.

Начинающие уже желтеть листья румянятся на верхушках деревьев. Чистенькие, в три, четыре, много пять окон, офицерские домики прячутся за зелень. Оконца заставлены снаружи кошомными ставнями и приперты шестами и палками.

Посредине улицы мерно выступают два верблюда, тяжело нагруженные дынями, сквозящими через плетёные из травы

грубые, с широкими отверстиями, саки. Впереди, быстро перебирает ножками ишак; на нём сидит с измождённым худым лицом туркмен-эрсаринец. Он надел лучший свой халат и шапку и желает этим щегольнуть на базаре. На пальцах его ног едва держатся башмаки; пятки ног голы и свободно светятся на солнце; так и кажется со стороны, что башмаки спадут с ног. Впереди, в затянутой серой дымкой улице, в том же направлении, на сартовский базар, двигаются бумажные яркие полосатые халаты, шапки и чалмы. Всё стягивается на базар с утра» [Там же, с. 48–49].

Во время революции 1905–1907 гг. Литвинов активно участвовал в подавлении революционных выступлений, борьбе с бандитизмом и нападениями на поезда Среднеазиатской железной дороги в районе станции Чарджуй. Судя по мемуарам, в этот период он вместе с другими офицерами-туркестанцами находился в определённой оппозиции тогдашнему туркестанскому губернатору Д.И.Суботичу, обвиняя его в излишнем либерализме, зачастую саботируя его приказы и действуя согласно обстановке [8, Л. 3–5].

На «Приморском фронте» Первой мировой войны

Наиболее важными вехами жизни Б.Н.Литвинова стало его участие сначала в Первой мировой, а затем и в Гражданской войне на Кавказе и в Закаспии. Эти конфликты всемирного масштаба прервали его творческий путь как исследователя древностей и военной топографии Средней Азии. Уже в начале 1920-х гг. Б.Н.Литвинов, находясь в эмиграции в Белграде, именно периоды Мировой и Гражданской войн постарался зафиксировать и описать как можно подробнее.

В годы Первой мировой войны, командуя сначала батальоном 19-го Туркестанского стрелкового полка, а затем и всем полком, Б.Н.Литвинов участвовал в боевых действиях Кавказского фронта на побережье Чёрного моря.

«Великая война» на Кавказе мало отражена в мемуарной и исследовательской литературе. Однако умалять значение этого периферийного театра боевых действий не стоит, и воспоминания Б.Н.Литвинова — яркое тому доказательство.

Первоначально Кавказский фронт рассматривался как второстепенный по отношению к происходившему на фронтах Европы. Ещё перед началом войны часть войск была отозвана с Кавказа в Европейскую часть России. Однако более успешный ход боевых действий и тот факт, что до самого 1917 г. война здесь была более маневренной, в отличие от зарывшихся в окопы европейских армий, заставили русское военное командование обратить на Кавказ самое пристальное внимание.

В указанный период русская армия провела на Кавказе ряд блестящих операций, итогом которых стал захват двух важнейших и крупнейших городов региона — Эрзерума и Трабзона. Эта победа стала возможной благодаря полководческому умению и удаче Н.Н.Юденича, а также слаженной и самоотверженной работе менее высокопоставленных (но не менее талантливых) военачальников, к которым относился и Б.Н.Литви-

нов. Блестящие победы русского оружия на Востоке вызвали тревогу и беспокойство в Париже и Лондоне, где опасались проникновения русского влияния на Ближний Восток. Франция и Великобритания предприняли дипломатические попытки навязать России участие в соглашении Сайкса-Пико о колониальном разделе арабских провинций Османской империи. Но эти попытки не увенчались успехом.

В российском обществе сложилось мнение, что «турка» русские войска «били» всегда, с минимумом потерь и затрат. Похожее мнение сложилось у обывателя и в отношении Кавказского фронта Первой мировой войны. Воспоминания Б.Н.Литвинова убедительно разоблачают ошибочность сложившихся стереотипов: «Как бы ни был болен “больной человек” на Босфоре, но он <...> теперь поправляется. Вы только подумайте, какой другой народ и солдат перенесёт столько почти непрерывных войн, как турки, и остаётся ещё боеспособным и по сей час. Русско-турецкая 1877–78 г., война за Египет 1885 г, греко-турецкая 1897 г., Первая и Вторая Балканская 1912–1913 гг. и наконец Великая 1914–1917 г. И в этой последней турки беспощадно бьют французов и англичан в Дарданеллах при подавляющем своём меньшинстве сил и техники, и забирают в плен целый экспедиционный корпус англичан в Месопотамии (Кут-эль-Амара Таунсенда)... Воздаётся честь и слава вождям нашего Кавказского фронта. Возносится имя генерала Юденича, как вершителя российских побед на турецком фронте. Но умалчивается о том, что в самом начале турки имели успех, и притом огромный» [8, Д. 4. Л. 8 об.].

Будучи уже в эмиграции, Б.Н.Литвинов, опираясь на сохранившиеся им документы (полевые книжки командира полка и копии приказов), детально описал ход боевых действий, свои отношения с вышестоящим военным начальством. Он прекрасно обрисовал ситуацию с русской стороны фронта, быт и жизнь насе-

ления захваченных городов и территорий. Особое место занимает и описание простых властных отношений среди командования Кавказского фронта русской армии, что также представляет чрезвычайный интерес.

19-й Туркестанский стрелковый полк и его командование, как показали события начала войны, хорошо проявили себя и зарекомендовали как надёжную и стойкую боевую единицу. Это обстоятельство учитывалось во время всей кампании, и полку часто приходилось действовать на острие удара, выполнять наиболее тяжёлые и ответственные задания, зачастую оставаясь последней надеждой фронта. Не случайно поэтому в центре повествования Б.Н.Литвинова — солдаты и офицеры 19-го полка, являвшие образец стойкости, храбрости, верности своему долгу. Это и удивительно, поскольку в связи с потерями личный состав полка обновился на три четверти. Отдельно следует подчеркнуть документализм автора, мастерски воспроизведшего по памяти и записям в своих офицерских книжках планы и схемы сражений (рис. 5).

По прошествии времени Б.Н.Литвинов проанализировал и покритиковал те или иные решения высшего командования, которые ему приходилось выполнять. Мемуары и личные документы Б.Н.Литвинова насыщены большим количеством малоизвестных фактов, имён и географических названий, значительная часть которых изменилась или была забыта. Серьёзную трудность при подготовке текста воспоминаний к публикации представляло установление правильных названий большинства населённых пунктов и природно-географических объектов. Это свя-

зано с тем, что турецкие власти дважды (в 1916 и в 1960-х гг.) изменяли большую часть традиционных исконных топонимов турецкой части северо-восточного Причерноморья.

Воспоминания Б.Н.Литвинова несомненно являются одним из наиболее подробных, претендующих на документальность и интересных воспоминаний по истории Кавказского фронта Первой мировой войны. В его мемуарах привлекают внимание подробные описания городов и территорий, посещённых им на черноморском побережье (Архаве, Атина, Ризе). Отдельные, насыщенные

Рис. 5. Б.Н. Литвинов. Схема Ашхабада и окрестностей. 1919 г. Рукопись

подробностями части его мемуаров посвящены боевым операциям в районах городов Оф, Трабзон, Байбурт. Литвинов детально описывает ход боевых действий, свои взаимоотношения с начальством, ситуацию с русской стороны фронта, быт и жизнь населения захваченных городов и территорий. Особое место в мемуарах Б.Н.Литвинова отведено Трабзону и его восточным окрестностям.

Б.Н.Литвинову принадлежат не только тексты, но и очень точные зарисовки планов позиций русских и турецких войск в ходе войны, а также планы боевых действий периода Гражданской войны, в особенности в Закаспии.

Участие в Гражданской войне на Кавказе и в Туркестане

Находясь в эмиграции в Белграде, Б.Н.Литвинов оставил обширные мемуары, посвящённые в том числе своему участию в Терском казачьем восстании 1918 г. [9] и вооруженной борьбе в Туркмении в 1919 г. [10]. Будучи командиром белогвардейской Закаспийской добровольческой стрелковой дивизии, он постарался как можно детальнее описать боевые действия.

В советские годы исследователи уделяли определённое внимание событиям и последствиям Гражданской войны в Туркмении. Однако в силу того, что Закаспийский фронт Гражданской войны был далеко не основным, эти исследования велись преимущественно местными историками, хотя в последнее время эту тематику затрагивали и российские исследователи [11]. Описывая ход событий с точки зрения господствовавшей идеологии, они зачастую вынуждены были вписывать сложные местные реалии в устоявшуюся схему описания событий. Интерес в данном случае представляет видение Б.Н.Литвиновым причин, которые способствовали возникновению и динамике предпосылок для революционных событий 1905–1907 и 1917–1919 гг. в Средней Азии.

В начальной части рукописи Б.Н.Литвинов уделяет этому аспекту особое внимание, выделяя главные причины революционных волнений [12, Л. 1–9 об.]. На первое место он ставит проникновение чужеродного, экстремистски революционного элемента в структуры военного и гражданского руководства в крае и его злоупотребления властью. По мнению Б.Н.Литвинова, это способствовало обогащению пришлого населения, ухудшению положения местных жителей и как следствие – осложнению его отношений с русскими вообще [Там же, Л. 1–1 об.]. Призыв населения на тыловые работы в 1916 г. продемонстрировал полное непонимание специфики региона, а также неповоротливость и негибкость машины государственной власти.

«...Вторая причина – рабочий элемент». Б.Н.Литвинов писал, что управлявшие краем Анненков и Куропаткин разрешили рабочий вопрос достаточно удачно. Участок Закаспийской железной дороги строили или “туземцы”-персы, или нижние чины 1-го и 2-го Закаспийских железнодорожных батальонов, сапёры и запасные. Им, кроме зарплаты, выдавался участок земли и ссуда на постройку дома. Кроме того, строились больницы, школы, церкви, прекрасные здания ремесленных собраний (их собрания посещали министры и Главные начальники края)». Новым переселенцам отводились большие участки орошаемой земли для общественных нужд, где впоследствии вырастали русские города и «слободки». Таким образом, местные переселенцы-рабочие были благоустроены и имели собственность [Там же, Л. 1–2]. Именно они стали основным социальным элементом, на который опиралось Белое движение в Закаспии.

В отличие от Закаспия, на постройку Оренбург-Ташкентской, Андижанской и части Сибирско-Туркестанской магистрали привезли большую массу неквалифицированной, неимущей рабочей силы – как местной, так и из центра России, которая осела и образовала трущобные районы

в Коканде, Чарджуе и Ташкенте. Именно она и стала той массой, которая откликнулась на революционные лозунги.

В качестве третьей причины Б.Н.Литвинов называет раскол интеллигенции. По его наблюдениям, масса хлынувших в Туркестан инженеров с многотысячными окладами развратила «моральнейших» представителей чиновничества и офицерства. Таким образом, развитие производства и товарно-денежных отношений в регионе влекло за собой ускоренное имущественное расслоение местного населения, что также способствовало росту недовольства, прежде всего местных крестьян и мелких предпринимателей. Этому способствовали и рост цен, и стремление офицерства и чиновничества к обогащению любыми средствами, что подрывало авторитет власти.

А в Закаспии ничего подобного не наблюдалось. Там сохранялся более высокий авторитет власти и офицерства, которое оказывало влияние на солдатские массы [Там же, Л. 2]. Ревизия сенатора Палена лучше всего подтвердила это.

Четвёртая причина, о которой говорит Литвинов, хотя и не выделяет её, — это переселенческий вопрос. По его словам, переселенцами в Туркестане были преимущественно русские. Их объединяло общее понимание опасности, которое подспудно передавалось от местного населения. В то же время в Закаспии более значительный пласт переселенцев составляли немцы. Как пишет Б.Н.Литвинов, в бытность А.Н.Куропаткина немецкие колонисты заселяли преимущественно горные посёлки в приграничной полосе с Персией. Именно эти группы были подвержены германской пропаганде в годы Первой мировой войны, и именно они поддержали Красную армию во время Гражданской войны в Закаспии. Хотя интерпретацию событий Б.Н.Литвинова необходимо воспринимать критически, она весьма интересна и важна для понимания предпосылок революционной ситуации в Туркестане, который был близок авто-

ру лично и которому он поэтому уделял большое значение.

Будучи выпускником Академии художеств (1908–1910), Б.Н.Литвинов в эмиграции оставил большое количество рисунков и зарисовок Центральной Азии, быта её населения и пейзажей. В Белграде он открыл школу рисования, где зарабатывал на жизнь уроками, пытаясь обеспечить свою семью [20]. Он создал около 300 картин, набросков и рисунков, иллюстраций, большая часть из которых в настоящий момент находится в частных коллекциях.

В августе 1945 г. югославское правительство выдало Б.Н.Литвинова советским властям. Вскоре Борис Нилович был осуждён и отправлен в Темлаг Мордовской ССР, где умер в марте 1948 г.

Заключение

Б.Н.Литвинов написал мемуары на основе как своих воспоминаний, так и сохранившихся у него документов, которые впоследствии составили его личный фонд в ГА РФ. Та часть мемуаров, которая посвящена Первой мировой войне, содержит анализ военного опыта, приобретённого на Кавказском фронте Первой мировой войны. Интересно, что автор иногда вступает в полемику с известными исследователями войны на Кавказском фронте, например, с генералом Е.В.Масловским, бывшим оперативным докладчиком Н.Н.Юденича и автором труда «Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг.» [14]. Малое количество трудов о Кавказском фронте Первой мировой войны обуславливает значимость работы Б.Н.Литвинова, который показал непростую картину развития боевых действий на Приморском участке Кавказского фронта, сложные взаимоотношения военных начальников, будни войны в горах, которая, в отличие от Западного фронта, имела подвижный, зачастую полупартизанский характер.

Мемуары Б.Н.Литвинова ценны тем, что содержат значительное число деталей, подробностей и личных наблюдений, передают атмосферу того непростого

периода. Их отличает определённый стиль изложения, когда автор пытается сквозь призму прошедших лет заново внимательно рассмотреть судьбоносные для него и для страны события. Сквозь всё повествование красной нитью проходит привязанность Б.Н.Литвинова к Туркестану, куда он стремился попасть даже в годы Гражданской войны. Будучи, несомненно, патриотом России, Б.Н.Литвинов в конечном итоге отдаёт должное большеви-

кам и даже с некоторым удовлетворением приходит к выводу о том, что именно они смогли дать отпор наиболее последовательным соперникам России — немцам и англичанам. В силу своего значительного объёма и ценности, множества требующих уточнения деталей и привлекающих внимание личных оценок автора мемуары Б.Н.Литвинова нуждаются в дальнейшем детальном историческом осмыслении, анализе и публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 25978. Послужной список капитана Б.Н. Литвинова на 18 февраля 1912 г.
2. Басханов М.А. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература РАН, 2005. С. 141–142.
3. Литвинов Б.Н. По Бухаре // Разведчик. № 530. (03.10.1900). С. 883–886.
4. Литвинов Б.Н. Через Бухару на Памиры // Исторический вестник, 1904. № 10–12. С. 297–331; 698–729; 1045–1087.
5. Массон М.Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. ТрЮТАКЭ. Вып. 1. Ашхабад, 1949. С. 27, 101.
6. Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917). Ташкент, 1958. С. 37.
7. Литвинов Б. Керки (картинки амударьинской жизни) // Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го. М., 1910.
8. ГАРФ. Ф. Р-6557. Д. 17.
9. Бурда Э.В. Терское казачье восстание. 1918 г. Нальчик, 2016.
10. ГАРФ. Ф. Р-6557. Д. 17. Л. 3–9 об.
11. Куприянов А.В. Англо-индийская интервенция в Закаспийском крае в 1918–1919 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2015.
12. ГАРФ. Ф. Р-6557. Д. 17.
13. Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е гг. Ч. 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. С. 185–186, 195.
14. Масловский Е.В. Великая война на Кавказском фронте. 1914–1917 гг. Париж, 1933.

ENGLISH

The fate of the Russian orientologist officer during wars and revolutions: B.N. Litvinov and his scientific, memoir and art heritage

Vasilyev Alexander Dmitrievich is PhD in History, senior researcher of the Department of Central Asia, Caucasus, the Urals and the Volga Region, Institute of Oriental Studies under the auspices of the Russian Academy of Sciences, head of the project “B. N. Litvinov’s Memoirs as a New Source of Russia’s Civil War History” (15-31-12022 а(ц)).
E-mail: advasilyev@mail.ru

Boris Nilovich Litvinov was a major general of the tsar's army, military topographer who happened to become an active participant of such dramatic events as the 1905 revolution in Turkestan, the First World War in the seaside of the Caucasian battlefield, and then fight for the White Armed Forces during the Civil War in the Caucasus and in the Transcaspia. Being familiar with the life of Turkestan, B.N. Litvinov wrote a number of oriental notes, essays and descriptions of Turkestan, Pamir, and the border with Afghanistan. He also drew pictures and sketches of ancient landmarks of Turkmenistan, Pamir, Bukhara using diverse techniques (ink, watercolor, pencil). In the 1920s–1930s, being in exile in Belgrade, B.N. Litvinov wrote detailed memoirs about the events and his personal impressions associated with the First World War and the Civil War, painted about 300 paintings and illustrations for academic works. B.N. Litvinov handed over his memoirs to the Russian foreign historical archive in Prague, later they were transferred in his personal section in the State Archive of the Russian Federation. His paintings are kept in private collections in Serbia, Great Britain and Argentina. The data about B.N. Litvinov's activity are filed in the archives of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, and his personal materials were transferred to the archive of the Federal Security Service in Kostroma region. The archaeological sketches and geographic descriptions, illustrations, paintings and memoirs filled with a huge amount of details and personal assessments constitute B.N. Litvinov's scientific, memoir and art heritage.

Keywords: B.N. Litvinov, Turkestan, Oriental Studies, Russia, Civil War, First World War

REFERENCES

1. RGVIA. F. 400. Op. 12. D. 25978. Posluzhnoj spisok kapitana B.N. Litvinova na 18 fevralya 1912 g.
2. Baskhanov M.A. Russkie voennye vostokovedy do 1917 g. Biobibliograficheskij slovar'. M.: Vostochnaya literatura RAN, 2005. S. 141–142.
3. Litvinov B.N. Po Bukhare // Razvedchik. № 530. (03.10.1900). S. 883–886.
4. Litvinov B.N. Cherez Bukharu na Pamiry // Istoricheskij vestnik, 1904. № 10–12. S. 297–331; 698–729; 1045–1087.
5. Masson M.E. Gorodishcha Nisy v selenii Bagir i ikh izuchenie. TrYUTAKE. Vyp. 1. Ashkhabad, 1949. S. 27, 101.
6. Lunin B.V. Iz istorii russkogo vostokovedeniya i arkheologii v Turkestane. Turkestanskij kruzhok lyubitelej arkheologii (1895–1917). Tashkent, 1958. S. 37.
7. Litvinov B. Kerki (kartinki amudar'inskoj zhizni) // Kaufmanskij sbornik, izdannyj v pamyat' 25 let, istekshikh so dnya smerti pokoritelya i ustroitelya Turkestanskogo kraja general-ad'yutanta K.P. fon Kaufmana 1-go. M., 1910.
8. GARF. F. R-6557. D. 17.
9. Burda E.V. Terskoe kazach'e vosstanie. 1918 g. Nal'chik, 2016.
10. GARF. F. R-6557. D. 17. L. 3–9 ob.
11. Kupriyanov A.V. Anglo-indijskaya interventsija v Zakaspijskom krae v 1918–1919 gg.: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. M., 2015.
12. GARF. F. R-6557. D. 17.
13. Kosik V.I. Chto mne do vas, mostovye Belgrada? Oчерki o russkoj emigratsii v Belgrade. 1920–1950-e gg. Ch. 1. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2007. S. 185–186, 195.
14. Maslovskij E.V. Velikaya vojna na Kavkazskom fronte. 1914–1917 gg. Parizh, 1933.

ЭКОНОМИКА

УДК 339.9+061.1
ГРНТИ 65.5

**С.Н. ЗИЯДУЛЛАЕВ,
Н.С. ЗИЯДУЛЛАЕВ***

Евразийский экономический союз: испытание временем

В статье раскрываются особенности интеграционной инициативы России при создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в условиях внешнеэкономических напряжений, связанных с усилением антироссийских настроений на Западе. Дана оценка интеграционным и дезинтеграционным тенденциям на различных этапах становления и развития СНГ. Обоснованы направления преодоления глобальных вызовов и внутренних противоречий союза, выгоды и потери стран – участниц ЕАЭС, пути создания однотипных механизмов регулирования экономики, проведения согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой и таможенной политики, обеспечивающих свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Выносятся на обсуждение вопросы: почему в нынешнем виде ЕАЭС представляет собой гораздо менее продвинутый интеграционный проект, чем задумывалось ранее; каковы степень и уровень делегирования части суверенитета наднациональным структурам, включая допустимое ограничение экономического суверенитета интегрирующихся стран, а также перспективы расширения ЕАЭС, его взаимодействие с Европейским союзом и другими международными объединениями.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), международная интеграция, Таможенный союз (ТС), Единое экономическое пространство (ЕЭП), Содружество независимых государств (СНГ), Европейский союз (ЕС)

В условиях возрастания глобальной геополитической и экономической турбулентности Россия добилась существенного успеха в стратегировании интеграционных процессов

на евразийском пространстве и сплочении своих ближайших соседей в рамках Евразийского экономического союза. Была выработана обновлённая концепция евразийской интеграции примени-

* **Зиядуллаев Саидакмал Набиевич** — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института проблем рынка РАН, руководитель проекта «Стратегирование развития Евразийского экономического союза и разработка механизмов формирования единого экономического пространства» (17-02-00403а).
E-mail: akmal-z@mail.ru

Зиядуллаев Наби Саидкаримович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: ipr@cemi.rssi.ru

тельно к новым геополитическим и геоэкономическим условиям, и начата её поэтапная реализация с наиболее подготовленными партнёрами из числа стран СНГ. В 2014 г. договор о ЕАЭС был синхронно ратифицирован странами-учредителями — Белоруссией, Казахстаном и Российской Федерацией. В 2015 г. к нему присоединились Армения и Киргизия в качестве полноправных членов.

ЕАЭС — мощный, притягательный центр экономического развития, крупный региональный рынок, который объединяет более 170 млн человек. На него приходится 1/5 мировых запасов газа и почти 15% нефти. Суммарный ВВП составляет 2,5 трлн долл. — 85% валового продукта всех стран СНГ, промышленный потенциал оценивается в 600 млрд долл., объём выпуска продукции сельского хозяйства — 112 млрд долл. [1]. Совокупный ВВП стран ЕАЭС составляет 4,5% мирового ВВП [2].

Проект Евразийского союза

Идеология евразийства, которую во второй половине XX в. сформулировали выдающиеся мыслители и политики (В.Вернадский, Л.Гумилев, А.Сахаров, М.Горбачёв, А.Акаев, Ч.Айтматов и др.), получила реальное воплощение в идее создания Евразийского союза. Впервые она была выдвинута в 1994 г. президентом Казахстана Н.Назарбаевым во время выступления в МГУ им. М.В.Ломоносова, а в 2000 г. в Астане был подписан договор об образовании ЕврАзЭС. Евразийская инициатива получила новый импульс после публикации В.В.Путиным в октябре 2011 г. программной статьи «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» [3].

Основными критериями формирования Евразийского союза являются добровольность интеграции, принцип равенства, экономический прагматизм, невмешательство во внутренние дела друг друга, уважение суверенитета и неприкосновенность государственных границ. ЕАЭС

является наивысшей точкой интеграции государств — членов Таможенного союза. ТС и ЕАЭС открыты для участия в нём других государств, которые разделяют цели этого объединения и готовы принять на себя требуемые обязательства.

В 2012 г. создана и сегодня функционирует Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), имеющая статус наднационального органа управления и координирующая около 170 функций экономического союза. Впервые за весь постсоветский период реально заработали институты международной интеграции. ЕЭК в своей деятельности руководствуется интересами евразийского сообщества в целом, не мотивируя свои решения заинтересованностью какого-либо из национальных правительств. Решения комиссии обязательны для исполнения на территории стран — участниц ТС. Достигнуты договорённости и о других наднациональных органах, которые действовали бы на основе консенсуса с учётом интересов каждой страны-участницы, обладали чёткими и реальными полномочиями. Определены места дислокации основных наднациональных структур: ЕЭК — в Москве, Евразийский суд — в Минске, а после завершения гармонизации законодательства в сфере финансовых рынков будет принято решение о полномочиях и функциях наднационального органа по регулированию финансового рынка — Финансового центра, и создадут его в Алматы в 2025 г. Город станет не только экономической, финансовой столицей Казахстана и Центральной Азии, но и финансовой столицей Евразийского экономического союза как составной части формируемого Международного финансового центра в Москве, востребованность которого резко возрастает несмотря на репутационные и имиджевые потери на фоне происходящих сейчас глобальных процессов.

На наднациональный уровень в ЕЭК передана торговая политика, а это означает, что торговое соглашение может быть подписано только с ЕАЭС в целом, а его

условия будут в равной степени распространяться на каждого участника Евразийского союза. В основе решения о создании ЕЭК лежит понимание того, что совместно страны смогут не только снизить негативные последствия глобальной нестабильности, но и активно позиционировать себя на внешних рынках. Впервые в истории интеграционных объединений на постсоветском пространстве установлены режим наибольшего благоприятствования и режим неприменения количественных и инвестиционных ограничений, распространяющий своё действие на все государства – члены ЕАЭС. Уже начал работать единый рынок услуг, который в соответствии с Договором о ЕАЭС предоставляет бизнесу такие возможности, как освобождение поставщика услуг от повторного учреждения, возможность оказания услуг на основании разрешения, выданного на территории государства-члена, в котором зарегистрирован услугополучатель, и другие условия. В настоящее время создаются документы второго уровня в дополнение к Договору о Союзе.

ЕАЭС объективно предполагает необходимость делегирования части экономического суверенитета наднациональным структурам, что пока весьма болезненно воспринимается лидерами объединения, включая Россию. Межгосударственные союзы всегда допускают ограничение экономического, а порой и политического суверенитета интегрирующихся стран, поскольку их деятельность направлена на достижение не только своих, но и общих целей. Это убедительно и подробно обосновано в монографии, опубликованной ещё в 2002 г. [4].

Любое государство стремится наиболее полно использовать сильные стороны своего геополитического и геоэкономического положения, руководствуясь собственными интересами, порой в ущерб партнёрам по интеграции. Фетишизация суверенитета, требование «полного суверенитета», о котором сейчас говорит, к сожалению, и Россия, противоречит са-

мой логике интеграции и может привести к выходу из многих международных организаций, которые в той или иной степени ограничивают суверенитет своих членов самим фактом их членства. Все это придаёт новому интеграционному проекту, и без того не слишком осмысленному, дополнительные риски.

Тем не менее в современном мире не обойтись без глубокой экономической интеграции. Если Россия действительно настроена на долгосрочное сотрудничество с бывшими республиками, то ей необходимо доказать, что проект Евразийского экономического союза – это совершенно новый тип интеграции постсоветских государств, основанный на нерушимости их политического суверенитета, территориальной целостности, общности истории, языка, культуры, менталитета, равенстве партнёров, исключающий давление и доминирование Москвы. Причём некоторые решения могут противоречить национальным интересам той или иной стороны, в этом случае каждая страна-участница при несогласии должна иметь возможность заблокировать любое решение. Всё это является серьёзным импульсом для экономической интеграции.

Конечно, ЕАЭС ничего общего с Советским Союзом не имеет. Речь идёт о формировании единого экономического пространства, однотипных механизмов регулирования экономики, основанных на рыночных принципах, а также о применении гармонизированных правовых норм, облегчении ведения бизнеса, проведении согласованной налоговой, денежно-кредитной, валютно-финансовой, торговой и таможенной политики, обеспечивающих свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Одним словом, преследуется цель восстановления тех экономических выгод, которые были потеряны после исчезновения СССР.

Выгоды, риски и трудности ЕАЭС

Общее представление об экономическом потенциале Евразийского экономи-

ческого союза дают данные, представленные в табл.

Общий макроэкономический эффект от ЕАЭС видится в следующем:

- ♦ Стабильное и устойчивое увеличение ВВП, выравнивание уровня экономического развития стран-участниц.
- ♦ Снижение цен на товары благодаря снятию взаимных торговых ограничений, уменьшению издержек перевозки необходимого сырья и экспорта своего готового товара.
- ♦ Увеличение конкурентоспособности общего рынка ЕАЭС благодаря вхождению на рынок новых игроков из общего пространства.
- ♦ Увеличение уровня заработной платы на основе уменьшения издержек и повышения производительности труда.
- ♦ Нарастивание производства благодаря увеличению спроса на товары.
- ♦ Повышение окупаемости новых технологий и товаров благодаря увеличенному объёму рынка.
- ♦ Увеличение благосостояния жителей стран ЕАЭС при росте занятости населения.

При этом нельзя не учитывать существенные различия в размерах и уровне экономического развития государств — участников ЕАЭС и неоспоримость веду-

щей роли в нём России. К тому же товарооборот между членами ЕАЭС сокращается второй год подряд. Внутри блока разворачиваются торговые войны, воздвигаются барьеры, не устраняются изъятия и ограничения, которые должны быть в ЕЭП. Пока экономики стран ЕАЭС никак не интегрированы между собой, нет единой макроэкономической политики. Очевидно резкое экономическое превосходство России над Белоруссией, Казахстаном, Арменией и Киргизией. Территория и численность населения России намного больше, чем других участников союза. На Россию приходится более 85% совокупного ВВП, и именно ей придётся нести на себе основную тяжесть интеграции, что будет выражаться в постоянных уступках и финансовой помощи своим партнёрам. Более 30% экономики Киргизии и 20% — Армении зависит от денежных переводов их граждан из России.

Объективно Россия слишком велика для эффективной интеграционной группировки только с этими странами. Если сравнивать с ЕС, то в Европе интегрировались страны с примерно одинаковым и относительно высоким уровнем развития рыночной экономики и демократических институтов, чего не скажешь об участниках интеграции на постсовет-

Таблица

Характеристика стран — членов ЕАЭС (по состоянию на январь 2016 г.)

Страны	Население, млн человек	Размер реального ВВП, млрд долл.	Размер ВВП на душу населения, тыс. долл. [5]	Инфляция, % [6]	Уровень безработицы, %	Экспорт (млн долл.)	Импорт (млн долл.)	Торговый баланс, млн долл.
Россия	144	2111	6,9	11,4	5,3	497	286	211
Беларусь	9,5	72,1	4,9	16,2	0,5	36,4 [7]	40,8	-4,4
Казахстан	17,4	241,9	11,5	7,4	5,0	78, 237 [8]	41, 213	37,025
Армения	3,0	10,7	2,3	4,6	17,9	1,519 [9]	4,402	-2,882
Киргизия	5,8	7,5	1,9	10,5	2,4	1,879 [10]	5,732 [11]	-3,852

ском пространстве. К тому же каждая сторона-участница имеет свои мотивы и приоритеты для экономической интеграции. Главная сильная сторона ЕАЭС — это то, что страны-участницы ранее были в составе одного государства — СССР. Менталитет населения, знание русского языка как языка межгосударственного общения, сохранившиеся тесные кооперационные экономические связи, глубокая взаимосвязанность национальных хозяйств дают возможность рассчитывать на дополнительные дивиденды, модернизацию и повышение конкурентоспособности экономик стран ЕАЭС в условиях глобальной нестабильности.

Традиционно интеграция обходится России очень дорого. Только совокупный объём субсидий, дотаций и преференций, предоставленных нашей страной Белоруссии в 2001–2016 гг., составил, по расчётам учёных Высшей школы экономики, более 100 млрд долл. Есть риски частичного перетока капитала в Казахстан, где мягче налоговое администрирование и больше налоговых льгот иностранным инвесторам.

Выгоды от ЕАЭС распределяются между его участниками весьма неравномерно. Пока больше всего выигрывает Белоруссия, меньше — Казахстан, новые члены ЕАЭС — Армения и Киргизия — имеют свои выгоды, а Россия является «спонсором» нового интеграционного проекта. Уступки партнёрам по ЕАЭС — плата России за новое объединение. Точных расчётов по этому поводу не существует, но некоторые косвенные свидетельства есть. Так, торговое партнёрство в рамках Таможенного союза является наиболее значимым для национальной экономики Белоруссии (взаимная торговля со странами — членами ТС занимала 46,4% объёма всей её внешней торговли), на втором месте — Казахстан (18,2% внешнеторгового оборота). Нынешнее положение усиливает неравномерность в распределении выгод и издержек интеграции.

Назрела необходимость выработки механизмов и инструментария их перераспределения, изменения институциональной структуры и полномочий ЕЭК, а не ситуационных решений. Совсем недавно белорусские власти грозились отложить вступление договора в силу, увязывая ратификацию с компенсацией бюджетных потерь, возникающих из-за налогового маневра в нефтяной отрасли РФ. Москва вновь пошла на уступку, согласившись передать Минску ещё до 1 млрд долл. в виде пошлины на экспорт нефтепродуктов. Это «вознаграждение» Белоруссия получила за ратификацию договора о ЕАЭС. Россия была вынуждена пойти на эти меры, понимая, что эффект от такого объединения выше текущих возможных убытков.

Казахстан рассчитывает реализовать в ЕАЭС свои конкурентные преимущества в условиях привлечения инвестиций, открытия бизнеса, согласованной финансовой политики, но от участия в ТС имеет и минусы. Сохраняются трудности для продвижения казахских продовольственных товаров (в том числе мяса и мясопродуктов) на рынок России, нет свободного доступа на российский рынок электроэнергии, ограничены возможности для её транзита. Во взаимной торговле Казахстан поставляет на российский рынок сырьё, а ввозит преимущественно готовые российские товары. Соответственно перед Казахстаном стоит задача развивать инновационные отрасли и наращивать долю их продукции в общем товарообороте. Смена стратегического вектора России на восток и курс на создание оси Москва—Пекин открывает широкое поле возможностей для Казахстана.

Интеграция экономик ЕАЭС осложняется снижением темпов экономического развития из-за «кризиса доверия» со стороны мирового бизнеса. Во всех странах ЕАЭС и СНГ замедляется экономический рост, растёт инфляция и падают курсы национальных валют по отношению к дол-

лару и евро, что обусловлено общими мировыми экономическими процессами, связанными с сильной девальвацией курсов валют, а это, в свою очередь, сказывается на покупательской способности и инвестиционной деятельности.

Конечно, многое связано с положением российской экономики, которая с 2013 г. испытывала экономический спад, и её динамика балансировала вокруг нулевой отметки, а в 2015 г. была уже отрицательная динамика, тогда как эти годы для остального мира были достаточно благоприятными (экономика США росла в среднем на 2,3% в год, ЕС — на 1,2% в год). С 2016 г. происходит «сдержанный» рост мировой и российской экономики. Ожидается пусть и минимальное, но сокращение ВВП главных двигателей глобального роста — Китая, Японии и Индии.

В этих условиях в рецессию вместе с Россией могут уйти и её основные партнёры по ЕАЭС. Фундаментальных причин для роста экономики ЕАЭС нет: с одной стороны, потому, что во всех странах недостаточно экономических свобод и слишком велика роль государства, и, с другой стороны, до сих пор по основным показателям так и не достигнуты пиковые уровни 2008 г.

Серьёзным продвижением на пути евразийской экономической интеграции могла бы стать единая валюта. Разговоры о ней ведутся давно. Неудачный опыт введения единой валюты в Союзном государстве России и Белоруссии показывает, что без политической интеграции это невозможно. Камнем преткновения стал тогда вопрос об эмиссионном центре. Россия предлагала, чтобы эмиссией занимался ЦБ РФ, но это не устроило Минск. Белоруссия предлагала два эмиссионных центра в двух странах — Россия в ответ заявляла, что такого не бывает. Необходим независимый центр, но для этого нужны наднациональные политические структуры. Очевидно, даже в среднесрочной перспективе создать свою единую валюту членам ЕАЭС вряд ли удастся.

Тем не менее руководство России в марте 2015 г. дало поручение своим финансово-экономическим ведомствам проработать целесообразность и варианты создания в перспективе валютного союза в рамках Евразийского экономического союза [12]. Вместе с тем большинство специалистов и экспертов призывает не спешить с созданием валютного союза. На наш взгляд, с учётом ведущей роли России в ЕАЭС введение ещё какой-либо параллельной валюты было бы сейчас искусственным. Особенно учитывая тот факт, что большая часть расчётов между странами идёт в рублях. Сначала нужно иметь единый рынок, скоординировать денежную и макроэкономическую политику и лишь к 2025 г. выйти на создание евразийского ЦБ и появление единой валюты сначала для Белоруссии, России и Казахстана. Значит, впереди ещё долгие годы ожидания.

Что касается создания новых производств, то здесь всё упирается в две проблемы: необходимость получения огромного количества разрешений от надзирающих инстанций и отсутствие дешёвых кредитов. До недавнего времени у российских компаний была возможность заимствовать дешёвые деньги на Западе. Сегодня вследствие введённых санкций такой возможности нет. Сейчас в длинную очередь за деньгами Фонда национального благосостояния выстроились многочисленные влиятельные лоббисты, включая крупнейшую государственную нефтяную компанию и системообразующие государственные банки. А ведь этот фонд создавался вовсе не для затыкания дыр, а для поддержания социально-экономической стабильности и устойчивости. Некоторые крупные корпорации и банки стремятся использовать средства Фонда национального благосостояния, вместо того чтобы разрабатывать новые императивы инновационного развития, минимизировать коррупционную составляющую при реализации крупных инфраструктурных проектов.

В нынешних условиях резкого обострения отношений России с США, Евросоюзом и их союзниками чрезвычайно важным представляется роль наших партнёров по ЕАЭС. Белоруссия и Казахстан становятся посредниками в преодолении западных санкций против России, поскольку против Астаны и Минска санкции не введены. Таким образом, Казахстан и Белоруссия получают шанс использовать посредничество для получения не только экономического, но и геополитического выигрыша. Уже сейчас партнёры по ЕАЭС выхолащивают идею и принципы Евразийского союза. Тогда как санкции ЕС против России тщательно выверены, многократно обсуждены. В результате синхронно были приняты согласованные, скоординированные решения, к которым присоединился ряд других развитых государств. Это и понятно: экономики западных стран тесно взаимосвязаны, особенно в ЕС, где между ними вообще нет таможи. Поэтому выбирался такой режим санкций, который не наносил бы непропорционального ущерба интересам какого-то одного или нескольких участников объединения и позволял бы обеспечить общую ответственность и общий поиск возможностей для компенсации.

Россия должна была бы заручиться поддержкой партнёров по Таможенному союзу, а Казахстан и Белоруссия — присоединиться к российским санкциям; а если нет, то не допустить поступления запрещённых продуктов на свой рынок под казахстанскими и белорусскими «лэйблами». Вместо этого они продемонстрировали, что им, во-первых, не нравится предлагаемая Кремлём модель взаимоотношений в «альянсе» и, во-вторых, им не хочется что-либо терять из-за односторонних, не согласованных с ними санкций и действий России. Правда, солидарность с Москвой была всё-таки проявлена: и в Казахстане, и в Белоруссии на официальном уровне выразили горячее желание принять участие в

импортозамещении, тем более что Россия заявила о выгодах, которые сулят казахстанской и белорусской экономикам продовольственные санкции России против западных стран.

Расчёт был на политическую сознательность партнёров по ЕАЭС. Но экономические интересы для Белоруссии и Казахстана оказались важнее политических. Соучредители союза не только не присоединились к санкциям, но и решили на них заработать. С одной стороны, Астана и Минск понимают, что их суверенитет гарантируется только Россией и только в случае их участия в евразийском интеграционном объединении. Конечно, зона свободной торговли как отправной пункт интеграции несёт определённые риски. И главным риском здесь является неподготовленность производителей ЕАЭС к конкуренции на мировом рынке. Поэтому уже сегодня следует задуматься о пошаговой дорожной карте, которая бы наиболее гармонично учитывала интересы всех сторон и предоставляла наиболее безболезненный и безопасный путь интеграции.

Украина и ЕАЭС

Очевидный недостаток ЕАЭС состоит в отсутствии в нём Украины. Эта страна с её 40-миллионным населением, сравнительно диверсифицированной экономикой и тесными кооперационными связями с Россией сделала бы формирующийся союз гораздо более мощным и перспективным объединением. А для этого необходимо было терпеливо искать компромиссы и договариваться. Но теперь интеграцию с Украиной даже в более отдалённой перспективе трудно представить. Она уже живёт в новой политической и экономической реальности. Установившееся враждебное противостояние между РФ и Украиной сохранится, видимо, на долгие годы, что исключает их объединение в рамках каких-либо постсоветских интеграционных союзов. В условиях глобальной конкуренции ЕАЭС не сможет

стать мощным игроком, каким мог бы быть, имея в своём составе Украину.

Вместе с тем Украина пока не собирается выходить из Содружества Независимых Государств. Вопреки громким заявлениям украинских политиков никаких реальных шагов по разрыву отношений с СНГ Киев не предпринимал. Конечно, Украина не заинтересована в выходе из Содружества, слишком много экономических преференций члены СНГ имеют по отношению друг к другу. Оно даёт Украине весомые преимущества — от безвизового передвижения её граждан до участия в зоне свободной торговли в рамках СНГ. Полностью прекратить товарооборот с Украиной невозможно, поскольку страны находятся рядом. Но очевидно, что товарооборот и инвестиционная активность будут существенно падать. Приемлемые для России и Украины договорённости по газу, скорее всего, достигнуты не будут.

Для успеха любого серьёзного интеграционного проекта на постсоветском пространстве наряду с Россией нужна и Украина. Именно эти два государства с учётом их экономического потенциала и сложившихся с советских времен глубоких экономических связей способны были стать тем «локомотивом», который в дальнейшем потянул бы за собой всех остальных. Решение, несмотря на всю сложность, может быть найдено прежде всего в экономической сфере, сбалансированных нормах и правилах международной торговли, и только их соблюдение может привести к перемирию между Россией и Украиной.

Евразийская и Европейская интеграция

Успех Евразийского экономического союза и его место в глобальном мире и мирохозяйственных связях во многом будут определяться взаимодействием с Европейским союзом. ЕАЭС нельзя представить без широкого взаимодействия с Евросоюзом и другими межгосударственными интеграционными объ-

единениями. Развитию экономического сотрудничества ЕАЭС с объединённой Европой благоприятствуют их географическая близость, взаимодополняемость экономик, разветвлённая сеть коммуникаций, налаженные прочные связи между компаниями и т.п. Эти организации отличаются, имея, естественно, как свои слабые, так и сильные стороны. Например, к сильным сторонам ЕАЭС можно отнести примерно сходный уровень экономического развития стран-участников в отличие от расширяющегося ЕС. К тому же страны ЕАЭС ранее были в составе одной страны — СССР, что даёт возможность рассчитывать на дополнительные дивиденды.

Кроме того, новая Евразийская интеграция начинается в условиях набирающего обороты серьёзного финансово-экономического кризиса, потенциально долгой хозяйственной рецессии в России и других странах — участницах ЕАЭС, экономика которых в настоящее время становится весьма уязвимой. Более того, учредителям ЕАЭС приходится на ходу нарабатывать новые механизмы экономического взаимодействия на принципах равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга. При этом из-за поспешности, с которой подписываются договоры, они всё больше выглядят как декларации, а не как обдуманые экономические решения.

Остро встаёт проблема торговых отношений в рамках двух свободных экономических зон — ЕС и ЕАЭС. Страны ЕАЭС — также участницы зоны свободной торговли СНГ. Нельзя быть членом двух таможенных союзов. Но членом зон свободной торговли разных интеграционных объединений можно, и это не противоречит тесному, взаимовыгодному экономическому сотрудничеству.

ЕС считает зоны свободной торговли полностью совместимыми. Россия же опасается, что после отмены торговых барьеров на российский рынок хлынут дешёвые европейские товары и намерева-

ется лишить Украину, Грузию и Молдову льгот, связанных с преимуществами зоны свободной торговли. На наш взгляд, России следовало бы по возможности сохранять и приумножать экономическое взаимодействие с этими странами, тем более что их путь в ЕС будет долгим, а результат — неясным ещё многие годы. Реально существует масса серьёзных юридических и политических препятствий для вступления в ЕС Украины, Грузии и Молдавии, прежде всего это проблема территориальной целостности этих государств. Соглашения же об ассоциации с ЕС налагают на них неподъёмные требования, а выгоды от зоны свободной торговли с СНГ уже проверены жизнью и действуют. Построение общего экономического пространства с ЕС нужно продолжать, причём не только в формате Россия—ЕС, а шире, в формате «Евросоюз — Евразийский экономический союз» с перспективой создания единого экономического пространства с Евросоюзом и странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

ЕС остаётся главным внешнеторговым партнёром России (по экспорту на уровне 52–53%, а по импорту — 41–42%) [13], хотя с 2013 г. происходит сокращение интенсивности торгово-экономического взаимодействия РФ и ЕС в отличие от предыдущих 12 лет существенного роста взаимной торговли. Во внешнеторговом обмене России и ЕС преобладает традиционная модель: вывоз топливно-энергетических и других товаров с низкой добавленной стоимостью в обмен на продукцию высокой степени обработки: машиностроения, химической и пищевой промышленности. Более того, в условиях действия санкций Россия должна быть заинтересована в том, чтобы новейшие технологии стали доступными для партнёров по ЕАЭС. Ведь ЕС — крупнейший поставщик на мировой рынок современных машин, оборудования и транспортных средств.

Очень важно, чтобы Россия как крупнейший участник ЕАЭС не препятство-

вала каждой стране выбирать свои собственные, особые пути и формы взаимодействия, гибкие модели экономического сотрудничества с Евросоюзом, а также с другими странами и международными группировками. Многочисленные источники подтверждают, что ЕС готов к возобновлению диалога с РФ по ряду вопросов, в том числе относительно сотрудничества с Евразийским экономическим союзом, в зависимости от того, какую позицию РФ займёт в вопросе интеграции между Украиной и ЕС.

Конфликт интересов России и ЕС заключается в том, что Запад не признаёт претензий России на её особые интересы в странах бывшего СССР. Яркий пример этому — проект «Восточного партнёрства», который, на наш взгляд, противоречит целям самой европейской интеграции, поскольку подрывает широкое региональное взаимодействие и создаёт зону нестабильности на границах ЕС. По сути, это проект втягивания стран «Восточного партнёрства» в юрисдикцию Евросоюза. Ключевой его участник — Украина — в результате «борьбы интеграций» переживает глубочайший в собственной истории политический и экономический кризис.

Представляется очевидной невозможность игнорирования Евросоюзом интересов стран ЕАЭС. Первым ключом к этому может стать решение экономической части проблем взаимодействия ЕС и ЕАЭС в Украине. Как известно, подписанный договор об ассоциации Украины с ЕС не учитывает интересов соседей и во многом противоречит интересам некоторых украинских производителей, особенно в сфере тяжёлой промышленности и высокотехнологичного производства. Беларусь может стать центральной площадкой в этих переговорах, затрагивающих как решение украинского кризиса, так и создание зоны свободной торговли между ЕС и ЕАЭС.

Каких-то принципиальных препятствий для торговой интеграции ЕС и ЕАЭС нет, поскольку обе стороны не вступают в про-

творение с общими для всех правилами ВТО. Оптимальным решением является выстраивание взаимосвязанного и совместимого пакета договоренностей в «треугольнике» ЕС — страны «Восточного партнёрства» (прежде всего Украина) — Евразийский экономический союз с перспективой выхода на глубокие и всеобъемлющие соглашения интеграционного характера, действительно охватывающие все заинтересованные стороны «интеграционного моста» от Лиссабона до Владивостока. Однако необходимо тщательно просчитать экономические последствия интеграции. Очевидно, что в настоящее время ЕС, как и ЕАЭС, в силу острых геополитико-экономических разногласий, пока не готов к полноценному интеграционному взаимодействию. Тем не менее работу по построению общего экономического пространства с ЕС нужно продолжать, но уже не в формате Россия — ЕС, а в формате «Евросоюз — Евразийский экономический союз».

Стратегирование развития ЕАЭС

Внешнеторговое взаимодействие России с партнёрами по ЕАЭС остаётся относительно невысоким (по экспорту — на уровне 7–8%, а по импорту — 6–7%) и имеет тенденцию к снижению. Во всех странах ЕАЭС замедляется экономический рост, растёт инфляция, сохраняются крайняя волатильность и девальвация национальных валют, падение потребительского спроса и снижение экономической активности. Для достижения более существенных торговых эффектов потребуются дальнейшее углубление интеграции и налаживание горизонтальных производственных связей.

Потенциал торгово-экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС невысок. Сокращение взаимной торговли обусловлено в основном тремя факторами: первый — изменение форматов торговли нефтью и нефтепродуктами; второй — снижение спроса на инвестиционные товары в условиях непростой экономиче-

ской ситуации в странах ЕАЭС; третий — усиление конкуренции в связи с вступлением в ВТО. На общем обороте торговли сказалось замедление темпов экономического развития из-за усиливающихся западных санкций и «кризиса доверия» со стороны мирового бизнеса. Складывающаяся ситуация требует пересмотра модели социально-экономического развития, с тем чтобы появились реальные возможности для более тесной интеграции, роста внутреннего производства и диверсификации экономик стран ЕАЭС.

На рис. представлена концептуальная модель формирования кластерной экономической интеграции в ЕАЭС.

Перспективы ЕАЭС как основного российского экономического интеграционного проекта на постсоветской территории связаны с возможным вступлением в ЕАЭС ещё одной страны Центральной Азии — Таджикистана, где это было бы решением многих острых социально-экономических проблем, в частности связанных с модернизацией и диверсификацией экономики, огромной внешней трудовой миграцией и т.п. Таджикистан был в числе основателей ЕвразЭС и сейчас имеет основания претендовать на полноценное участие в евразийской интеграции. На этом процесс расширения Евразийского союза, по-видимому, завершится. Конечно, в ЕАЭС ощущается дефицит таких знаковых стран СНГ, как Узбекистан и Азербайджан, играющих значительную роль в глобальных международных отношениях. Они считают Москву своим стратегическим партнёром, но вопрос о вступлении в Евразийский экономический союз пока не стоит, хотя обе страны за сохранение и расширение зоны свободной торговли в рамках СНГ. Отсюда легко перебрасывается мостик к аналогичной зоне в рамках ЕАЭС. В этом случае потенциал ЕАЭС многократно увеличится, ведь Узбекистан является одним из общепризнанных лидеров в Центральной Азии, а Азербайджан — на Кавказе. Сейчас, в условиях глобаль-

ной турбулентности, ещё сохраняются определённые надежды на расширение евразийской экономической интеграции за счёт взаимовыгодного привлечения Узбекистана и Азербайджана, с которыми объёмы экономического сотрудничества весьма значительны. Россия стабильно занимает первое место среди торговых партнёров этих государств.

В перспективе следует обратить внимание и на более закрытый Туркменистан, который проводит политику экономической и политической эмансипации от России. Ашхабад также считает РФ своим стратегическим партнёром, но о вступлении Туркмении в ЕАЭС речь вообще не идёт. Не случайно во время голосования в ООН по присоединению Крыма к России воздержались Туркмения, Казахстан и Узбекистан, а Киргизия и Таджикистан вообще не голосовали.

Целесообразно было бы оценить потенциальное влияние, которое интегра-

ция в рамках ЕАЭС может оказать на инвестиционную привлекательность и финансовую составляющую экономической безопасности других стран СНГ, а также выяснить, какими могут быть механизмы корректировки поддержания национального суверенитета в случае реализации сценариев как присоединения, так и неприсоединения новых государств к ЕАЭС.

Страны Центральной Азии и Азербайджан сохраняют возможность балансировать между глобальными игроками — США, Китаем, ЕС и Россией. Туркмения обладает огромными резервами углеводородного сырья, которые успешно осваиваются теперь уже без помощи России, во всяком случае, без её лидирующего влияния. Очевидно, что китайский вектор будет усиливаться не только в регионе, но и во всём мире.

Образование ЕАЭС противоречит глобальным интересам США и ЕС, никак не вписывается в геополитические планы

Рис. Модель формирования кластерной экономической интеграции ЕАЭС

Запада. Именно ЕАЭС может и должен стать выразителем интересов большинства государств СНГ, мостом между Евро-союзом и бурно развивающимся Китаем, а также другими государствами БРИКС. ЕАЭС должен и способен стать одним из полюсов глобальной экономики и выполнить уникальную миссию, которая не по силам никакой другой из международных интеграционных группировок на постсоветском пространстве.

Уже сейчас свыше 20 стран мира заинтересованы в создании зоны свободной торговли с ЕАЭС. Среди них Турция, Вьетнам, Израиль, Чили, Египет, Монголия. В случае благоприятной внешнеполитической обстановки могут возобновиться переговоры об аналогичной зоне с Новой Зеландией, странами ЕФТА (Швейцария, Норвегия, Исландия, Лихтенштейн). ЕАЭС в перспективе может трансформироваться в более широкое торгово-экономическое объединение и стать крупным субъектом мировой экономики.

Продвижение ЕАЭС пришлось на период обострения глобальных геополитических вызовов и угроз. Запад наращивает экономическое давление на Россию, отсекая её от международных финансовых

рынков и передовых технологий. Происходит и политическое давление на другие страны СНГ. Думается, такую опасность участники ЕАЭС видят, понимают и способны нейтрализовать, найти новые нестандартные подходы, исходя из общих интересов и сложения усилий на принципах равенства и уважения территориальной целостности, повышения роли регионального сотрудничества на постсоветском пространстве. От успеха новой евразийской интеграции зависит будущее России и всего Содружества Независимых Государств.

От редакции: Российский фонд фундаментальных исследований на протяжении ряда лет активно ведёт работу по консолидации учёных стран Европы и Азии. РФФИ выступил одним из учредителей Евразийской Ассоциации поддержки научных исследований (ЕАПИ). Меморандум об учреждении Ассоциации был подписан в июле прошлого года. В её состав вошли научные организации России, Армении, Белоруссии, Вьетнама, Киргизии и Монголии (См.: Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (87). С. 12).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Модернизация и экономическая безопасность России: т. 6 / Под ред. В.А.Цветкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016.
2. http://www.wto.org/english/res_e/status_e/its2013_e/its13_world_trade_dev_e.htm#. The World factbook <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>.
3. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 окт.
4. Зиядуллаев Н.С. СНГ: Дорога в третье тысячелетие. Проблемы развития и укрепления Содружества / Предисл. А.Д.Некипелова. М.: ИСПИ РАН, 2002. С. 7, 54.
5. Источник URL: <http://ru.tradingeconomics.com>.
6. Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. URL: <http://www.cisstat.org>; URL: <http://ej.by/news/economy/2015/02/02/v-2014-godu-u-belarusi-sohranilos-otritsatelnoe-vneshnetorgovoe.html>.
7. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersCrossTrade?_afz-Loop=926032931928#%40%3F_afzLoop%3D926032931928%26_adf.ctrl-state%3D91bkxbcdj_119.
8. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: http://stat.kg/images/stories/docs/Express/Svod/EXPRES-1_15_.pdf.

9. Национальный Статистический Комитет Кыргызской Республики. URL: http://stat.kg/images/stories/docs/Express/Svod/EXPRES-1_15_.pdf.
10. Там же.
11. <http://www.kommersant.ru/doc/2691833>.
12. Тупик борьбы интеграций в Европе: Доклад Комитета гражданских инициатив. М., 2014. URL: <http://komitetgi.ru/news/news/1611>.

ENGLISH

Eurasian Economic Union: test of time

Ziyadullaev Saidakmal Nabievich is PhD in Economics, senior researcher, Market Economy Institute under the auspices of the Russian Academy of Sciences, head of the project “Strategizing the Development of the Eurasian Economic Union and Development Mechanisms for a Common Free Market Zone” (17-02-00403a).

E-mail: akmal-z@mail.ru

Ziyadullaev Nabi Saidkarimovich is DSc in Economics, professor, senior researcher of the Market Economy Institute under the auspices of the Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.

E-mail: nabi926@mail.ru

The paper focuses on Russia's integration initiative seeking to create the Eurasian Economic Union (EEU) amidst the external economic tension connected with the intensified anti-Russian sentiments. It evaluates integration and disintegration trends at different stages of the CIS formation and development, as well as explains the ways of overcoming the global challenges and internal contradictions of the union, benefits and losses of the EEU member countries, ways of building uniform mechanisms of economic regulation, implementing coordinated tax, monetary and credit, monetary and financial, trade and customs policies that ensure free flow of goods, services, capital and workforce. The paper also reviews such matters as: why the today's EEU is a far less advanced integration project than it was planned, what are the degree and level of delegation of part of sovereignty to supranational structures, including admissible restriction of economic sovereignty of the integrated countries, and also prospects of the EEU expansion, its interaction with the European Union and other international associations.

Keywords: Eurasian Economic Union (EEU), international integration, Customs Union (CU), Common Free Market Zone, Commonwealth of Independent States (CIS), European Union (EU)

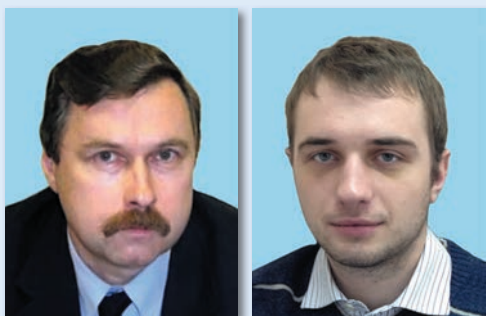
REFERENCES

1. Modernizatsiya i ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: t. 6 / Pod red. V.A. Tsvetkova. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2016.
2. http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2013_e/its13_world_trade_dev_e.htm#. The World factbook <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>.
3. Putin V.V. Novyj integratsionnyj proekt dlya Evrazii – budushchee, kotoroe rozhdaetsya segodnya // Izvestiya. 2011. 3 okt.

4. Ziyadullaev N.S. SNG: Doroga v tret'e tysyacheletie. Problemy razvitiya i ukrepleniya Sodruzhestva / Predisl. A.D. Nekipelova. M.: ISPI RAN, 2002. S. 7, 54.
5. Istochnik URL: <http://ru.tradingeconomics.com/>.
6. Mezhdgosudarstvennyj statisticheskij komitet Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv. URL: <http://www.cisstat.org>; URL: <http://ej.by/news/economy/2015/02/02/v-2014-godu-u-belarusi-sohranilos-otritsatelnoe-vneshnetorgovoe.html>.
7. Komitet po statistike Ministerstva natsional'noj ekonomiki Respubliki Kazakhstan. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersCrossTrade?_afz-Loop=926032931928#%40%3F_afzLoop%3D926032931928%26_adf.ctrl-state%3D91bkxabc-dj_119.
8. Natsional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. URL: http://stat.kg/images/stories/docs/Express/Svod/EXPRES-1_15_.pdf.
9. Natsional'nyj Statisticheskij Komitet Kyrgyzskoj Respubliki. URL: http://stat.kg/images/stories/docs/Express/Svod/EXPRES-1_15_.pdf.
10. Tam zhe.
11. <http://www.kommersant.ru/doc/2691833>.
12. Tupik bor'by integratsij v Evrope: Doklad Komiteta grazhdanskikh initsiativ. M., 2014. URL: <http://komitetgi.ru/news/news/1611>.

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 001«71»:001.8
ГРНТИ 12.09.07

**А.В. ЮРЕВИЧ,
М.А. ЮРЕВИЧ***

Форсирование библиометрических показателей продуктивности российских учёных

Анализируются существующие практики количественного оценивания эффективности и вклада национальной науки в мировую. Авторы показывают неадекватность этих методов, а также большое влияние социально-психологических факторов на соответствующие показатели. Демонстрируется, что форсирование библиометрических показателей получает всё большее применение в современной российской науке. Описывается авторская методика, позволяющая выявлять манипулятивные стратегии повышения индекса Хирша. Приводятся данные о распространённости этих стратегий в современном российском психологическом сообществе, а также об их выраженности в различных типах научных организаций.

Ключевые слова: вклад национальной науки в мировую, количественные показатели, индекс цитирования, индекс Хирша, манипулятивные стратегии, современное российское научное сообщество, психологи

Однополярный смысл библиометрических показателей

Появление показателей публикационной активности как инструмента оценки научного труда связано с внедрением в западных странах системы финансирования на основе результатов деятельности, начавшимся ещё в 1970–

1980-е гг. [1, 2]. Подобная схема была призвана решить две задачи: во-первых, повысить прозрачность механизмов распределения денежных средств; во-вторых, стимулировать конкуренцию между учёными и организациями, выполняющими научные исследования [3, р. 6].

* **Юревич Андрей Владиславович** — доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН, руководитель проекта «Методология оценки эффективности социогуманитарной науки» (14-03-00326а).

E-mail: av.yurevich@mail.ru

Юревич Максим Андреевич — младший научный сотрудник Финансового университета при Правительстве РФ, привлечённый исполнитель того же проекта.

E-mail: maksjuve@gmail.com

Проведённые в разных странах исследования свидетельствуют, что внедрение такой модели привело к существенному увеличению числа публикаций в международных базах научного цитирования [1, 4, 5]. Однако оно обернулось и целым рядом негативных явлений, таких как:

- дробление полноценного и самостоятельного материала на несколько небольших статей;
- приписывание фиктивных соавторов;
- совершение плагиата, фальсификация или фабрикация данных при написании статей;
- формирование партнёрских соглашений между научными организациями, журналами или учёными в области взаимного цитирования и др. [6–8].

В последние годы и в России всё чаще предпринимаются попытки количественной оценки эффективности науки с помощью таких показателей, как импакт-фактор, цитат-индекс, индекс Хирша, а адекватность результатов подобной оценки стала очередной ареной противостояния реформаторов и их оппонентов. При этом используются критерии и методики, широкое применение которых за рубежом рассматривается как гарантия их адекватности, хотя и там они имеют немало противников.

В нашей стране соответствующие дискуссии политизированы, нередко увенчиваются обвинениями в полной неэффективности отечественной науки ввиду того, что по интегральному импакт-фактору российские статьи занимают 37-е место в мире, 55% российских работ вообще не цитируются и т.п. [9]. Ситуация усугубляется тем, что в наших российских условиях поляризации сторонников и противников наукометрических показателей носит ярко выраженный ведомственный характер [Там же].

При этом, как отмечают специалисты по данной проблеме, многочисленные поклонники и оппоненты подсчёта журнальных публикаций, импакт-факторов и числа ссылок не очень знакомы с со-

держательными характеристиками этих показателей [10].

Ими отмечается, что анализ числа журнальных публикаций и уровня их цитируемости чаще всего проводится на материалах базы данных Web of Science (WoS), принадлежащей ныне компании Thompson Reuters, а это подчас даёт довольно-таки нелепые результаты. Среди журналов, включённых в базы данных WoS, на основе которых принято делать выводы о величине вклада в мировую науку, от 25 до 40% (в разных дисциплинах — по-разному) издаются в США, а от 20 до 40% — в Великобритании [10]. Во многом поэтому, в частности, если суммарный вклад стран ЕС в естественные науки составляет 40%, то в социальные — лишь 33% [11].

Базы данных WoS неспособны учесть публикации российских учёных во всех международных научных журналах, а круг журналов, на основе которых формируется оцениваемая выборка, хотя и впечатляет своим размером, вряд ли может считаться репрезентативным. Россия в этой базе данных, а также в аналогичных ей, таких как Scopus и др., вообще представлена лишь несколькими научными журналами. Налицо проблема адекватности источников данных, имеющая много общего с хорошо известной в социогуманитарных дисциплинах проблемой репрезентативности используемых выборок.

Известны и другие принципиальные недостатки баз данных WoS: принижение значимости работ на таких языках, как испанский, итальянский, японский, китайский, корейский и, естественно, русский; отсутствие учёта прочих видов печатной научной продукции — монографий, статей в сборниках, материалов конференций и т.д. [12]. Вместе с тем сведение проблемы лишь к неадекватности источников данных и способов их формирования было бы её сильным упрощением. Существуют и другие её стороны, обращение к которым вынуждает говорить о неадекватности самого сложившегося подхода к оценке вклада национальной науки в мировую.

Прежде всего, *нельзя сводить вклад в мировую науку к вкладу в мировой массив научных публикаций.*

Необходимо различать мировую науку и мировой мейнстрим научных публикаций, русло которого сформировано на Западе. Мировая наука — не этот мейнстрим, а *совокупность национальных наук*, какими бы непохожими на англо-американскую науку они ни были. В неё вносит вклад каждый, кто занимается наукой и делает в ней что-либо существенное, вне зависимости от того, в какой стране он живёт и в каких научных изданиях публикуется. В неё внесла вклад и так называемая традиционная восточная наука, развивавшаяся в Индии, Китае, странах арабского Востока задолго до появления США. Российская же наука вносит вклад в мировую по определению, являясь её частью, и отрицать это так же нелепо, как не считать нашу страну частью человечества.

Одна из главных функций социогуманитарной науки — сделать человека и общество лучше, причём не столько всё человечество, сколько общество в той стране, в которой та или иная национальная наука развивается. В результате совершенно естественно, что социогуманитарная наука всегда имеет *«национальную привязку»* — в основном изучает те проблемы, которые характерны для данного общества.

Большая часть наших статей в области социогуманитарных наук не годится для международных журналов, но не в силу своих содержательных недостатков, а вследствие национальной особенности своей тематики. Приблизить же свои исследования к тематике международных журналов и, соответственно, удалиться от наиболее злободневных проблем нашей страны означало бы для отечественных социогуманитариев вызвать в нашем обществе массовое ощущение, что деньги налогоплательщиков тратятся учёными впустую. Подчас наши социогуманитарии вынуждены выбирать между повышением своего цитат-индекса в меж-

дународных журналах и, например, тем, как найти пути уменьшения безработицы или беспризорности в России, а выбор ими последнего свидетельствует не об их неэффективности, а об их патриотичности [12].

Следует отметить также явное рассогласование нашей общегосударственной и нашей научной политики. Если первая в последнее время строится на противостоянии Западу, импортозамещении и т.д., то вторая предполагает приоритет публикаций в западных научных журналах. Очень странно, что органы управления отечественной науки этого не замечают.

По убеждению ряда исследователей, по индексу цитирования и другим подобным показателям корректно сравнивать лишь научные организации одной страны [13], при этом и сравнение разных научных дисциплин вызывает большие сложности ввиду различий существующих в них традиций цитирования, соавторства и т.п. На этой в целом правильной идее основана разработка *национальных индексов научного цитирования*, таких как РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). Аналогичные национальные базы данных созданы в Китае, Японии и других странах.

Уместно обратить внимание и на неадекватность общего образа науки, стоящего за практикой подсчёта цитирований. Согласно этому образу, цитирование научных статей — это норма науки, а нецитирование или низкое цитирование — патология, за которой стоит их «ненужность». Вынеся за скобки такие факторы, как латентное признание значимости научных работ, многие из которых воспринимаются научным сообществом не сразу, а спустя определённое время, лишь по прошествии которого начинается их активное цитирование, подчеркнём, что вообще потребление научной информации научным сообществом устроено совершенно по-другому. Так, по данным Института научной информации США, около 40% мирового массива опублико-

ванных научных статей вообще никогда не цитируются, а из цитируемых 70% цитируются один раз в год, 24% — 2–4 раза, около 5% — от 5 до 9 раз и менее 1% — 10 и более раз в год [14]. Иными словами *нормой для науки является нецитирование или редкое цитирование научных статей*, а их частое цитирование — напротив, своеобразной «патологией».

В общем, трудно не заметить, что используемые ныне показатели вклада в мировую науку имеют достаточно выраженный *однополярный* смысл. Если учёный имеет много публикаций и высокий индекс цитирования в международных научных журналах, то действительно есть весомые основания считать, что он вносит ощутимый вклад в мировую науку. Но нет оснований констатировать, что учёные, не преуспевшие по подобным показателям, вклада в неё не вносят. Делать выводы об их низкой продуктивности, а тем более — начислять им зарплату в соответствии с этими показателями, означает исказить достаточно очевидный (но, к сожалению, не для всех) логический смысл последних.

Социально-психологические факторы научного цитирования

В последнее время всё чаще акцентируются негативные последствия *манипулятивного использования* показателей научного цитирования, что порождает не слишком честные стратегии целенаправленного повышения подобных показателей [9].

Достаточно изучены и механизмы обретения известности в мировой науке. Упрощённое отношение к ней предполагает рассмотрение этих механизмов исключительно в *когнитивной плоскости*. Дескать, учёный создаёт новое научное знание, которое тут же становится известным его коллегам во всем мире, и он обретает заслуженное признание. Такое действительно случается, причём не всегда предполагает публикации именно в англо-американских научных журналах,

а, например, публикации в Интернет, как в случае Г.Перельмана. Однако гораздо чаще, особенно в социогуманитарных науках, бывает по-другому: обретение учёным мировой известности предполагает различные социально-психологические механизмы, в том числе и механизмы *«социализации» самого произведённого им научного знания* [15].

Представляют интерес и данные о том, что сейчас примерно четверть своих статей российские авторы публикуют в соавторстве с зарубежными коллегами, причём такие совместные статьи цитируются намного чаще, чем индивидуальные статьи российских авторов [9]. Но ещё более любопытно наблюдение о том, что инициатива в публикации таких статей исходит от иностранцев, а ключевые идеи, на которых основаны статьи, — от наших соотечественников [Там же].

В целом же проживающие в России учёные имеют куда худшие шансы обретения известности в мировой науке, чем их коллеги, живущие в западных странах. К тому же действуют хорошо известные в социологии науки принцип «снежного кома», описанный Р.Мертонем «эффект Матфея» и т.п. В результате научные журналы предпочитают публиковать статьи хорошо известных авторов, обретение же известности предполагает не только научные заслуги учёного, но и различные социально-психологические механизмы.

Следует отдать должное и разнообразию *мотивов научного цитирования*, которые активно изучались ещё в 60-е гг. прошлого века. В этих исследованиях отчётливо обозначился так называемый школьный эффект — цитирование учёными преимущественно представителей своей научной школы, а также такие феномены, как «свой—чужой» («свой» — друзья, коллеги и т.д. — при прочем равенстве цитируются намного чаще), почти обязательное упоминание своего начальника, других лиц, которых, в силу политических соображений, нельзя не упомя-

нуть, и т.п. Яркие образцы в этом плане поставляла советская наука, где цитирование классиков марксизма-ленинизма и лидеров государства носило обязательный характер во всех науках, даже имевших к тем и другим весьма отдалённое отношение. Но в ней в экстремальном виде проявлялось то, что характерно для всей мировой науки, где за ссылками стоят не только признание научного вклада, но и самые различные социально-психологические и политические факторы. Следует учитывать и такой феномен, как *негативное цитирование*, упоминание авторов научных работ с целью их опровержения, а то и вообще довольно откровенного издевательства над ними.

Подчеркнём и то, что даже корпорация Thomson Scientific, являющаяся цитаделью распространения импакт-фактора и других подобных показателей, предостерегает от его неосторожного использования [16].

Один из наших, российских, способов освоения приходящих с Запада социальных нововведений состоит в том, что мы их сначала категорически отвергаем, а затем осваиваем, изменив до неузнаваемости, и начинаем воспринимать как свои.

Подобную траекторию проделало и отношение нашего научного сообщества к наукометрическим показателям научной продуктивности. Сначала мы их категорически отвергали, в посвящённых им дискуссиях постоянно акцентируя их вред для науки, что было вполне обоснованным. Однако в дальнейшем стадия *отвержения*, например, индекса Хирша, показывающего, сколько высокоцитируемых работ имеет учёный, сменилась стадией его *освоения*, многие наши учёные с увлечением занялись «накачиванием» своего Индекса и сопоставлением его с показателями коллег. Появилась даже соответствующая услуга, оказываемая некоторыми организациями и выражаемая объявлением: «Повышаем индекс Хирша».

При этом, как водится у нас, и первоначально высказывавшиеся аргументы про-

тив внедрения подобной практики оказались подзабытыми, и истинный смысл наукометрических показателей сейчас мало кого волнует, и практика их вычисления, а также форсирования оказалась далёкой от той, которая характерна для мировой науки.

Прежде всего, наши учёные «играют» в наш внутренний Хирш, вычисляемый в рамках Российского индекса научного цитирования — базы данных, причём далеко не полной, о публикациях и цитируемости отечественных учёных, а их соответствующий показатель в мировой науке не пользуется популярностью.

С наступлением *стадии освоения* наукометрических индексов произошло и изменение их содержания. До её начала внутренний индекс Хирша наших учёных был «девственным», а с её наступлением приобрёл «окультуренный» характер, теперь Индекс многих из них можно охарактеризовать как «искусственно выращенный». При этом так называемые китайские технологии его наращивания, такие как перекрёстное цитирование и др., у нас пока не приобрели широкого распространения, хотя тоже начинают внедряться. Активнее используется другая стратегия: ввиду существенной неполноты статистики РИНЦ наши учёные стремятся «улучшить» свою статистику, оказывая давление на его составителей, прикрепляя свои публикации и т.п. А в большинстве научно-образовательных организаций появились штатные повышатели наукометрических индексов, которые повышают их своим маститым коллегам — дабы улучшить показатели организации, если сами маститые коллеги не в состоянии это делать ввиду своей компьютерной безграмотности.

При этом равно урезанная для всех учёных выборочная картина, формируемая «девственными» показателями, подменяется искажённой картиной, отражающей разную активность в их повышении, в результате чего они утрачивают даже свой исходный, весьма сомнительный смысл.

Кроме того, в отечественной науке воспроизводится то, что характерно для мировой науки: значительная часть учёных тратит основные усилия не на подготовку новых публикаций, а на «разыгрывание» уже имеющихся. Можно предсказать и другие негативные последствия перехода нашего научного сообщества к активному освоению наукометрических показателей, в том числе «хиршемании», которые дадут о себе знать в ближайшем будущем.

Манипулятивные стратегии в современной российской науке: пример психологии

С целью оценки распространённости манипулятивных стратегий, позволяющих целенаправленно повышать индекс Хирша, мы разработали методику, которая может быть применена к различным дисциплинарным сообществам. Покажем, как это было сделано на примере отечественного психологического сообщества.

В основе методики лежит категория «хиршеобеспечивающие» публикации, т.е. те первые h публикаций учёного в перечне всех его работ, расположенных в порядке убывания количества ссылок на них, которые и образуют Индекс Хирша, равный h . Графически это понятие иллюстрируется на рис. 1.

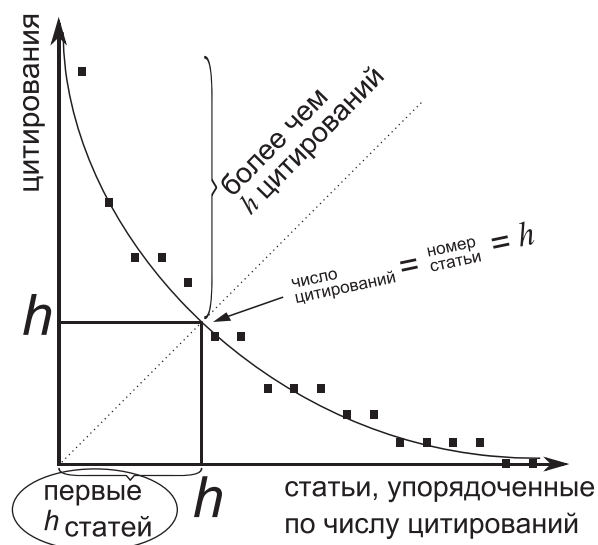

Рис. 1. Индекс Хирша и «хиршеобеспечивающие» публикации

С учётом характера искажения наукометрических показателей выделяются три группы искажений: зелёная, жёлтая и красная. В первую категорию попадают учёные с некоторой нетрадиционной спецификой публикационной активности, во вторую — исследователи с излишней степенью «коллективизма» научного труда, и, наконец, к третьей группе относятся психологи с признаками искусственного увеличения своих показателей. Цвет группы присваивается согласно самому серьёзному из нарушений (например, если учёный попал и в зелёную, и в красную группы, то он классифицируется в красную группу).

Психолог относится к зелёной группе, если:

- 1) доля самоцитирований в общем объёме цитирований превышает 40%;
- 2) доля цитирований соавторами в общем объёме цитирований превышает 70%;
- 3) доля таких трудов, как статистические сборники, словари, учебные пособия и т.п., в массиве «хиршеобеспечивающих» материалов превышает 50%.

Психолог относится к жёлтой группе, если:

- 1) доля трудов с 4 и более авторами в массиве «хиршеобеспечивающих» материалов превышает 70%;
- 2) в массиве «хиршеобеспечивающих» материалов присутствует менее 3 публикаций без соавторов, если индекс Хирша больше 30; менее 2 публикаций без соавторов, если индекс Хирша больше 15, но меньше 31; и менее 1 публикации без соавторов, если индекс Хирша меньше 15.

Психолог относится к красной группе, если:

- 1) присутствуют серии цитирований — как минимум на 2 работы автора (без соавторов) в перечне «хиршеобеспечивающих» материалов ссылаются не менее 3 раз из одного источника (одного выпуска журнала, сборника тезисов конференции). Для каждой из 2 работ автора источники ссылок могут различаться;

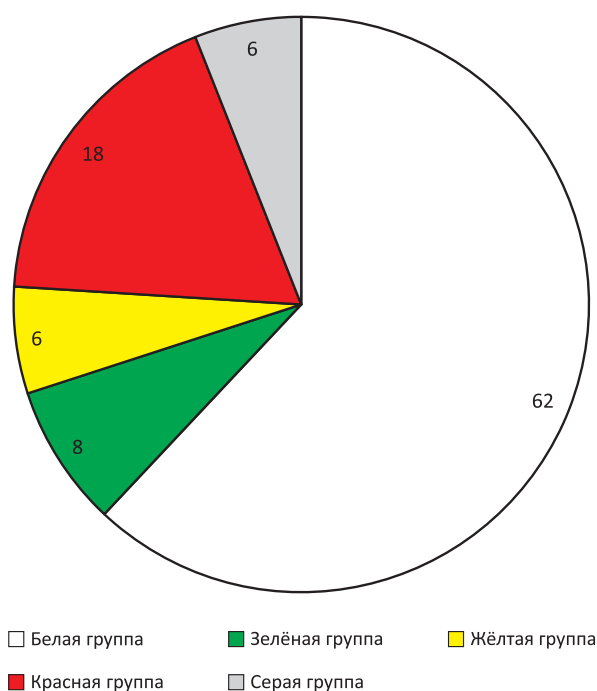

Рис. 2. Распределение первой сотни психологов по группам

2) доля публикаций в «сомнительном» журнале, не входящем в число ведущих психологических изданий, превышает 25%. К таким журналам относятся издания, имеющие систематические серии цитирований или не менее 12 выпусков за год со статьями небольшого объёма (3–5 страниц).

Исключаются из выборки (серая группа) учёные, в массиве «хиршеобеспечивающих» материалов которых присутствует не менее 20% публикаций в зарубежных и российских журналах непсихологического профиля. Например, психолог имеет ряд высокоцитируемых статей по медицине или геодезии. Как правило, это связано с ошибками в системе РИНЦ, вызванными некорректным переносом информации из зарубежных баз научных публикаций (игнорирование однофамильцев и полных тезок) или с несовпадением тематики высокоцитируемых работ автора с областью специализации, которую указывает в личном профиле сам автор.

Приведённые на рис. 2 данные позволяют судить о распространённости манипулятивных стратегий, которые дают возможность целенаправленно повышать индекс Хирша, в современном российском психологическом сообществе — 18 психологов из обследованной сотни имеют явные признаки недобросовестного повышения наукометрических показателей.

Более активное стимулирование публикационной активности в секторе высшего образования, по сравнению с академическими организациями, явно отразилось на распределении учёных по группам манипулирования (рис. 3). Симптоматично, что 30% психологов из вузов попали в красную группу.

Чёрные ромбы и линия тренда для красной группы на рис. 4 демонстрируют вполне рациональную стратегию «манипуляторов»: обеспечить максимальный индекс Хирша при минимальном количестве цитирований своих работ. Иными словами, акцент делается на достаточно равномерное повышение числа цитирований массива «хиршеобеспечивающих» публикаций.

Представленные данные свидетельствуют о том, что большинство отечественных психологов такие стратегии пока не используют, однако доля применяю-

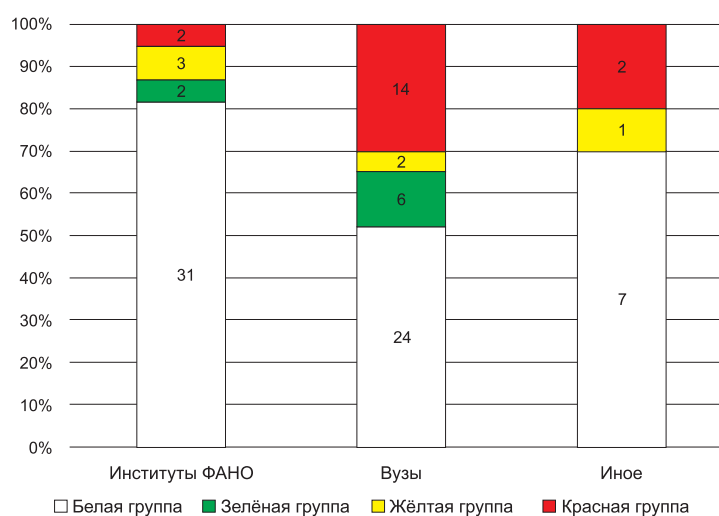

Рис. 3. Распределение первой сотни психологов по группам и типу организаций

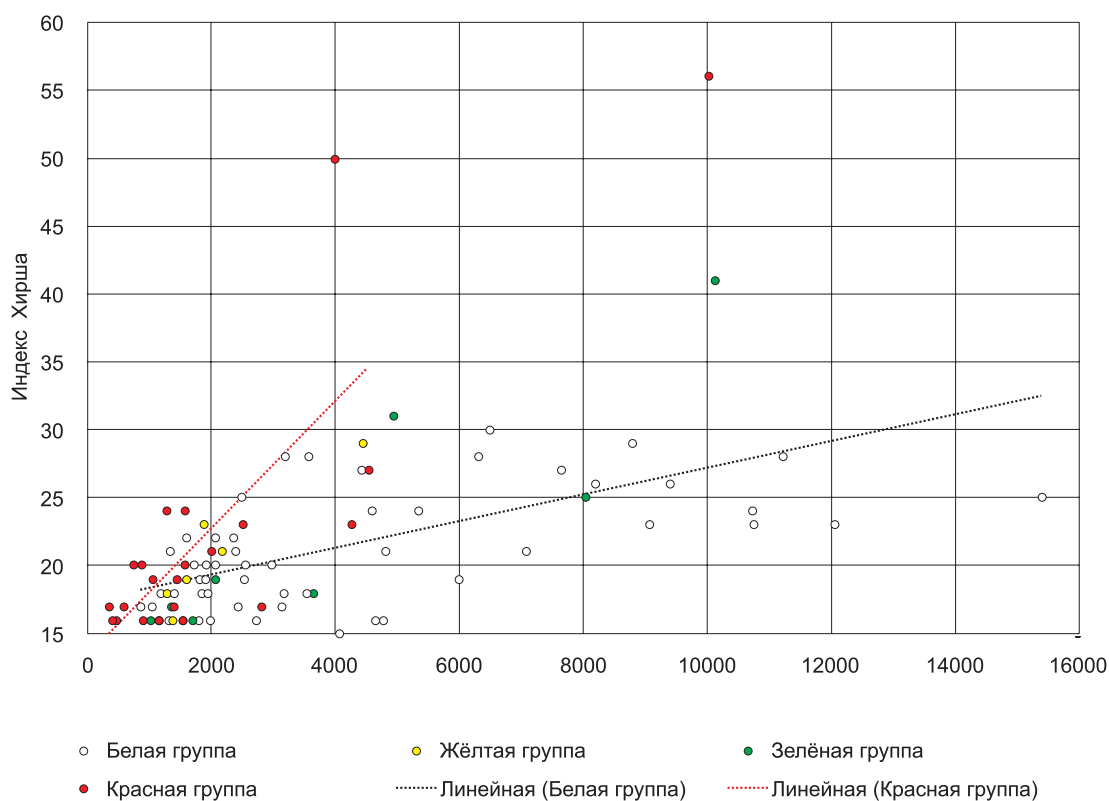

Рис. 4. Распределение первой сотни психологов по группам в координатах «Индекс Хирша — Число цитирований»

щих их всё же достаточно существенна и, по всей видимости, будет нарастать, если не будут приняты адекватные «антиманипулятивные» меры. Изучение психологического сообщества как «анализ отдельного случая» позволяет выявить тенденции, характерные для нашего научного

сообщества в целом. Эти тенденции демонстрируют нежелательность происходящего в связи с форсированным внедрением науковедческих показателей и целесообразность принятия специальных мер по нейтрализации его негативных последствий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gläser J., Laudel G. Governing Science // *European Journal of Sociology*. 2016. Vol. 57. P. 117–168.
2. Hicks D. Performance-based university research funding systems // *Research policy*. 2012. Vol. 41. № 2. P. 251–261.
3. Jonkers K. et al. Research Performance Based Funding Systems: a Comparative Assessment. Institute for Prospective Technological Studies, Joint Research Centre. 2016. № JRC101043.
4. Cattaneo M., Meoli M., Signori A. Performance-based funding and university research productivity: the moderating effect of university legitimacy // *The Journal of Technology Transfer*. 2016. Vol. 41. № 1. P. 85–104.
5. Vanecek J. The effect of performance-based research funding on output of R&D results in the Czech Republic // *Scientometrics*. 2014. Vol. 98. № 1. P. 657–681.
6. Carleschi E. Still 'publish or perish' under research funding policy // *University World News* 28.10.2016. URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20151023162804824>.

7. Good B., Vermeulen N., Tiefenthaler B., Arnold E. Counting quality? The Czech performance-based research funding system // *Research Evaluation*. 2015. Vol. 24. № 2. P. 91–105.
8. Юревич М.А. Предложения по повышению релевантности библиометрической оценки научной деятельности // *Наука. Инновации. Образование*. 2014. № 15. С. 119–130.
9. Иванова Е.А. Использование показателей публикационной активности учёных в практике управления наукой (обзор обсуждаемых проблем) // *Социология науки и технологий*. 2011. Т. 2. № 4. С. 61–72.
10. Савельева И.М., Полетаев А.В. Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным дисциплинам в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики. Препринт WP6 / 2009 / 02.
11. Маршакова-Шайкевич И.В. Научное сотрудничество России со странами ЕС: библиометрический анализ // *Вестник РАН*. 2010. Т. 80. № 2. С. 124–130.
12. Рогов С.М. Россия должна стать научной сверхдержавой // *Вестник РАН*. 2011. Т. 80. № 7. С. 579–590.
13. Романовский М.Ю. Публикационная активность организаций естественно-научного профиля в России и за рубежом // *Вестник РАН*. 2010. Т. 80. № 12. С. 1059–1063.
14. Гусев А.И. Российская наука и уральские учёные в зеркале цитирования // *Вестник Уральского отделения РАН*. 2009. № 4 (30). С. 50–59.
15. Юревич А.В. Социальная психология научной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
16. Игра в цыфирь, или как теперь оценивают труд учёного (сборник статей о библиометрике). М.: Изд-во МЦНМО, 2011.

ENGLISH

Enhancing bibliometric performance indicators of Russian scientists

Yurevich Andrey Vladislavovich is DSc in Psychology, associate member of the RAS, Deputy Director of the Psychology Institute under the auspices of the RAS, head of the project “Method of assessing the efficiency of social sciences and humanities” (14-03-00326a) owned by the Russian Foundation for Humanities.

E-mail: av.yurevich@mail.ru;

Yurevich Maksim Andreevich is junior research fellow of the Financial University under the Government of the Russian Federation, engaged researcher in the same project.

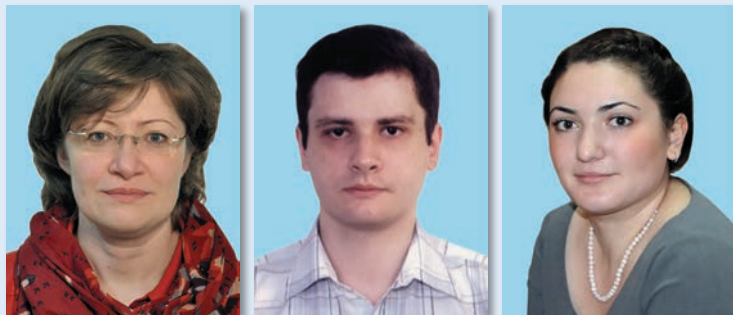
E-mail: maksjuve@gmail.com

The paper focuses on the modern practices of quantitative assessment of performance and contribution of the national science to the international science. The authors prove the inadequacy of these methods and significant influence of socio-psychological factors on those indexes. They demonstrate that enhancing bibliometric indicators gains momentum in the modern Russian science. The method developed by the authors helps to reveal manipulative strategies of boosting the Hirsch index. The provided data shows the expansion of these strategies in the modern Russian psychological community and in different types of academic organizations.

Keywords: contribution of the national science to the international one, quantitative indicators, citation index, Hirsch index, manipulative strategies, modern Russian scientific community, psychologists

REFERENCES

1. Gläser J., Laudel G. Governing Science // European Journal of Sociology. 2016. Vol. 57. P. 117–168.
2. Hicks D. Performance-based university research funding systems // Research policy. 2012. Vol. 41. № 2. P. 251–261.
3. Jonkers K. et al. Research Performance Based Funding Systems: a Comparative Assessment. Institute for Prospective Technological Studies, Joint Research Centre. 2016. № JRC101043.
4. Cattaneo M., Meoli M., Signori A. Performance-based funding and university research productivity: the moderating effect of university legitimacy // The Journal of Technology Transfer. 2016. Vol. 41. № 1. P. 85–104.
5. Vanecek J. The effect of performance-based research funding on output of R&D results in the Czech Republic // Scientometrics. 2014. Vol. 98. № 1. P. 657–681.
6. Carleschi E. Still 'publish or perish' under research funding policy // University World News 28.10.2016. URL: <http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20151023162804824>.
7. Good B., Vermeulen N., Tiefenthaler B., Arnold E. Counting quality? The Czech performance-based research funding system // Research Evaluation. 2015. Vol. 24. № 2. P. 91–105.
8. Yurevich M.A. Predlozheniya po povysheniyu relevantnosti bibliometricheskoy otsenki nauchnoj deyatel'nosti // Nauka. Innovatsii. Obrazovanie. 2014. № 15. S. 119–130.
9. Ivanova E.A. Ispol'zovanie pokazatelej publikatsionnoj aktivnosti uchyonykh v praktike upravleniya naukoy (obzor obsuzhdaemykh problem) // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2011. T. 2. № 4. S. 61–72.
10. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Publikatsii rossijskikh avtorov v zarubezhnykh zhurnalakh po obshchestvennym distsiplinam v 1993–2008 gg.: kolichestvennye pokazateli i kachestvennye kharakteristiki. Preprint WP6 / 2009 / 02.
11. Marshakova-Shajkevich I.V. Nauchnoe sotrudnichestvo Rossii so stranami ES: bibliometricheskij analiz // Vestnik RAN. 2010. T. 80. № 2. S. 124–130.
12. Rogov S.M. Rossiya dolzhna stat' nauchnoj sverkhderzhavoj // Vestnik RAN. 2011. T. 80. № 7. S. 579–590.
13. Romanovskij M.Yu. Publikatsionnaya aktivnost' organizatsij estestvenno-nauchnogo profilya v Rossii i za rubezhom // Vestnik RAN. 2010. T. 80. № 12. S. 1059–1063.
14. Gusev A.I. Rossijskaya nauka i ural'skie uchyonye v zerkale tsitirovaniya // Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN. 2009. № 4 (30). S. 50–59.
15. Yurevich A.V. Sotsial'naya psikhologiya nauchnoj deyatel'nosti. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2013.
16. Igra v tsyfir', ili kak teper' otsenivayut trud uchyonogo (sbornik statej o bibliometrike). M.: Izd-vo MTSNMO, 2011.

УДК 19:141.319.8:159.923.2
ГРНТИ 02.91.91

**Н.А. ДМИТРИЕВА,
М.В. ВОРОБЬЁВ,
К.Ю. МИРОНОВА***

Человек в истории и культуре: забытые страницы русского неокантианства

Долгие годы в исследованиях, посвящённых русской философии, игнорировались философско-антропологические вопросы, поставленные и разработанные в русском неокантианстве. Среди таких вопросов можно выделить два — центральных для этого философского течения. Во-первых, это проблема единства творчески деятельного и социально ответственного человека; во-вторых, проблема свободы, права и социального принуждения. Статья посвящена экспликации и особенностям анализа этих проблем в работах русских неокантианцев. Для решения этих задач впервые введены в научный оборот малоизвестные тексты из редких изданий, а также до сих пор не публиковавшиеся тексты из российских и зарубежных архивов. Особое внимание уделено материалам мемуарного характера и эпистолярному наследию русских неокантианцев как наиболее релевантным источникам для реконструкции историко-идейного контекста постановки проблемы человека в русском неокантианстве.

Ключевые слова: русское неокантианство, человек, творческая деятельность, свобода, история, интересубъективность, право, архив

В отечественных историко-философских исследованиях укрепились репутация неокантианства вообще и русского неокантианства в частности как философского направления,

преимущественно ориентированного на естественные науки и сфокусированного на проблемах эпистемологии. Эта установка долгие годы порождала невнимание к философско-антропологическому

* **Дмитриева Нина Анатольевна** — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, научный директор Академии Кантианы Балтийского федерального университета им. И. Канта, руководитель проекта «Человек в истории и культуре: философско-антропологические и философско-исторические концепции русского неокантианства» (14-03-00831а).
E-mail: na.dmitrieva@mpgu.edu

Воробьёв Максим Викторович — независимый исследователь, исполнитель того же проекта.
E-mail: maxim22176@yandex.ru

Миронова Кристина Юрьевна — кандидат философских наук, преподаватель Саратовского областного колледжа искусств, исполнитель того же проекта.
E-mail: ovk-kristina@yandex.ru

ческим вопросам, имевшим в этом философском течении далеко не второстепенное значение: ими во многом был обусловлен «антропологический поворот» в философии первой трети XX в., сыгравший заметную роль как в российской, так и в европейской культуре.

Обоснование последнего тезиса затруднено тем обстоятельством, что развитие неокантианства в России было остановлено внешними, в первую очередь политическими, а не внутринаучными (в силу, например, истощенности теоретических проблем или исследовательских подходов) причинами. Это привело к тому, что содержание основных идей данного философского направления оказалось практически забыто следующими поколениями, а многие неокантианские тексты либо исчезли из научного оборота, либо остались неопубликованными, либо до сих пор воспринимаются вне обусловившего их контекста, что неизбежно влечёт за собой проблемы интерпретации.

Между тем возвращение текстов русских неокантианцев в научный актуалитет, их внимательное прочтение и воссоздание контекста их возникновения дают немало доказательств современной значимости неокантианских идей, способных придать новый оригинальный импульс дальнейшему развитию методологии гуманитарного познания, философской антропологии, философии истории, а также раскрыть неожиданные исследовательские возможности в анализе и решении проблем российского общества и отечественной науки. В числе этих проблем можно выделить две, с очевидностью релевантные исследованиям русского неокантианства: во-первых, это проблема единства творчески деятельного и социально ответственного человека; во-вторых, это проблема свободы, права и социального принуждения. Данная статья посвящена особенностям экспликации и анализа этих проблем в работах русских неокантианцев.

Рефлексия о человеке: философско-антропологический аспект

Несмотря на то, что именно русские неокантианцы, как нам представляется, первыми поставили вопрос о единстве человека в его погруженности в историю и культуру, первоначальными источниками их идей были всё-таки философские системы их немецких учителей. И наиболее значимое влияние на формирование концепций человека в русском неокантианстве оказали идеи главы Марбургской школы Г.Когена. Вместе с тем его русские ученики О.П.Бук, Г.Э.Ланц, Б.Л.Пастернак, Я.И.Гордин или С.Л.Рубинштейн не стали лишь его верными последователями и тонкими интерпретаторами. В своих работах они так или иначе раздвинули рамки его философской системы путём обращения к разным интеллектуальным традициям: толстовству (Бук, Пастернак), русской и еврейской религиозной философии (Гордин), философии ценностей (Ланц), гегельянству и марксизму (С.Рубинштейн).

Наиболее оригинальной можно считать концепцию Я.И.Гордина, названную им «антроподицеей» [1]. Гордин помещает проблему «оправдания» человека в широкий интеллектуальный контекст, образуемый идеями русской религиозной философии, немецкой классической философии и неокантианства, а также западно-европейской и еврейской мистики (каббалы). Гордин сопоставляет концепции антроподицеи у Г.Когена и В.С.Соловьёва и находит их сходство в том, что оправдание человека возможно только как оправдание человечества, а не персональности, как настаивал Н.А.Бердяев. Одновременно Гордин использует соловьёвское понятие всеединства и бердяевское понятие творчества, чтобы «исправить» когеновскую концепцию человека и обосновать вклад конкретной личности в оправдание человечества [2].

Гординское понимание особенностей творчества культуры человеком находит своё выражение и в его концепции исто-

рии, что отражено в его тексте «Максимум или идея конца» (Alliance Israélite Universelle — далее AIU, France. AP 13. Boîte 4, n. 99. 1922 г.). Гордин показывает невозможность мыслить человека в рамках, задаваемых категорией конечности. Творчество, с которым он связывает самосознание и самоформирование человека, возможно только при максимальном духовном усилии личности, направленном на достижение идеала, принципиально недостижимого. Эта недостижимость идеала, с одной стороны, обуславливает трагичность человеческого существования, но с другой — позволяет рассматривать человека и его деяния с точки зрения вечности. Осмыслению этого парадокса посвящён текст о проблеме современности (AIU France. AP 13. Boîte 4, n. 99. 1923 г.), которую Гордин понимает как момент перехода от будущего к прошлому — именно так, по-когеновски, т.е. в направлении, «обратном» привычному течению времени.

Увлечение Гордина в эмиграции философией Оскара Гольдберга, чья философская группа в Берлине объединяла выдающихся интеллектуалов того времени — Б.Брехта, В.Беньямина, Т.Манна, Э.Мюзыма, Э.Унгера и др., обусловило его переход с позиций неокантианства на позиции, близкие философии жизни и раннего экзистенциализма. Вместе с тем, как ни странно, это увлечение ещё более утвердило его в традиции русского философствования, восходящего к В.С.Соловьёву и В.В.Розанову, что нашло отражение в сохранившемся в парижском архиве тексте под условным названием «Курс философии» (AIU France. AP 13. Boîte 4, n. 136), который, соотнеся некоторые указания в тексте и биографические факты, можно датировать осенью 1944 г. [3].

Творческую активность как сущностную характеристику человека и принцип его существования положил в основание своих исследований и С.Л.Рубинштейн, один из любимых учеников Когена. Первая формулировка этого принципа обна-

руживается уже в его ранней, неопубликованной и утраченной книге «О законах логики и основах теории знания», фрагмент которой был опубликован в виде статьи в 1922 г. под заголовком «Принцип творческой самодеятельности. К философским основам современной педагогики». Теперь эту статью исследователи признают важным отправным пунктом в формировании у Рубинштейна собственной философской концепции человека [4].

В посмертно опубликованной рукописи книги «Человек и мир» Рубинштейн, подытоживая труд всей своей жизни, по сути возвращается к проблеме человека, рассматривая её уже не только в психологическом аспекте, но возводя на уровень всестороннего философского осмысления и полемизируя с современными ему подходами к человеку, представленными в экзистенциализме и философской антропологии. В своей полемике он, плодотворно используя понятийный и методологический аппараты К.Маркса и Г.В.Ф.Гегеля, одновременно актуализирует целый ряд когеновских проблем и моделей, не называя, однако, их автора (видимо, из соображений самоцензуры) и трансформируя их в соответствии с собственной исследовательской логикой. Это проблема интересубъективного характера самосознания и модель взаимоотношения «я» и «другого», проблема соотношения единичного «я» и всеобщего «я», этики и политики, осмысление этики как особой науки, венчающей все другие науки о человеке, а именно — как «онтологии человеческой жизни», темы трагизма человеческой жизни и любви человека к человеку...

Согласно собственному признанию Рубинштейна, в основании его трактовки самосознания лежит гегелевская концепция самосознания, или «я». Следуя за Гегелем, он признаёт, что в самосознании действительно речь идёт о двух «я», но удвоения сознания при этом не происходит. Рубинштейн, подобно Когену,

различает всеобщее «я», которое свойственно каждому конкретному «я», и единичное (конкретное, частное) «я», которое является объектом всеобщего «я». Однако всеобщее «я» у него — не какая-то особая реальность и не регулятивная идея единого человека, как у Когена, а «родовое свойство человека». В связи с этим Рубинштейн обращается к тезису Гегеля об опосредствующем отношении «я» к «другому» («иному») и модифицирует его, как представляется, при помощи когеновской модели интерсубъективности. Несмотря на то, что единичное значение конкретного «я» включает в себя всеобщее «я», единичное конкретное «я» не может быть определено через его отношение к этой всеобщности, а лишь через его отношение к другому «я». При этом Рубинштейн исходит из одинаково изначально, реципрокного отношения конкретных «я», из их взаимной детерминации. Основание для такого решения этой проблемы он видит в положении о том, что «я» «проявляется в действиях», а значит, и «в отношении к другим людям» и определяется «отношением ко мне другого». Эта модель интерсубъективности становится тем теоретическим основанием, на котором Рубинштейн выстраивает этику как «онтологию человеческой жизни».

В концепции Рубинштейна человек понимается, с одной стороны, как «часть бытия», имеющая две основных способности — осознавать мир и самого себя и действовать, изменяя наличное бытие на основе осознанного, «бесконечно выходя за пределы» этого бытия. С другой стороны, человек предстаёт здесь «как единичное существо, сохраняющее свою единичность и поднимающееся до всеобщности» [5]. Подобное восхождение эмпирического субъекта от единичности индивида к всеобщности человека рассматривается и у Когена [6]. Однако интерпретация этого процесса Рубинштейном, пожалуй, ближе к той, что предложил другой русский неокантионец, Э.Г.Ланц, выделив такие ступени мораль-

ной «эволюции» человека, как «социальная ступень» с господствующим на ней «этническим поведением» и «человеческая ступень» с господствующим «этическим поведением» [7].

Важное отличие модели, предлагаемой Рубинштейном, от когеновской и ланцевской в том, что чисто «биологической» стадии в развитии индивида, согласно Рубинштейну, не существует. Для него индивид *всегда* представляет собой некое сочетание социально-исторической и природной характеристик. Только на первом этапе развития человеческого отношения к жизни нравственность предстаёт, согласно Рубинштейну, как «естественное состояние»: её образуют нравы и обычаи, которыми регулируются отношения между людьми, а предметом осмысления являются конкретные отношения, но не жизнь в целом. На этом этапе человек полностью поглощён самим процессом жизни.

Второй тип в развитии отношения к жизни Рубинштейн связывает с появлением у человека рефлексии по отношению к жизни в целом, возникновением у него как бы мысленной дистанции к ней и, как следствие, возможности для «построения нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе». Именно с появлением у человека такого типа рефлексии собственно и начинается его восхождение к всеобщности, что преломляется в целом спектре внешних и внутренних условий его человечности, выступающих одновременно как требования, предъявляемые человечеством к индивиду.

Философско-правовой аспект рефлексии о человеке

В рефлексии о человеке в русском неокантианстве значительное место занимают философско-правовые исследования (в этих исследованиях традиционно фигурирует понятие личности, интерпретируемое синонимично понятию человека). Это обусловлено не только исто-

рическим контекстом постановки самой проблемы человека, но и её внутренним содержанием — поиском целостного понятия единства человека и условий человечности.

Одним из наиболее релевантных в этом отношении авторов в русском неокантианстве оказывается С.И. Гессен. Личность, с его точки зрения, — это темперамент (природная составляющая), «отчеканенный» творческим волевым усилием и дисциплиной в стремлении к выполнению сверхличных задач. Стремление к выполнению сверхличных задач не означает отказ от индивидуальности, напротив, считает Гессен, личность проявляется и формируется именно через творческое действие, которое направленно вовне на разрешение задач, что стоят перед всеми. Творческое функционирование личности определяется и обеспечивается её вторым элементом — свободой. Вторым этот элемент можно считать только исторически, поскольку без человека как природного существа с его темпераментом личность появиться не может. Но именно свобода делает человеческое существо личностью. Оформление темперамента в личность происходит при посредстве взаимообусловленных действий, в результате чего личность приобретает историческое измерение [8].

Как только личность в какой-то мере оформилась, её, согласно Гессену, невозможно уничтожить, но можно унижить воздействием извне, она может беднеть или, наоборот, усложняться и обогащаться в зависимости от тех целей-задач, которые ставит перед человеком его собственная личность, уровень развития которой определяется степенью реализации в нём свободы. Свобода — явление, уникальное в том смысле, что она выступает и как некоторое качественное отношение человека к миру, которое выражается в действии и отличается от произвола тем, что обретается в процессе творческого акта самоактуализации, и как цель человеческого существования, а значит —

и всего общественного устройства. Отсюда в концепции Гессена появляется требование гарантии этой свободы.

Вместе с тем свобода оказывается и сущностной чертой человека-личности, поскольку без неё нет человека как нравственного существа. В этом Гессен вполне единодушен с другими русскими неокантианцами — прежде всего с О.П. Буком и Я.И. Гординым, согласно которым «человек *должен* быть свободен — или *не должен* быть» [9]. Но в отличие от них, близких по своим политическим взглядам анархизму, Гессен видел гарантию свободы личности не в самой личности, а в государстве и праве. Следуя традиции разведения понятий государства и права, Гессен был убеждён, что полноценное развитие личности возможно только в формах правового государства, когда некоторая область личной свободы признаётся закрытой для государственного вмешательства. Вместе с тем Гессен выявляет двойственную природу права, которая выражается в том, что, с одной стороны, оно устанавливается для того, чтобы обеспечить интересы власти в вопросе управления жизнью общества, с другой же — право обращено к высшим духовным ценностям.

Призвание права, по Гессену, заключается в «спиритуализации» социального бытия людей, постепенном приближении его к духовно-культурной общности. В вечно текучем бытии непосредственной социальности для человека всегда таится опасность утратить сознание значимости самоактуализации своей личности. Полной осознанности действий, мотивов и их конечных целей человек может достичь только тогда, когда получает возможность выйти из обусловленности социальностью, подобно тому, как он когда-то вышел из природной обусловленности. Именно благодаря праву рождается возможность того, чтобы человек стал необходимой предпосылкой общества в не меньшей степени, в какой он сам является его производной, полагал Гессен

в своём позднем, утраченном в огне Варшавского восстания произведении «Упадок и возрождение демократии», основные мысли которого передаёт А.Валицкий [10], польский ученик Гессена.

В определённом смысле Гессен в своей философско-правовой концепции додумал до конца идею, заложенную в проекте «государства будущего», который начал разрабатывать его старший друг, правовед-неокантианец Б.А.Кистяковский. «Государство будущего» не только подразумевает определённое понимание человека, которому гарантируются права и свободы гражданина, но и эксплицирует условия существования понятного таким образом человека — в государстве, осуществляющем социальную справедливость. При этом Кистяковский подчёркивает ненасильственный, «эволюционный» переход от буржуазного правового государства к подлинно правовому — социалистическому [11].

Проблема социального насилия, которая неизбежно вырастает из философско-правовой рефлексии о человеке, была исследована целым рядом русских неокантианцев: П.И.Новгородцевым, Б.П.Вышеславцевым, Б.А.Кистяковским, С.И.Гессеном и А.Л.Саккетти. Можно выявить две основные, находящиеся во внутренней взаимосвязи линии осмысления этой проблемы. Суть первой заключается в выделении главенствующей роли права в деле нормализации общественных отношений на ненасильственной основе. В рамках второй признаётся и обосновывается значимость социально-педагогической работы. Обе линии, однако, восходят к этической и правовой позиции И.Канта.

В своих работах русские неокантианцы затрагивают три вида насилия: правовое принуждение — здесь неокантианцы обсуждают вопросы гарантий правомерности принуждения и его условий; внеправовое (революционное) насилие, по отношению к которому неокантианцы занимают критическую позицию; и внешнеполитическое насилие (война) — в этом отношении

формулируется установка на преодоление. Главный путь в устранении негативных последствий социальных антагонизмов, имеющихся в человеческом обществе, русские неокантианцы видят в реализации правового идеала, воплощаемого в правовом государстве, что сопоставимо с кантовской позицией [12].

Архив русского неокантианства

Для адекватного осмысления научного содержания и исторического контекста формирования философско-антропологических и философско-исторических концепций русского неокантианства чрезвычайно значимость получают архивные разыскания, позволяющие выявить ранее не известные теоретические тексты, а также тексты мемуарного и эпистолярного характера. Последние незаменимы для восстановления не только идейного, но и личностного контекста формирования и развития исследуемой проблематики. Подтверждением этому служат, например, воспоминания Н.Н.Алексеева, написанные в эмиграции и обнаруженные в библиотеке ИНИОН, а также сохранившиеся фрагменты воспоминаний Г.О.Гордона, переданные наследниками в Отдел рукописей ГМИИ им. А.С.Пушкина. Вместе с тем для продуктивного и исторически обоснованного включения этих ценнейших текстов в научный оборот требуется проведение комплексных архивных исследований, которые позволили бы восстановить упоминаемые в мемуарах имена, прояснить события, в том числе интеллектуальные, откорректировать возможные ошибки памяти. В частности, такую корректировку вносят найденные в берлинских архивах документы О.П.Бука в воспоминания Алексеева, а письма Гордона к разным лицам, обнаруженные в архиве «Мемориала», существенно дополняют его мемуарные тексты.

Особая глава в философском творчестве Гордона принадлежит, конечно, его двум «Введениям» — в философию и в философию истории, предназначен-

ным для детей — изначально для его дочерей [13]. Этот опыт популяризации философии и историософии важен не только для понимания эпохи 1930-х гг. в СССР, но и для осмысления экзистенциального опыта заключённого в сталинском лагере, ведь Гордон написал оба текста в конце 1930-х гг., т.е. в то время, когда он, осуждённый на 5 лет лагерей, отбывал срок под Угличем.

Воспоминание и литературный труд как способ выживания человека в нечеловеческих условиях отсылают исследователя к самому яркому проявлению этого феномена — к творчеству В.Т.Шаламова. И хотя невозможно сопоставить эти две фигуры — их судьбы и творчество, конечно, несоизмеримы по своему масштабу и значению для мировой культуры, но великий пример Шаламова, как представляется, даёт необходимый ключ к пониманию особенностей мемуарных и научно-популярных текстов Гордона.

Архивы России, Германии, Франции, Израиля и США хранят обширный материал по интеллектуальной истории русского неокантианства — неизвестные философские тексты А.З.Штейнберга, Д.М.Койгена, Г.Д.Гурвича, В.П.Вышеславцева, Я.И.Гордина, Г.О.Гордона, Б.А.Фохта, Н.Н.Алексеева, Н.С.Каплана, Я.С.Клейна, их письма и мемуары... [14]. Объём сохранённого не позволяет надеяться, что удастся собрать, обработать и опубликовать эти тексты в относительно короткий срок, однако даёт основание и перспективы для дальнейших плодотворных исследований русского неокантианства.

Заключение

Выявленные в архивах, обнаруженные в редких изданиях или заново прочитанные тексты русских неокантианцев дают уникальный материал для осмыс-

ления появления, развития и трансформации неокантианских концепций человека в 1910–1950-е гг. При всём разнообразии сформировавшихся в русском неокантианстве концепций у них есть то общее, что одновременно сближает их между собой и отличает от учения главы Марбургской школы Г. Когена, следы влияния которого прослеживаются даже в концепциях русских приверженцев баденского неокантианства (например, у Г.Э.Ланца, А.З.Штейнберга). Наиболее важное отличие — это отказ ориентировать этику на правоведение, утверждение её самостоятельного статуса на основании признания этической характеристики человека частью его сущности. Что касается права, то его участие в формировании человека или игнорируется (С.Л.Рубинштейн, О.П.Бук), или же оно получает статус посредника между государством, обществом и человеком (С.И.Гессен).

Кроме того, в концепциях русских неокантианцев наличествует более явный, чем у Когена, акцент на понимание человека как реального, уникального индивида, которого невозможно свести к некоей обобщённо-теоретической модели. Процесс восхождения индивида к человечеству они связывают с личностной плодотворной деятельностью, с личным творчеством, с непосредственным «культуротворением», которое в контексте человеческой истории может мыслиться только как бесконечное. С творческой деятельностью у русских неокантианцев необходимо сопрягается свобода как внутренний признак человека и как внешнее условие человеческого существования. Такое комплексно артикулированное в русском неокантианстве понятие человека — ценное наследие для мультикультурального пространства современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dmitrieva N. Hermann Cohens Konzept der Anthropodizee in der Sicht Jacob Gordins // Kantovsky Sbornik: Kant Studies Journal. Калининград: Immanuel Kant Baltic Federal University Press, 2015. P. 78–86. DOI: 10.5922/0207-6918-2015-3-7.
2. Гордин Я.И. Антроподицея («только доклад») (публик. и примеч. Н.А. Дмитриевой) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 3 (5). С. 115–146.
3. Дмитриева Н.А. На перепутье традиций: Неокантианская антроподицея Якова Гордина. Часть вторая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 3 (5). С. 99–114.
4. Лекторский В.А. Немецкое неокантианство в контексте российской гуманитарной мысли: С.Л. Рубинштейн // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / Под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М., 2010. С. 197–208.
5. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М., 1973. С. 255–386.
6. Cohen H. Ethik des reinen Willens (1907) // Cohen H. Werke. Hrsg. von Hermann-Cohen-Archiv am Philosophischen Seminar der Universität Zürich unter der Leitung von Helmut Holzhey. Bd. 7. Introduction by Steven S. Schwarzschild. Hildesheim; N. Y., 1981. S. 7–8, 189.
7. Lanz H. In quest of morals. Stanford; London, 1941. P. 137–140.
8. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.
9. Buek O. Leo Tolstoi // Kampf. Zeitschrift für gesunden Menschenverstand. Berlin. Jg. 2. Nr. 19, 24. Februar 1905. S. 539–543 (541).
10. Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 546–548.
11. Воробьев М.В. Проект «государства будущего» Б.А. Кистяковского как синтез идей либерализма и социализма // Кантовский сборник. 2015. № 4 (54). С. 82–91. DOI: 10.5922/0207-6918-2015-4-6.
12. Воробьев М.В. Проблема социального насилия в философии русских неокантианцев // Философия и культура. 2016. № 8 (104). С. 1099–1106. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.8.20166.
13. Миронова К.Ю. Гавриил Осипович Гордон в воспоминаниях своих детей // Кантовский сборник. 2010. № 1 (31). С. 59–65. DOI: 10.5922/0207-6918-2010-1-6.
14. Дмитриева Н.А. Значение зарубежных архивов для исследований истории русской философии (на примере русского неокантианства) // Русское научное наследие за рубежом России: Материалы научной конференции 24–25 октября 2013 г. / Отв. ред. С.И. Михайлович. Брянск, 2013. С. 191–199.

ENGLISH

Man in History and Culture: Forgotten Pages of Russian Neo-Kantianism

Dmitrieva Nina Anatolyevna is DSc in Philosophy, Professor of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, and Scientific Director of Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, head of the project “Man in History and Culture: Philosophical-Anthropological and Philosophical-Historical Concepts of Russian Neo-Kantianism” (14-03-00831a)

E-mail: na.dmitrieva@mpgu.edu

Vorobyov Maxim Viktorovich is independent researcher engaged in the same project.

E-mail: maxim22176@yandex.ru

Mironova Christina Yuryevna is PhD, lecturer at Saratov Regional College of Arts, researcher in the same project.

E-mail: ovk-kristina@yandex.ru

The research dedicated to the Russian philosophy has long ignored the philosophical-anthropological issues raised by the Russian Neo-Kantianism. These include two most pivotal issues for this philosophical movement. The first one is a problem of accord between creatively active and socially responsible aspects of man; the second issue is a problem of freedom, law and social compulsion. The paper focuses on explication and distinctive characteristics of the identified problems in the works of Russian Neo-Kantianists. To solve designated tasks, little-known texts from rare editions and previously unpublished texts from Russian and foreign archives were used. Special attention was given to the memoir and epistolary legacy of Russian Neo-Kantianists as the most relevant source for the reconstruction of historical and conceptual context of the issue of man in the Russian Neo-Kantianism.

Keywords: Russian Neo-Kantianism, man, creative activity, freedom, history, intersubjectivity, right, archive

REFERENCES

1. Dmitrieva N. Hermann Cohens Konzept der Anthropodizee in der Sicht Jacob Gordins // Kantovsky Sbornik: Kant Studies Journal. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Press, 2015. P. 78–86. DOI: 10.5922/0207-6918-2015-3-7.
2. Gordin Ya.I. Antropoditseya («tol'ko doklad») (publik. i primech. N.A. Dmitrievoy) // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie». 2016. № 3 (5). S. 115–146.
3. Dmitrieva N.A. Na pereput'e traditsij: Neokantianskaya antropoditseya Yakova Gordina. CHast' vtoraya // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie». 2016. № 3 (5). S. 99–114.
4. Lektorskiy V.A. Nemetskoe neokantianstvo v kontekste rossijskoj gumanitarnoj mysli: S.L. Rubinshtejn // Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriej poznaniya i kritikoj kul'tury / Pod red. I.N. Griftsovoj, N.A. Dmitrievoy. M., 2010. S. 197–208.
5. Rubinshtejn S.L. Chelovek i mir // Rubinshtejn S.L. Problemy obshchej psikhologii / Otv. red. E.V. Shorokhova. M., 1973. S. 255–386.
6. Cohen H. Ethik des reinen Willens (1907) // Cohen H. Werke. Hrsg. von Hermann-Cohen-Archiv am Philosophischen Seminar der Universität Zürich unter der Leitung von Helmut Holzhey. Bd. 7. Introduction by Steven S. Schwarzschild. Hildesheim; N. Y., 1981. S. 7–8, 189.
7. Lanz H. In quest of morals. Stanford; London, 1941. P. 137–140.
8. Gessen S.I. Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu. M., 1995.
9. Buek O. Leo Tolstoi // Kampf. Zeitschrift für gesunden Menschenverstand. Berlin. Jg. 2. Nr. 19, 24. Februar 1905. S. 539–543 (541).
10. Valitskiy A. Filosofiya prava russkogo liberalizma. M., 2012. S. 546–548.
11. Vorob'yov M.V. Proekt «gosudarstva budushchego» B.A. Kistyakovskogo kak sintez idej liberalizma i sotsializma // Kantovskij sbornik. 2015. № 4 (54). S. 82–91. DOI: 10.5922/0207-6918-2015-4-6.
12. Vorob'yov M.V. Problema sotsial'nogo nasiliya v filosofii russkikh neokantiantsev // Filosofiya i kul'tura. 2016. № 8 (104). S. 1099–1106. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.8.20166.
13. Mironova K.Yu. Gavriil Osipovich Gordon v vospominaniyakh svoikh detej // Kantovskij sbornik. 2010. № 1 (31). S. 59–65. DOI: 10.5922/0207-6918-2010-1-6.
14. Dmitrieva N.A. Znachenie zarubezhnykh arkhivov dlya issledovaniy istorii russkoj filosofii (na primere russkogo neokantianstva) // Russkoe nauchnoe nasledie za rubezhami Rossii: Materialy nauchnoj konferentsii 24–25 oktyabrya 2013 g. / Otv. red. S.I. Mikhajlovich. Bryansk, 2013. S. 191–199.

В.К. ЛЕВАШОВ*

УДК 316.4.063.3
ГРНТИ 04.21.51

Российское общество: реформы и кризисы

В статье рассматриваются результаты либеральных реформ в России и особенности экономических кризисов за последнюю четверть века. Высказывается авторская точка зрения на сущность, природу и социальную эффективность проводимых преобразований. Приводится хронология, описываются социальные механизмы и движущие силы кризисных явлений, которые происходили в российском обществе на протяжении последних 20 с лишним лет. На основе данных социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» раскрывается отношение граждан к внутренней политике российского государства.

Ключевые слова: устойчивое развитие общества, гражданское общество, социальные риски, либеральные реформы, экономические кризисы, социологический мониторинг

*Честность в политике есть результат силы,
лицемерие — результат слабости.*

В.И. Ленин

*Мы свободная нация. И наше место в современном мире,
хочу это особо подчеркнуть, будет определяться лишь тем,
насколько сильными и успешными мы будем.*

В.В. Путин

За прошедшие с начала реформ 30 с лишним лет в нашей стране совокупность вызвавших их проблем не потеряла социальной остроты и политической злободневности, особенно в области определения и реализации стратегических целей развития уже

постсоветской России. В 1985 г. перестройка стала общим названием реформ и новой идеологии советского руководства для обозначения фундаментальных изменений в экономическом базисе и политической надстройке государства. Точкой отсчёта послужил апрельский

* **Левашов Виктор Константинович** — доктор социологических наук, руководитель Центра стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), руководитель проекта «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг» (14-03-00687а).
E-mail: analytic@ispr.ras.ru, levachov@mail.ru

пленум ЦК КПСС, который объявил программу широких реформ под лозунгом «ускорения социально-экономического развития страны». Природа этих изменений имела объективный характер. «...С начала 70-х годов мы всё больше отстаём от развитых стран. А падение темпов роста осложняет ситуацию в экономике, социальной сфере, решение оборонных задач... Привлечение новых природных ресурсов севера Сибири, Дальнего Востока становится всё более трудным. Обострились демографические проблемы. СССР явно отстаёт от развитых стран в сфере научно-технического прогресса» [1]. Стратегически перестройка диктовалась необходимостью перехода от автаркической к открытой рыночной форме экономических отношений, отказа от мобилизационной модели социально-политического развития на тех направлениях, где это позволяли сделать стратегические интересы страны, развития гражданского общества и правового государства.

Такое видение проблем разделяли и неоднократно высказывали свои тревоги по поводу торможения технического прогресса и обновления экономических отношений многие отечественные учёные. Академик Г.И. Марчук, заместитель Председателя Совета Министров СССР и председатель Государственного комитета по науке и технике, позднее в своих мемуарах напишет: «Но, как это часто бывает, темпы проведения в жизнь решений оказались более медленными, чем предполагалось, а инерция старого «затратного» механизма оказалась слишком сильной. Постепенно начала складываться идея о том, что сделать сдвиг в научно-техническом прогрессе, а следовательно в экономике, можно только включив в этот процесс всех людей страны, то есть нужны политические преобразования, которые действительно захватили бы весь народ» [2].

В конечном итоге научная и управленческая работа по поиску и внедрению в жизнь новых рыночных форм экономических отношений, повышению трудо-

вой мотивации и на этой основе устойчивости второй на планете экономики была заменена на слепое внедрение модели либерального периферийного развития, что и привело к разрушению целых отраслей промышленности и аграрно-промышленного комплекса страны.

После 1991 г., по мере того как эти практики всё чаще приводили к отрицательным эффектам в экономике и социуме, у сторонников либеральных методов сложилось убеждение, что в стратегическом плане доставшаяся им в управление социалистическая экономика и государство не реформируемы. Провалы неолиберальных планов всё дальше уводили их от интересов общества и порождали тревогу ответственности. В среде сторонников радикальных либералов вызрело убеждение в необходимости зачистить всю систему социально-политических отношений, снести политическую надстройку и систему общественных идеалов, которые выстраивались не одно десятилетие на фундаменте российского исторического опыта, традиций и ценностей, и построить либеральное общество западного образца. Три десятка лет прошло под знаком неолиберальных реформ в постоянной череде социально-экономических и политических кризисов, каждый из которых являлся результатом не столько экономической конъюнктуры, сколько системных просчётов и неадекватных действий руководства страны. Уроки реформ и кризисов становятся научно значимыми в новых геополитических условиях развития страны.

Кризис 1991–1992 гг. был спровоцирован развалом СССР и макроэкономической политикой правительства Гайдара. К началу 1992 г. усилиями реформаторов практически полностью были разрушены система государственного планирования и снабжения, потребительский рынок и финансово-банковская система. Возникла угроза финансового краха и нарушения процессов формирования государственного бюджета. В результате галопирую-

щей инфляции производители перестали отгружать продукцию покупателям. Соотношение государственных и рыночных цен установилось на уровне 1 : 50. По сути дела, во всех звеньях хозяйственного механизма были созданы условия и инициированы предпосылки для саботажа и искусственной закупорки каналов товарно-денежного обращения. И тогда, и сейчас сторонники радикальных либеральных реформ приводят аргументы о «крахе советской экономики», наступлении «угрозы голода» и «экономическом коллапсе».

На самом деле, как писал академик О.Т.Богомолов, первые месяцы реформы Е.Гайдар вооружил пропаганду несколькими экономическими мифами, служившими оправданием его политики. «Один из них он не устал повторять на протяжении ряда лет. Новое правительство-де унаследовало полностью разрушенную и разграбленную экономику, в магазинах хоть шаром покати, от золотого запаса практически остались крохи. Внешторгбанк — банкрот, валютных резервов нет, проели даже часть стратегических запасов. И только предпринятые радикальные реформы спасли страну и позволили избежать голода. Если гайдаровское правительство пришло на развалины экономики, то как объяснить, что при неуклонно продолжающемся дальнейшем спаде производства, особенно в сельском хозяйстве, лёгкой и пищевой промышленности, удалось накормить страну и удержать её на плаву? Ответ может быть только один — либо за счёт огромных заимствований на Западе, либо в результате проедания несметных природных и других богатств, доставшихся реформаторам в наследство от предшествующего режима. И то, и другое имело место, и именно за счёт этого, а не шоковых реформ, удалось выжить» [3].

Программа реформ разрабатывалась в сотрудничестве с экспертами Международного валютного фонда (МВФ) и западными экономистами. Главные идеи гайдаровской программы экономических реформ сводились к следующим мерам:

- дерегулированию экономики, розничной торговли и внешнеэкономической деятельности;
- стабилизации финансов и денежной системы, укреплению рубля;
- приватизации, развитию предпринимательства и рыночного хозяйства;
- структурной перестройке экономики, её демилитаризации, интеграции в мировое хозяйство;
- созданию конкурентной рыночной среды для снижения издержек и цен.

Однако ни одной созидательной задачи Гайдару и его правительству в полной мере решить не удалось. Сломав систему плановой экономики, они не смогли обеспечить запуск новой модели хозяйствования, допустили ряд серьёзных системных ошибок:

- цена экономических реформ оказалась непомерно велика, произошло значительное снижение жизненного уровня населения, усилился спад производства;
- активно разрушался научно-технический потенциал страны, начались процессы деиндустриализации экономики;
- не удалось достичь макроэкономической стабилизации и социально-политической консолидации государства и общества;
- цинично переступив через интересы общества, Гайдар разрушил на многие годы вперёд социальную базу реформ и доверие населения к политике государства;
- радикальные демократы своими действиями создали ситуацию неуправляемости в экономике, не сумели направить реформу в последовательное русло системных преобразований;
- произошло частичное разрушение ВПК и ослабление обороноспособности страны;
- созданная банковская система не смогла обеспечить эффективную кредитную политику в стране и поставила отечественную экономику в зависимость от миро-

вой экономической конъюнктуры и банковской системы США;

- жёсткая налоговая политика серьёзно ослабила стимулы к развитию предпринимательства, образовалась тенденция к вывозу российского капитала за границу и сдерживанию иностранных инвестиций в экономику страны;
- было недооценено значение развития малого и среднего бизнеса; его появлению на свет сопутствовали неоправданные бюрократические, налоговые и иные ограничения;
- правительство не достигло успеха в борьбе с преступностью в стране, допустив разгул коррупции, создание организованной преступности.

Системные просчёты гайдаровско-ельцинских неолиберальных реформ затормозили развитие государства и общества на многие годы, их последствия ощущаются до сих пор. Они не позволяли эффективно реагировать на вызовы и угрозы современного мира и являлись причинами всех последующих политических и экономических кризисов.

Кризис 1992–1993 гг. — первый и наиболее тяжёлый, глубокий политический кризис постсоветской России. Это был общий конституционный кризис власти. Политическая элита России раскололась на два лагеря. Президент и его сторонники выступали за сильную президентскую республику. Концентрация власти в руках президента, по их мнению, должна была обеспечить необратимость реформ в России. Сторонники Верховного Совета полагали, что Россия должна стать парламентской республикой. Масштабы и сложность предстоящих реформ, по их мнению, требовали от общества установления эффективного парламентского контроля за их ходом. Кризис власти подогревался негативными результатами «шоковой терапии». Пиком кризиса стали события октября 1993 г., когда конфликт между сторонами закончился по приказу Б.Н. Ельцина танковым расстрелом Съезда народных депутатов и Верховного

Совета. Новая Конституция РФ зафиксировала ликвидацию советской политической системы и придала государственному устройству России форму президентской республики, при одновременной минимизации идеологических функций государства и демократических практик на местах.

Кризис 1994 г. был вызван допущенными неолиберальным Правительством России ошибками при формировании валютного рынка, которые привели страну к обвалу рубля 11 октября. Одной из первых жертв финансового кризиса, помимо российского рубля, стала отечественная банковская система. Небольшие кредитные организации, занимавшиеся валютно-обменными операциями, разорились из-за резких скачков курса валют. Не оказал должной поддержки банковскому сектору и Центральный банк, сосредоточивший в те месяцы внимание на покрытии дефицита государственного бюджета. Основным виновником обвала рубля было признано тогдашнее руководство Центробанка во главе с его председателем Виктором Геращенко, который был вынужден уйти в отставку.

Кризис 1995 г. спровоцировали события октября 1994 г. Крупные банковские структуры стали неохотно выдавать кредиты своим более мелким банкам, опасаясь их ненадёжности в условиях экономической нестабильности. В результате на рынке межбанковского кредитования возник так называемый эффект домино. Один банк не заплатил другому, в связи с чем тот не смог вернуть долг третьему, и так далее. В результате возникло недоверие, а следом за ним — паника среди клиентов, что побудило многих срочно изымать средства из банков. 24 августа 1995 г. обвал рынка межбанковских кредитов стал реальностью. Это событие стало одним из крупнейших потрясений российского финансового рынка. Кризис повлёк за собой волну массовых банкротств коммерческих банков в стране.

Кризис 1998 г. произошёл на фоне тяжёлой экономической ситуации в стране, усугублявшейся неэффективной макроэкономической политикой, которую проводили власти в середине 1990-х гг. Жёсткая денежная политика сочеталась с мягкой бюджетной политикой. Толчок к возникновению кризиса дали два внешних фактора: резкое снижение мировых цен на товары топливно-энергетического комплекса и кризис в Юго-Восточной Азии, вспыхнувший в середине 1997 г. 17 августа 1998 г. Правительство РФ объявило технический дефолт по основным видам государственных долговых обязательств. Курс рубля упал за полгода в три с половиной раза — с 6 до 21 рубля за доллар, что подорвало доверие населения и иностранных инвесторов к российским банкам и государству, а также к национальной валюте. Разорилось большое количество малых предприятий. Вкладчики разорившихся банков потеряли вклады, сбережения населения обесценились в пересчёте на твёрдую валюту, упал уровень жизни, количество получающих пособие по безработице удвоилось. Одновременно произошёл политический кризис: вскоре после дефолта ушли в отставку премьер-министр Сергей Кириенко и глава ЦБ РФ Сергей Дубинин. Новым премьером был утверждён Евгений Примаков, а руководителем ЦБ — Виктор Геращенко.

Кризис 2008 г. начался так же, как ипотечный и финансово-экономический кризис в США, который впоследствии перерос в глобальную рецессию экономики. Возникновение кризиса связывают с общей цикличностью экономического развития, «перегревом» кредитного рынка и высокими ценами на нефть. За два года кризиса сгорели крупнейшие инвестиционные банки со столетней историей. Bank of America поглотил Merrill Lynch, а Solomon Brothers и Morgan Stanley изменили свой статус: инвестиционная деятельность была заменена на коммерческую. Жертвами кризиса среди россий-

ских банков в сентябре 2008 г. стали «КИТ Финанс» и Связь-банк. Банк ВТБ и ряд других российских банков получили господдержку. Кризис быстро перекинулся в реальный сектор экономики. Капитализация российских компаний снизилась за сентябрь-ноябрь 2008 г. на три четверти; золотовалютные резервы сократились на 25%. Финансовый кризис снизил доверие населения к банкам и привёл к оттоку вкладов.

Кризис 2014–2016 гг. вызван резким спадом мировых цен на энергоресурсы, продажа которых составляет значительную часть в доходах бюджета России, а также введением санкций в отношении России в связи с событиями в Крыму и на востоке Украины. К концу 2013 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин признал, что в экономике наступила стагнация. После 33 лет реформ российская экономика опять столкнулась с системными сбоями в своём развитии, а страна начала испытывать симптомы старой болезни «холодной войны»: падение темпов промышленного производства, недобросовестная конкуренция на внешних рынках, политика санкций, изоляции и открытой дискриминации.

И хотя зарубежные и отечественные аналитики отмечают постоянный, 10-летний рост экономики России, сопоставление индексов производства по видам экономической деятельности, в котором объёмы производства в дореформенном 1991 г. приняты за 100%, проведённое на основе источников Федеральной службы государственной статистики, показывает уже не столь оптимистическую картину динамики объёмов добычи полезных ископаемых и промышленного производства по отраслям.

Статистические данные показывают, что в последние годы наша страна медленно наращивает темпы добычи полезных ископаемых, производства продукции промышленности и сельского хозяйства. За 2000–2008 гг. существенно возрос внешнеторговый оборот и улуч-

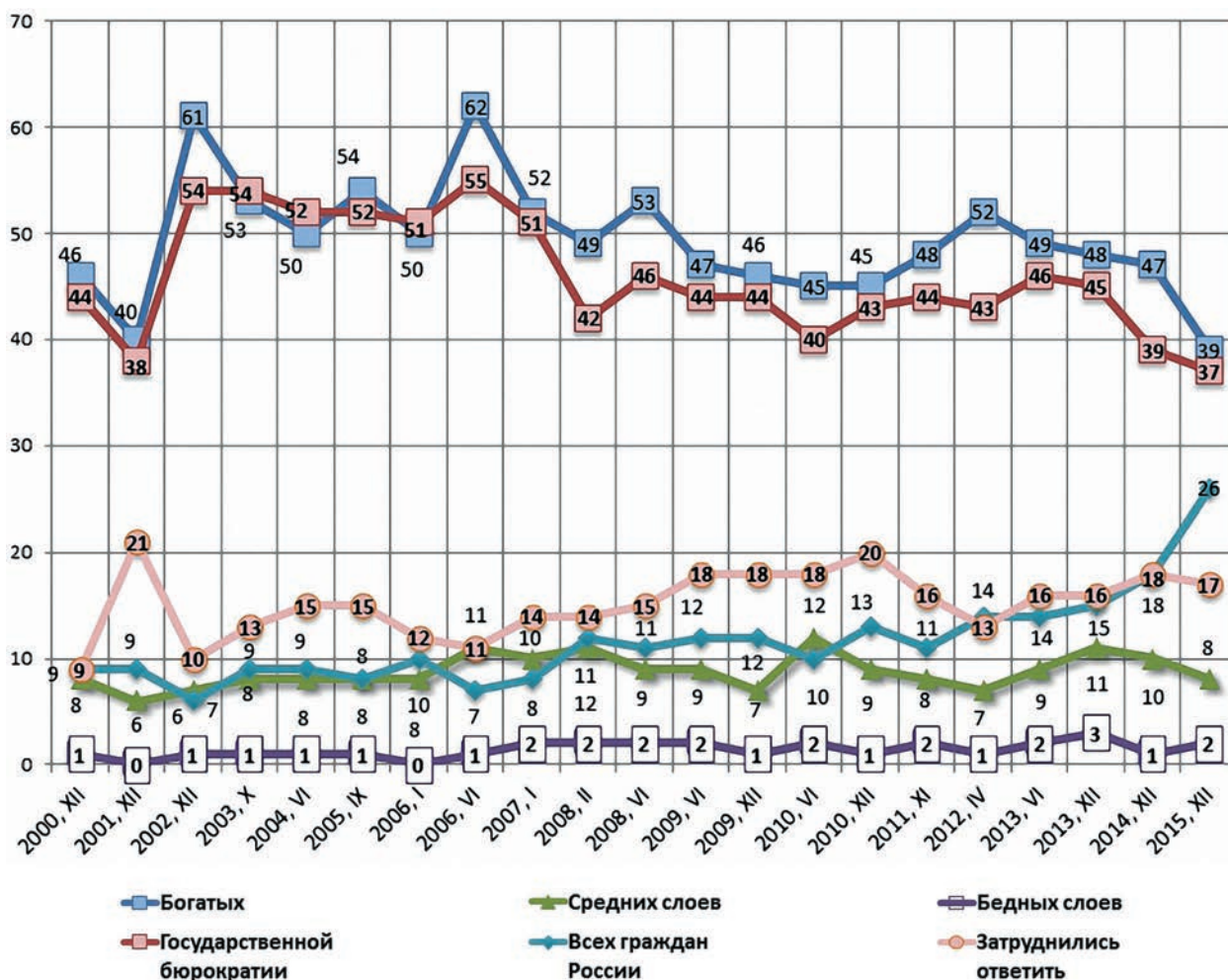

Рис. Распределение ответов на вопрос «Чьи интересы, по Вашему мнению, выражает и защищает сегодня российское государство?» (РФ, % от числа опрошенных)

Примечание: сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

шилось сальдо внешнеторгового баланса. Но по остальным показателям промышленного и сельскохозяйственного производства Россия в 2008 г. ещё не «дотянулась» до уровня 1990 г., по некоторым позициям — в разы. Судя по данным социальной статистики и результатам опросов общественного мнения, благоприятная конъюнктура цен на углеводороды в «тучные годы» экономики вряд ли кардинально изменила качество жизни всех российских граждан и улучшила положение общества. Большая часть населения России живёт в весьма скромном достатке, граничащем с нуждой. Разрыв

в денежных доходах между децильными группами «богатых» и «бедных» растёт и становится критически опасным в условиях обострения системного кризиса (рис.). Такие результаты экономической политики не могут не сказываться на отношениях между обществом и государством [4].

Российское гражданское общество по-прежнему не видит в лице государства последовательного защитника своих интересов. В декабре 2015 г. 39% россиян считали, что государство защищает в первую очередь интересы богатых. По мнению 37% граждан, государство выражает

интересы государственной бюрократии, 26% респондентов убеждены в защите государством интересов всех граждан России, 8% — средних слоёв. Затруднились ответить 17% россиян. Начиная с ноября 2011 г. наблюдалась тенденция роста данного показателя. Число россиян, считавших, что «российское государство выражает и защищает интересы государственной бюрократии», с декабря 2013 г. снизилось с 46 до 37%, а «богатых» — с 49 до 39%.

Показательно, что распределение ответов на этот вопрос зеркально повторяет структуру мнения общества о том, кто выиграл от гайдаровской приватизации. По мнению общества, власть и собственность сосредоточились в руках бюрокра-

тов, богатых и криминала. Умалчивать или стараться не замечать эту ситуацию вряд ли политически продуктивно. Вопросы праведно и неправедно нажитой собственности лежат в фундаменте исторического сознания российского общества. Для социально и классово детерминированного общества, в котором мы живём, они являются неизбежными и определяющими всю систему общественных отношений. Обойти и забыть о них не удавалось никому.

Назрела настоятельная необходимость продуманно консолидировать страну на основе растущих интересов массового гражданского общества и возможностей развитого правового государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горбачёв М.С. Наедине с собой. М.: Грин Стрит, 2012. С. 419–420.
2. Марчук Г.И. Встречи и размышления. М.: Мир, 1995. С. 81.
3. Богомолов О.Т. Шоковые терапевты российской экономики — от Гайдара до... // Новая газета. 2000. № 72 от 2 октября.
4. В тексте приводятся данные Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 г. (рук. — В.К. Левашов). В исследовании использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, образования и местожительства. В основу территориального размещения выборки легло экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорции численности населения и пропорций между городским и сельским населением. Объём выборочной совокупности на различных этапах составлял 1312–1866 респондентов. Эмпирическим объектом исследования выступало взрослое население России.

ENGLISH

Russian society: reforms and crises

Levashov Viktor Konstantinovich is DSc in Sociology, head of the Center for Strategic Social and Socio-Political Research, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, head of the project “Development of Civil Society and Democracy Institutions in Russia: Sociological Monitoring” (14-03-00687a).

E-mail: analytic@ispr.ras.ru, levachov@mail.ru

The paper focuses on the outcomes of liberal reforms in Russia and the peculiarities of economic crises that took place in the last quarter of the century. The author explains the nature and social effectiveness of the reforms. The paper features the dates, describes social mechanisms and drivers of the crisis phenomena that occurred in the Russian society over

the last 20 years. Using the insights from the sociological monitoring (poll named “How do you live, Russia?”), the paper explores the attitude of citizens to the internal policy of the Russian government.

Keywords: sustainable development of society, civil society, social risks, liberal reforms, economic crises, sociological monitoring

REFERENCES

1. Gorbachyov M.S. Naedine s soboj. M.: Grin Strit, 2012. S. 419–420.
2. Marchuk G.I. Vstrechi i razmyshleniya. M.: Mir, 1995. S. 81.
3. Bogomolov O.T. Shokovye terapii rossijskoj ekonomiki – ot Gajdara do... // Novaya gazeta. 2000. № 72 ot 2 oktyabrya.
4. V tekste privodyatsya dannye Tsentra strategicheskikh sotsial'nykh i sotsial'no-politicheskikh issledovanij ISPI RAN s 1992 g. (ruk. – V.K. Levashov). V issledovanii ispol'zovana kvotno-proporcional'naya vserossijskaya vyborka s vzaimozavisimymi kharakteristikami general'noj sovokupnosti: pola, vozrasta, obrazovaniya i mestozhitel'stva. V osnovu territorial'nogo razmeshcheniya vyborki leglo ekonomiko-geograficheskoe rajonirovanie strany pri soblyudenii proporcii chislennosti naseleniya i proporcij mezhdud gorodskim i sel'skim naseleniem. Ob"yom vyborochnoj sovokupnosti na razlichnykh etapakh sostavlyal 1312–1866 respondentov. Empiricheskim ob"ektom issledovaniya vystupalo vzrosloe naselenie Rossii.

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1
ГРНТИ 17.09.91

С.Н. ГУСКОВ*

И.А. Гончаров — газетчик. Неизвестный текст автора «Обломова»?

Важность служебной карьеры для характеристики Ивана Александровича Гончарова отметили ещё его современники (И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский и др.), но до сих пор эта сторона жизни писателя недостаточно изучена. Статья посвящена деятельности Гончарова на посту главного редактора газеты Министерства внутренних дел «Северная почта» в 1862–1863 гг. Этот самый публичный этап гончаровской карьеры остаётся одним из наименее изученных. Впервые в научный оборот вводится текст программного «Объявления об издании “Северной почты” на 1863 год», в составлении которого, возможно, принимал участие автор «Обломова». Важным обстоятельством, свидетельствующим в пользу его авторства, является близость некоторых положений «Объявления...» содержанию записки Гончарова «О способах издания “Северной почты”». Исследуемый материал также свидетельствует о взаимосвязи служебной карьеры и творческого пути Гончарова, в это же время работавшего над романом «Обрыв».

Ключевые слова: газета «Северная почта», государственная служба, чиновник, редактор, творчество, русская литература XIX в., творческая история, атрибуция, газета, роман, «Обрыв»

Широко известны отзывы русских писателей и критиков об Иване Александровиче Гончарове (1812–1891), в которых он характеризуется как чиновник. Причём не в служебно-функциональном, разумеется, контексте, а с точки зрения нравственной и творческой. Так, по воспоминаниям А.Я. Панаевой, после публика-

ции в 1847 г. «Обыкновенной истории» «Тургенев объявил, что он со всех сторон “штудировал” Гончарова и пришёл к заключению, что он в душе чиновник, что его кругозор ограничивается мелкими интересами <...> Такой человек далеко не пойдёт! Посмотрите, что он застрянет на первом своём произведении» [1, с. 182].

* **Гуськов Сергей Николаевич** — кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, руководитель проекта «Гончаров писатель и чиновник» (15-04-00264а).
E-mail: sgouskov@gmail.com

Рис 1. Иван Александрович Гончаров в 1860-х гг.
Литография Бореля

Несмотря на то, что прогноз не оправдался, И.С.Тургенев и позже от своей характеристики не отступил. После выхода в свет первой части «Обрыва» мысль о чиновничьем мировоззрении Гончарова он высказал в письме к П.В.Анненкову от 12 (24) января 1869 г.: «Это написано чиновником для чиновников и чиновниц. <...> Самый слог, которым я некогда восхищался, представляется мне каким-то гладко выбритым, благообразно мертвенным чиновничьим лицом с бакенбардами, ниточкой вытянутыми от ушей к углам губ» [2, с. 127], а также в написанном в тот же день письме об «Обрыве» к И.П.Борисову: «...вся эта старенькая чиновничья литература очень отдаёт фальшью» (2, с. 128).

Ещё более известен отзыв Ф.М.Достоевского в письме А.Е.Врангелю от 9 ноября 1856 г.: «Джентльмен <...> с душою чиновника, без идей и с глазами варёной рыбы, которого бог будто на смех одарил талантом» [3, с. 244]. К этому можно добавить отзыв из пись-

ма П.В.Анненкова к И.С.Тургеневу про способность Гончарова управлять департаментом [4, с. 85] и целую россыпь похожих оценок, данных критиками творчества Гончарова, в особенности его романа «Обрыв».

Понятно, что многие из приведённых и упомянутых суждений субъективно-оценочны, но всё же следует признать, что «чиновность» Гончарова и современниками, и исследователями признана существенной особенностью его характеристики. Между тем служебная биография писателя исследована совершенно недостаточно. Относительно хорошо изучены только служба Гончарова секретарём у адмирала Путятина, цензорский период, а также служба в Совете министра по делам книгопечатания и в Совете Главного управления по делам печати. Исследования, посвящённые службе Гончарова в канцелярии симбирского губернатора и в Департаменте внешней торговли Министерства финансов в 1830–1840-х гг., — немногочисленны. Что же касается корреляции между службой и творчеством Гончарова, то она по-настоящему до сих пор не отрефлектирована.

Как ни странно, одним из самых плохо изученных этапов гончаровской чиновничьей карьеры можно считать самый публичный, а именно 1862–1863 гг. — время службы Гончарова в должности главного редактора правительственной газеты «Северная почта». В общих работах это время практически не рассматривается, статьи — единичны. Между тем газетный опыт Гончарова довольно своеобразен и имеет, как представляется, некоторое отношение и к его творческой биографии.

Должность редактора правительственной газеты Гончаров получил относительно случайно, эта карьерная ступень в общем не следовала из общей логики его продвижения по службе. Трудившийся на посту цензора с 1855 г., Гончаров в 1860 г. был очень близок к тому, что-

бы занять место председателя Санкт-Петербургского цензурного комитета, но не был высочайше утверждён и немедленно подал в отставку. На должность редактора Гончарова пригласил министр внутренних дел П.А.Валуев, не поладивший с прежним редактором А.В.Никитенко.

Впрочем, в получении должности редактора была другая логика. За всю свою многолетнюю служебную карьеру (а длилась она, как известно, более тридцати лет: с 1835 г. по 1867 г. с небольшим перерывом в 1861–1862 гг.) Гончаров почти всегда занимал должности так сказать писательские, т.е. основной его служебной функцией было создание разнообразных записок, циркуляров, докладов и т.п. официальных текстов. Этим он занимался и когда был переводчиком в Департаменте внешней торговли, секретарём Е.В.Пулятина в морском походе к берегам Японии, а также цензором, а позднее — членом Совета по делам печати [5, с. 176–178].

На посту главного редактора Гончаров занимался обширной административной деятельностью, вёл служебную переписку, но, очевидно, писал и для газеты. Однако «анонимный характер выступлений Гончарова <...> слабая изученность документально-источниковедческой основы его творчества затрудняли их идентификацию» [6, с. 261].

Программным текстом Гончарова-газетчика считается опубликованная ещё в 1958 г. И.Ф. Ковалёвым записка Гончарова министру внутренних дел П.А.Валуеву «О способах издания “Северной почты”». Однако это текст служебный, не предназначавшийся для печати. Собственно же из опубликованного в газете была атрибутирована писателю только небольшая анонимная заметка в номере от 27 января 1863 г. [6, с. 261]. Без аргументации высказывал предположения о принадлежности Гончарову некоторых текстов в «Северной почте» Ж.Трофимов (см.: Мономах. 2009. № 2 (57). С. 18–20).

Публикуемое в настоящей статье «Объявление об издании “Северной почты”<...>

на 1863 год» с изложением от лица редакции направления и программы издания было впервые напечатано в «Северной почте» 3 октября 1862 г., а позднее публиковалось и в других изданиях: 24 октября в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 231), а 1 ноября — в «Московских ведомостях» (№ 238), а также в «Прибавлениях к Московским ведомостям» от 18 ноября и др.

И.А.Гончаров был назначен главным редактором 29 сентября 1862 г. [7, с. 123]. Впрочем, о предполагаемом назначении он узнал ещё в июле [8, с. 313], а со своим будущим начальником Валуевым встретился 20 сентября [9, с. 232]. Таким образом, к моменту первой публикации объявления он уже официально возглавлял редакцию «Северной почты».

Впрочем, объявление было составлено несколько ранее. 28 сентября, т.е. через восемь дней после встречи с Гончаровым, Валуев пишет письмо Тройницкому, в котором упоминает программу издания на 1863 г.: «Посылаю при сем проект объ-

Рис 2. Первый редактор «Северной почты»
Александр Васильевич Никитенко

Рис 3. Первый подписанный Гончаровым номер «Северной почты» от 5 октября 1862 г.

явления с моими заметками» [9, с. 232]. Из письма неясно, кто собственно составлял это объявление, а по сути — программу «Северной почты» на 1863 г.

Как представляется, существуют аргументы, позволяющие говорить о причастности Гончарова к составлению «Объявления...».

При просмотре столичных газет за сентябрь–декабрь 1862 г. обращает на себя внимание, что подписная кампания «Северной почты» началась позднее, чем на другие периодические издания, которые, в основном, опубликовали свои программы на будущий год ещё в сентябре. Возможно, столь поздний старт «Северной почты» был вызван неопределённостью с главным редактором. После ушедшего ещё летом в отставку А.В.Никитенко обязанности главного редактора исполнял Н.В.Варадинов, который прекрасно осознавал свой временный статус. О том, что возглавить редакцию будет предложено Гончарову, стало известно ещё летом. Дело было только за личной встречей Валуева и Гончарова, которая откладывалась до конца сентября из-за отсутствия ми-

нистра в Петербурге [10, с. 352]. Логично предположить, что программа была составлена уже после личной встречи Гончарова и Валуева, т.е. в период с 20 по 28 сентября. Участвовал ли в её составлении Гончаров? Вероятно, да, поскольку именно он должен был эту программу реализовать. Возможно, Гончаров был не единственным автором этого текста, но трудно предположить, что составление программы произошло совсем без его участия.

О вероятном участии Гончарова в написании текста говорит и то, что некоторые тезисы «Объявления...» совпадают или перекликаются с положениями гончаровской записки «О способах издания «Северной почты»», датированной ноябрём того же года [11, с. 141].

В частности, преподнесённый в «Объявлении...» как очевидное преимущество доступ газеты к достоверным источникам информации («Редакция «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ», состоя при министерстве внутренних дел, в департаментах которого сосредоточиваются самые полные и разнообразные сведения о всём, что происходит в Империи, имеет под руками

запас, неистощимый для знакомства с Россией, основательного, непристрастного и неодностороннего») соответствует высказанной в записке Гончарова идее о необходимости «передачи дел и сведений из министерства во всеобщее сведение» [11, с. 137]. Более того, публикацию материалов МВД в газете следует считать достижением и заслугой именно Гончарова. В записке «О способах издания “Северной почты”» он выражал опасение, «что это предположение встретит <...> практические неудобства, что оно неосуществимо, что этого домогались бывший некогда редактором «Журнала министерства внутренних дел» Надеждин, потом предместник мой А.В. Никитенко, но что все их усилия встретили непреодолимую оппозицию в равнодушии самого министерства к делу публичности» [11, с. 139].

Анонсируемая в тексте «Объявления...» безусловная достоверность сообщаемых фактов («Редакция <...> намерена придерживаться строгой истины»; «редакция <...> обещает верное <...> и беспристрастное изложение <...> явлений нашей внутренней жизни») — вроде бы вещь сама собой разумеющаяся (не могла же редакция пообещать подписчикам бессовестно лгать). Но в записке Гончарова «О способах издания “Северной почты”» именно вопрос о достоверности сообщаемых в официальной прессе сведений был обстоятельно рассмотрен; «умышленное искажение фактов» и «вызывающее улыбку умалчивание событий, часто совершавшихся у всех на глазах» [11, с. 138] названы систематическими «ошибками, подрывающими доверие публики к <...> газетам» [11, с. 137]. Поэтому и эти фрагменты «Объявления...» могут рассматриваться в качестве маркеров участия Гончарова в составлении текста.

Вообще, при кажущейся самоочевидности образцов рекламной риторики следует понимать, что акценты разные редакторы расставляли по-разному. Так, почти годом ранее в программной статье «Об издании при Министерстве

внутренних дел газеты “Северная почта”» (№ 1 за 1862 г.), автором которой был А.В. Никитенко, цели издания формулировались чуть по-другому: «В настоящее время, при быстром развитии общественной деятельности во всех отраслях <...> обнаруживается потребность в усилении тех источников, из которых могут быть почерпнуты верные данные» [12, с. 1]. Тогда акцент был сделан на динамичном характере исторического момента и возможности оперативно на него реагировать, теперь же — на авторитетности источников информации.

Конечно, в «Объявлении...» есть положения, которые скорее всего были написаны кем-то другим. На них, в частности, обратили внимание в октябрьском номере «Отечественные записки», упрекнувшие «Северную почту» в том, что она «повторяет убеждения славянофилов» [13, с. 51]. Возможно, в написании программы участвовали другие сотрудники газеты, но Гончаров, вероятнее всего, имел к составлению текста прямое отношение. На это, помимо прочего, указывают и строки из его письма к Никитенко, приложенного к упомянутому номеру журнала: «Посылаю Вам Отеч<ественные> Зап<иски>, где в *Современной хронике* задета Почта, вы, я и многие другие» [14, с. 437].

Наконец, ещё один тезис «Объявления...» позволяет говорить не только о причастности Гончарова к составлению программы, но и о связи служебной и творческой деятельности писателя.

В «Объявлении...» сказано: «Большинство нашего читающего общества мало знакомо именно с Россией. Россия для многих и многих ещё, можно сказать, область неисследованная, а подобное незнание не может не отражаться вредно и в применении к жизни действительной». Для этого большинства и необходима газета МВД, предоставляющая информацию о жизни страны из первых рук. Это программное положение редакции «Северной почты» совпадает с одним из тезисов гон-

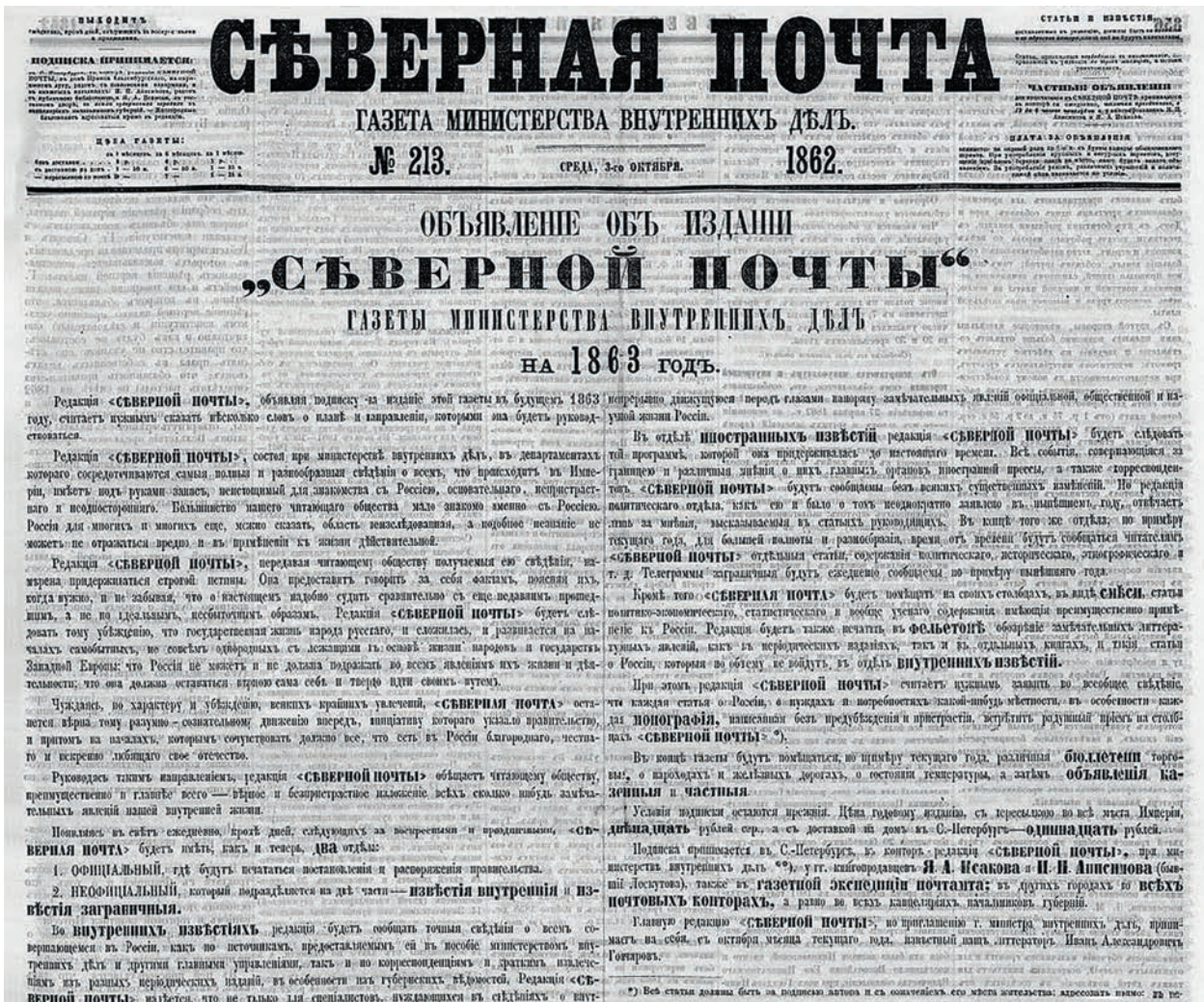

Рис 4. Объявление об издании «Северной почты» в 1863 году

чаровской записки «О способах издания «Северной почты»». Объясняя своё решение возглавить редакцию правительственной газеты, Гончаров помимо прочего отмечает, что хотел бы «удовлетворить собственному желанию — ознакомиться ближе, из верных официальных источников, с внутренней жизнью России» [11, с. 137] (курсив мой. — С.Г.).

Действительно, жизнь провинциальной России Гончарову была известна в основном по симбирским детско-юношеским впечатлениям. С 1830-х гг. круг его общения сначала московский — университетский, а затем петербургский — чиновничий и литературный, в 1850-х — офицерский и граничный, потом цензорский. И романы Гончарова «Обыкновенная история» и «Обломов» — романы петербургские.

Но в 1860-х гг. Гончаров интенсивно работает над романом «Обрыв», основное действие которого происходит в провинции. Поэтому стремление познакомиться с внутренней жизнью России можно оценивать как задачу в первую очередь писательскую, литературную; знать эту жизнь ему было необходимо, чтобы написать роман, а значит, одним из важных мотивов Гончарова, когда он, колеблясь, решал, соглашаться или нет на новое место службы, — был мотив творческий. В соответствии с этой задачей он заранее планировал скорректировать программу газеты, а именно «завести <...> постоянный отдел внутренних известий, но не тех только, которые почерпаются из губернских ведомостей и губернских донесений, о грабителях, бурях, случаях нечаянной

смерти и т.п., а обо всех замечательных, даже тёмных делах, о злоупотреблениях и мерах против них» [11, с. 138]. Намерение это, как видно из содержания газетных номеров, осуществилось. Впрочем, кратковременность пребывания Гончарова на посту редактора, очевидно, не позволила ему в полной мере познакомиться с «внутренней» (народной) жизнью, что он впоследствии и констатировал: «Описывать, притом ещё изображать художественно, типы и нравы крестьян могут те, кто жил среди них, непосредственно наблюдал их вблизи, рисовал их с натуры: тем и книги в руки. Я век свой провёл в городах <...> Внутрь России я заглядывал мало и ненадолго» [15, с. 317].

Степень участия Гончарова в создании публикуемого ниже текста могла быть различной. Нельзя исключать, что писатель был его автором, соавтором, редактором, вносил отдельные изменения. В любом случае публикуемый текст «Объявления...» отражает общие принципы деятельности Гончарова на посту главного редактора «Северной почты».

* * *

**ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ
СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ
ГАЗЕТЫ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
на 1863 год**

Редакция «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ», объявляя подписку на издание этой газеты в будущем 1863 году, считает нужным сказать несколько слов о плане и направлении, которыми она будет руководствоваться.

Редакция «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ», состоя при министерстве внутренних дел, в департаментах которого сосредоточиваются самые полные и разнообразные сведения о всем, что происходит в Империи, имеет под руками запас, неистощимый для знакомства

с Россией, основательного, непристрастного и неодностороннего. Большинство нашего читающего общества мало знакомо именно с Россией. Россия для многих и многих еще, можно сказать, область неисследованная, а подобное незнание не может не отражаться вредно и в применении к жизни действительной.

Редакция «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ», передавая читающему обществу получаемые ею сведения, намерена придерживаться строгой истины. Она представит говорить за себя фактам, поясняя их, когда нужно, и не забывая, что о настоящем надобно судить сравнительно с еще недавним прошедшим, а не по идеальным несбыточным образам.

Редакция «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ» будет следовать тому убеждению, что государственная жизнь народа русского и сложилась и развивается на началах самобытных, не совсем однородных с лежащими в основе жизни народов и государств Западной Европы; что Россия не может и не должна подражать во всем явлениям их жизни и деятельности, что она должна оставаться верною сама себе и твердо идти своим путем.

Чуждаясь, по характеру и убеждению, всяких крайних увлечений, «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» останется верна тому разумно-сознательному движению вперед, инициативу которого указало правительство, и притом на началах, которым сочувствовать должно всё, что есть в России благородного, честного и искренно любящего своё отечество.

Руководствуясь таким направлением, редакция «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ» обещает читающему обществу преимущественно и главнее всего — верное и беспристрастное изложение всех сколько-нибудь замечательных явлений нашей внутренней жизни.

Появляясь в свет ежедневно, кроме дней, следующих за воскресными и праздничными, «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» будет иметь, как и теперь, ДВА отдела:

1. ОФИЦИАЛЬНЫЙ, где будут печататься постановления и распоряжения правительства.
2. НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ, который подразделяется на две части — ИЗВЕСТИЯ ВНУТРЕННИЕ и ИЗВЕСТИЯ ЗАГРАНИЧНЫЕ.

Во ВНУТРЕННИХ ИЗВЕСТИЯХ редакция будет сообщать точные сведения о всем совершающемся в России, как по источникам, предоставленным ей в пособие министерством внутренних дел и другими главными управлениями, так и по корреспонденциям и кратким извлечениям из разных периодических изданий, в особенности из губернских ведомостей. Редакция «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ» надеется, что не только для специалистов, нуждающихся в сведениях о внутренней жизни России для своих практических целей, не только для иностранцев, интересующихся изучением её, но и для всякого любознательного читателя газета «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» представит непрерывно движущуюся перед глазами панораму замечательных явлений официальной, общественной и научной жизни России.

В отделе ИНОСТРАННЫХ ИЗВЕСТИЙ редакция «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ» будет следовать той программе, которой она придерживалась до настоящего времени. Все события, совершающиеся за границею и различные мнения о них главных органов иностранной прессы, а также корреспондентов «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ», будут сообщаемы без всяких существенных изменений. Но редакция политического отдела, как ею и было о том неоднократно заявлено в нынешнем году, отвечает лишь за мнения, высказываемые в статьях руко-

водящих. В конце того же отдела, по примеру текущего года, для большей полноты и разнообразия, время от времени будут сообщаться читателям «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ» отдельные статьи содержания политического, исторического, этнографического и т.д. Телеграммы заграничные будут ежедневно сообщаемы по примеру нынешнего года.

Кроме того «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» будет помещать на своих столбцах, в виде СМЕСИ, статьи политико-экономического, статистического и вообще ученого содержания, имеющие преимущественно применение к России. Редакция будет также печатать в ФЕЛЬЕТОНЕ обозрение замечательных литературных явлений, как в периодических изданиях, так и в отдельных книгах, и такие статьи о России, которые по объёму не войдут в отдел ВНУТРЕННИХ ИЗВЕСТИЙ.

При этом редакция «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ» считает нужным заявить во всеобщее сведение, что каждая статья о России, о нуждах и потребностях какой-нибудь местности, в особенности каждая МОНОГРАФИЯ, написанная без предубеждения и пристрастия, встретит радушный прием на столбцах «СЕВЕРНОЙ ПОЧТЫ».

В конце газеты будут помещаться, по примеру текущего года, различные БЮЛЛЕТЕНИ торговые, о пароходах и железных дорогах, о состоянии температуры, а затем ОБЪЯВЛЕНИЯ КАЗЁННЫЕ И ЧАСТНЫЕ.

Главную редакцию «Северной почты», по приглашению г. Министра внутренних дел принял на себя с октября месяца текущего года известный наш литератор Иван Александрович Гончаров».

(Опубликовано с исключением технической информации по газете «Северная почта» от 3 октября 1862 г. № 213»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания / Вступ. статья, редакция текста и комментарии Корнея Чуковского. М., 1948.
2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Издание второе, испр. и доп. М.: Наука, 1995. Т. IX.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1.
4. Анненков П.В. Письмо И.С. Тургеневу от 1 октября 1859 года // Труды Публичной библиотеки СССР имени Ленина. М. 1934. Вып. III.
5. Суперанский М.Ф. Материалы для биографии И.А. Гончарова // Огни. Пг.: Огни, 1916. Кн. 1. С. 159–229.
6. Гайнцева Э.Г. И.А. Гончаров в «Северной почте»: (История одной газетной публикации) // И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвящённой 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 1998.
7. Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова / ИРЛИ; Под. ред. Н.К. Пиксанова. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1960.
8. Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. [М.; Л.], 1955. Т. 2.
9. Валуев П.А. и Тройницкий А.Г. // Русская старина. 1899. №7. С. 225–240.
10. Калинина Н.В. Эпизод из жизни романиста: как И.А. Гончаров стал редактором правительственной газеты // Чины и музы: Сб. статей / Отв. ред. С.Н. Гуськов; Ред. Н.В. Калинина. СПб.; Тверь, 2017. С. 332–356.
11. Ковалёв И.Ф. И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2. С. 136–141.
12. Северная почта. 1862. № 1 (1 янв.).
13. Отечественные записки. 1862. Т. 144. Октябрь. Современная хроника.
14. Гончаров И.А. Письма к А.В. Никитенко (45) / Комментар. В. Яковлева // Русская старина. 1914. № 2.
15. Гончаров И.А. Слуги старого века // Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952–1955. Т. 7: Очерки, повести, воспоминания. 1954. С. 316–383.

ENGLISH

I.A. Goncharov as a pressman. Unknown text of “Oblomov” author?

Guskov Sergey Nikolaevich is PhD in Philology, deputy director of research, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences; the head of the project “Goncharov as a writer and official” (15-04-00264a).

E-mail: sguskov@gmail.com

The importance of career in Ivan Goncharov's profile was noted by his contemporaries (Ivan Turgenev, Fyodor Dostoevsky, etc.), but this aspect of the writer's life still lacks focus. The paper is devoted to Goncharov's activity as editor-in-chief of the Severnaya Pochta newspaper owned by the Ministry of Internal Affairs in 1862–1863. This most public stage of Goncharov's career remains one of the most poorly studied. For the first time, the text of the “Announcement of Severnaya Pochta in 1863” was introduced for scientific use. Goncharov was probably the author of this text. An important circumstance in favor of Goncharov's authorship is some similarity of “Announcement of Severnaya Pochta” in 1863” to Goncharov's “Methods of publishing Severnaya Pochta”. The material under review also shows the link between the career and creative path of Goncharov who simultaneously wrote the novel “The Precipice”.

Keywords: the Severnaya Pochta newspaper, Public service, official, editor, creativity, Russian literature of the 19th century, creative history, attribution, newspaper, novel, The Precipice

REFERENCES

1. Panaeva (Golovacheva) A.Ya. Vospominaniya / Vstup. stat'ya, redaktsiya teksta i kommentarii Korneya Chukovskogo. M., 1948.
2. Turgenev I.S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. Izdanie vtoroje, ispr. i dop. M.: Nauka, 1995. T. IX.
3. Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch. V 30 t. L., 1985. T. 28. Kn. 1.
4. Annenkov P.V. Pis'mo I.S. Turgenevu ot 1 oktyabrya 1859 goda // Trudy Publichnoj biblioteki SSSR imeni Lenina. M. 1934. Vyp. III.
5. Superanskij M.F. Materialy dlya biografii I.A. Goncharova // Ogni. Pg.: Ogni, 1916. Kn. 1. S. 159–229.
6. Gajntseva E.G. I.A. Goncharov v «Severnoj pochte»: (Istoriya odnoj gazetnoj publikatsii) // I.A. Goncharov: Materialy Mezhdunarodnoj konferentsii, posvyashchyonnoj 185-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova. Ul'yanovsk, 1998.
7. Alekseev A.D. Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Goncharova / IRLI; Pod. red. N.K. Piksanova. M.; L.: Izd-vo AN SSSR. Leningr. otd-nie, 1960.
8. Nikitenko A.V. Dnevnik: V 3 t. [M.; L.], 1955. T. 2.
9. Valuev P.A. i Trojnitskij A.G. // Russkaya starina. 1899. №7. S. 225–240.
10. Kalinina N.V. Epizod iz zhizni romanista: kak I.A. Goncharov stal redaktorom pravitel'svennoj gazety // Chiny i muzy: Sb. statej / Otv. red. S.N. Guskov; Red. N.V. Kalinina. SPb.; Tver', 2017. S. 332–356.
11. Kovalyov I.F. I. Goncharov – redaktor gazety «Severnaya pochta» // Russkaya literatura. 1958. № 2. S. 136–141.
12. Severnaya pochta. 1862. № 1 (1 yanv.).
13. Otechestvennye zapiski. 1862. T. 144. Oktyabr'. Sovremennaya khronika.
14. Goncharov I.A. Pis'ma k A.V. Nikitenko (45) / Komment. V. Yakovleva // Russkaya starina. 1914. № 2.
15. Goncharov I.A. Slugi starogo veka // Goncharov I.A. Sobr. soch.: V 8 t. M.: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1952–1955. T. 7: Ocherki, povesti, vospominaniya. 1954. S. 316–383.

УДК 81*42 81`38
ГРНТИ 19.41 16.21.33, 35**Н.И. КЛУШИНА,
М.В. ИВАНОВА***

Трансформация медийных жанров в коммуникативном пространстве Интернета

Традиционный информационный жанр новости в коммуникативном пространстве Интернета отклоняется от своей прототипической модели, поскольку начинает включать в композиционную структуру бэкграунд – краткое изложение истории вопроса. Новость в интернет-пространстве усложняется композиционно и расширяет границы текста с помощью гиперссылок. Комментарий – сетевой жанр, порождённый интернет-коммуникацией и влияющий на систему жанров традиционных СМИ. Комментарий также расширяет границы медиатекста, включает в авторский текст мнение адресата, усложняя классическую структуру традиционного текста. В статье ставится задача рассмотрения самого значимого жанра современного медиатекста – новости, структуры её прототипической модели и трансформации под влиянием Интернета, а также жанровой структуры интернет-комментария.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, русский язык, медиатекст, гипертекст, стиль, медиастилистика, жанр, новость, интернет-комментарий, норма литературного языка, динамика нормы

Развитие информационных технологий и становление Интернета как особого коммуникативного пространства коренным образом повлияло на традиционную массовую коммуникацию. Классический текст, понимаемый как законченное, завершённое смысловое единство, в пространстве Интернета претерпевает серьёзные изменения. Он становится гипертекстом, для которого характерны нелинейность,

мультимедийность, интерактивность, незавершённость. Журналистский текст, помещённый в интернет-пространство, получает иное бытование и наполнение. В современных исследованиях журналистский текст принято обозначать термином «медиатекст», подчёркивая его неразрывную связь с различными типами массмедиа, а не только с печатными СМИ, поскольку медиатекст передаётся по различным медийным каналам.

* **Клушина Наталья Ивановна** — доктор филологических наук профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Влияние Интернета на жанровые и стилистические параметры медиатекстов» (17-04-00032a).

E-mail: nklushina@mail.ru

Иванова Мария Валерьевна — доктор филологических наук, декан очного факультета Литературного института им. А.М. Горького, исполнитель того же проекта.

E-mail: g-vinograd@mail.ru

К медиатекстам относятся телетексты, радиотексты, печатные тексты, рекламные тексты и, в том числе, интернет-тексты. Каждый из медиаканалов добавляет свои особенности к распространяемым по ним текстам, что отличает их от иных текстов других медийных носителей (например, для радиотекста — это звук, для телетекста — звук и картинка и т.п.). Поэтому интернет-текст можно выделить в отдельную разновидность медиатекстов по принципу видо-родовой принадлежности. Интернет-текст — это медиатекст особого типа, отличающийся от других типов медиатекстов гипертекстуальностью, интерактивностью, нелинейностью и незавершённостью. Особенности интернет-коммуникации также отражаются на системе медиажанров, трансформируя её в соответствии со своими законами или расширяя её за счёт формирования новых интернет-жанров (форумов, блогов, комментариев, чатов и т.п.).

Для стилистики русского языка (и её новой области — медиастилистики) исследование Интернета и его влияния на жанровую и стилистическую структуру медиатекстов — одна из приоритетных и актуальных научных задач, поскольку, во-первых, Интернет сегодня является наиболее влиятельной сферой социальной коммуникации; во-вторых, именно он оказывает наиболее значительное воздействие на изменение норм русского литературного языка.

Интернет-коммуникация как новая форма коммуникации находится под пристальным вниманием лингвистов, социологов, психологов, философов и многих других специалистов. Формируются отдельные направления исследований, среди которых выделяют жанроведческое, дискурсивное, лингвистическое, дидактическое и проч. Тем не менее изучение интернет-коммуникации в российской филологической науке находится только в первом приближении к предмету и объекту исследования. Сегодня опубликованы разрозненные статьи, описывающие конкретные

жанры или отдельные лингвистические особенности интернет-коммуникации, монографии, защищены диссертации, посвящённые исследованию Интернета [см., например, 1, 8, 9, 13–15, 17–19, 10, 5]. Но, к сожалению, даже сложенные все вместе, эти исследования не формируют комплексного представления о предмете своего изучения. При этом они демонстрируют разноаспектность, даже «мозаичность» научного поиска в данном направлении и отсутствие какого-либо методологического подхода к изучению Интернета.

Мы будем опираться на традиционную и (потому) проверенную методологию стилистики и её категориальный аппарат, который позволяет дать комплексное стилистическое осмысление интернет-коммуникации. Принципиально важными считаем монографию Б.Тошовича «Интернет-стилистика» [20] и коллективную монографию «Дискурс и стиль» [7]. В этих монографиях изложены методологические принципы и подходы к формированию интернет-стилистики.

В мировой науке активно развиваются философские, социологические, дискурсивные, политологические исследования феномена СМИ как особой системы, а также исследования Интернета и сетевого общества [3, 6, 12, 16, 21, 23, 24], а с точки зрения стилистики и жанровых характеристик современных медиатекстов Интернет не изучается.

В нашей работе интернет-коммуникация рассматривается в рамках теории М.М. Бахтина [2] о диалогической природе жанров и диалоге как форме бытования любого текста. Кроме того, важным для нашего исследования является метод построения коммуникативной цепочки на основе теории речевой коммуникации Р.Якобсона [22]. В коммуникативную цепочку входят категории: адресант — текст + контекст — адресат. Этот метод позволяет обозначить коммуникативные роли адресанта и адресата текста, которые в интернет-коммуникации имеют осо-

бый характер. Методологически важным является и гипотеза об адресате, влияющая на выбор жанра (М.М. Бахтин). Жанр понимается нами не только как наиболее устойчивая категория процесса коммуникации, но и как «горизонт ожиданий читателя» [4], поэтому именно жанровые ожидания адресата оказывают наиболее существенное воздействие на трансформацию жанров в интернет-пространстве и на формирование новых жанровых моделей.

Базовыми для исследования являются традиционный функционально-стилистический и новый интенционально-стилистический методы. Последний разрабатывается авторами как особый интегративный метод изучения коммуникации. Функционально-стилистический метод необходим для обоснования зарождения в современной российской стилистике нового функционального стиля — интернет-стиля, который сейчас активно формируется и в будущем составит предмет нового направления современной стилистики — интернет-стилистики (термин Б.Тошовича). С помощью этого метода будет выявлена специфика речевой структуры жанров в пространстве Интернета.

Интенционально-стилистический метод позволяет включить в исследование интернет-коммуникации её основных участников: адресанта и адресата. Выявление авторской интенции и изучение её реализации в медиатексте поможет понять и объяснить стилистический выбор речевых средств и соотнести их с прототипической структурой жанра.

Предметом нашего исследования являются медиажанры *новость* и *комментарий*, функционирующие в интернет-коммуникации.

Мы ставили перед собой следующие задачи:

- ◆ сравнить новость в Интернете с прототипической новостью в традиционных медиа;
- ◆ выявить и описать особенности структуры сетевой новости;

- ◆ выявить и описать структуру интернет-комментария;
- ◆ проследить влияние жанра комментария на современную медиакommunikацию;
- ◆ обозначить основные проблемы современной интернет-коммуникации.

Нами выдвинута гипотеза о том, что интернет-коммуникация как особый тип коммуникации формирует собственные жанры (например, комментарии) и трансформирует уже известные (например, новость или пресс-релиз). Интернет-коммуникация оказывает значительное влияние на жанровую и стилистическую структуру современного медиатекста в сторону её усложнения, и тем самым интернет-коммуникация кардинально меняет современный медиадискурс, который подчиняется уникальным закономерностям Сети.

Медиажанр «новость» и его динамика

Новость можно считать одним из самых ранних и самых важных базовых медиажанров. Сама журналистика формировалась как сфера деятельности по информированию социума о важнейших событиях внешней и внутренней политики. Этот жанр имеет строгую прототипическую структуру, в основе которой лежит информационное сообщение, с указанием хромотопа события, действующих лиц и произошедшего или предстоящего факта/фактов. Стилистическое оформление новости строится по законам официально-делового стиля, хотя сам жанр включён в таксономию жанров публицистического функционального стиля информационного подстиля. Важной структурной особенностью новости является краткость/лаконичность. Не случайно в научной литературе бытует исторический терминологический синоним новости — краткое газетное сообщение.

Современная новость прошла сложный путь эволюции и отклонилась от своей прототипической модели.

В отечественной журналистике XX в. новость получила развитие в расширенной информационной заметке, которая включала не только главный факт, ради которого новость и создаётся, но и большое количество деталей. И, что сегодня представляется невозможным, новостная журналистика в советское время была эмоционально окрашенной, это находило выражение в авторской модальности (*к сожалению, к радости, к несчастью* и т.п.).

Во времена перестройки жанровая модель новости была перекроена по лекалам западной журналистики. Появились жёсткие и мягкие новости, строгая официально-деловая стилистическая тональность, протокольность (кто что где и когда совершил / что где и когда произошло), отсутствие авторской модальности, интертекстуальность (*по сообщениям..., по данным..., как отметил...* и т.п.) и другие современные отличительные черты жанра. Самую серьёзную трансформацию претерпела композиционная структура новости: любая новость строится по принципу перевернутой пирамиды (вначале даётся основная информация, а затем детали и уточнения), что было обусловлено экстралингвистическими причинами (местом на газетной полосе).

С развитием Интернета новость стала важнейшим сетевым жанром. Журналистика новостей имеет экономические преимущества перед журналистикой мнений (производство новости дешевле, чем производство авторского текста). В Сети новость трансформируется, подчиняясь законам Интернета. Она сохраняет композиционную структуру перевернутой пирамиды, хотя в Интернете место не ограничено, в отличие от жёстко заданных размеров газетной полосы. Но безграничное пространство Интернета форматируется по особым законам. Новость на сайтах новостных агентств, газет и порталов представлена в виде заголовка-анонса, построенного как двусоставное (часто сложное) предложение,

содержащее главный факт информационного сообщения. После заголовка даются первый абзац медиатекста и опция для разворачивания полной версии сообщения, например, «читать дальше», «читать полностью» и т.п. В любой момент, кликая на заголовок или данную опцию, читатель разворачивает новость, тем самым раздвигая границы жанра, которые, в отличие от традиционных медиа, становятся подвижными.

Например:

19:07. Американские эксперты рассказали о будущем антироссийских санкций за Крым

Крым нельзя вернуть в состав Украины военным путём, однако санкции за его присоединение не будут сняты до возвращения полуострова под контроль Киева. Об этом заявили эксперты Атлантического совета, добавив, что даже в случае урегулирования конфликта в Донбассе ограничения останутся. Читать полностью <https://lenta.ru>

Материалы по теме

Текущее состояние границ интернет-текста обеспечивают и гиперссылка на электронный адрес новостного агентства, и опция «Материалы по теме». Таким образом, ведущая прототипическая жанровая черта новости — краткость — претерпевает серьёзную трансформацию, а законы Интернета позволяют адресату самостоятельно управлять размерами текста, форматируя его в соответствии со своими информационными запросами.

Сетевые комментарии и их типология

Сетевой комментарий — ведущий жанр современной журналистики. В отличие от новости, сетевой комментарий порождён Интернетом. Этот жанр может рассматриваться как развитие сюжета главного материала, подчиняясь законам Интернета, раздвигая границы медиатекста и усложняя сюжет с помощью вплетения

в него мыслей читателя. В этом случае комментарий входит в структуру медиатекста, причудливо форматируя её уже без авторского участия. Сетевой комментарий можно рассматривать и как самостоятельный сетевой жанр, выражающий авторскую точку зрения на проблему.

Например:

ИТАР-ТАСС

00:18. Сегодня

Бомбы не получилось

Что может помешать Трампу обменять ядерное оружие на санкции

В 2014 году ряд стран, в том числе США и государства — члены Евросоюза, ввели в отношении Москвы ряд ограничений, которые затрагивают финансовый, энергетический и оборонно-промышленный сектора российской экономики. Поводом для введения санкций послужило присоединение Крыма к России и конфликт на юго-востоке Украины.

Обсудить

Ссылки по теме

Как видим, комментарии к новостям можно поместить на форуме с помощью опции «Обсудить». И тем самым обнаруживается полифункциональность данного жанра: он может быть представлен как дополнительный жанр (субжанр) в составе, например, жанра новости, усложняя её структуру, или же выступать как самостоятельный жанр.

В современной медиастилистике создаётся типология комментариев:

- ◆ **аналитический комментарий**, который содержит наблюдения читателя над текстом, его вопросы к автору, анализ семантических удач и неудач в тексте;
- ◆ **комментарий — эмоциональный отклик**, который не содержит элементов анализа, а представляет собой лишь выражение эмоции по отношению к автору, к произведению; может давать оценку без обоснований.
- ◆ **комментарий-сотворчество**, который наполнен реакцией читателя на автор-

ский текст и желанием ответить автору в образной и даже художественной форме [11].

Существует и другая типология комментариев на основании реализации коммуникативной интенции: «комментарии-троллинги» и «комментарии-эльфинги» [17].

Сетевой комментарий оказал большое влияние на развитие жанров традиционных медиа. В современной журналистике серьёзную роль стало играть экспертное мнение. В отличие от комментариев интернет-пользователей-неспециалистов, комментарии экспертов зачастую включаются в авторские журналистские материалы для подтверждения мнения самого автора.

Особенности интернет-коммуникации

Обозначим особенности интернет-коммуникации, которые оказывают значительное воздействие на современный медиадискурс и его жанровую репрезентацию.

1. Интернет-текст диалогичен как ответ на запрос адресата в поисковых системах (прагматическая диалогичность), как стимул для ответной реакции адресата (интерактивная диалогичность) и как рефлексия адресата, оставляющего свои комментарии после прочтения авторского текста (рефлексирующая диалогичность).
2. Интернет является особым медиаканалом, отличающимся от традиционных медиа. Поскольку он не только транслирует информацию, но и преобразует её согласно своим законам, постольку интернет-текст отличается от других типов медиатекстов.
3. Медиатекст в пространстве Интернета приспособляется к феноменологическим особенностям Глобальной Сети и получает особые медийные добавки (интерактивность, нелинейность, незавершённость и др.), что, в свою очередь, оказывает сильное влияние на его жанровую и стилистическую структуру.

4. Интернет-коммуникация как особый тип коммуникации формирует собственные жанры (например, интернет-комментарии) и трансформирует уже известные (например, новость).
5. Особый характер в интернет-коммуникации приобретают коммуникативные роли адресанта и адресата текста: адресант интернет-текста не является единственным автором произведения; адресат интернет-текста является активным участником (а не пассивным реципиентом) коммуникации, он дописывает, моделирует, трансформирует исходный авторский медиатекст в соответствии со своими информационными запросами.
6. Интернет в силу своих феноменологических и технологических особенностей усложняет медиадискурс в целом и медиатекст в частности лишая его статичности, отграниченности, оформленности, законченности, иногда ставя под вопрос авторство.

Итак, изучение интернет-коммуникации в отечественной науке начинается активно развиваться только сейчас. Феномен Интернета привлекает пристальное внимание современных учёных из разных областей знаний; с точки зрения лингвистики его тоже активно исследуют, но целостной лингвистической концепции данного феномена до сих пор нет. Осмысляя этот новый тип дискурса

с позиций стилистики и выявляя в нём самые значимые характеристики, организующие коммуникацию, мы поддерживаем формирование и развитие отдельного научного направления современной стилистики — интернет-стилистики, которое было предложено и обосновано на заседаниях Стилистической комиссии Международного комитета славистов. Изучение жанровых и стилистических параметров Интернета имеет важное значение не только для разысканий в области интернет-стилистики, но и для понимания нового типа интернет-коммуникации, который сегодня вытесняет традиционную коммуникацию и оказывает воздействие на современную культуру в целом.

Предполагаем, что наше исследование поможет сформировать проблемное поле данного направления: традиционные жанры и сетевые жанры; трансформация традиционного жанра в Сети; стилистические особенности интернет-текстов, связанные с устно-письменным характером интернет-коммуникации; воздействие интернет-текстов на изменение норм современного русского литературного языка. Эти проблемы являются актуальными и приоритетными не только для стилистики. Постановка этих проблем поможет выработать приоритеты в современном медиаобразовании и — шире — в современной языковой политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышева С.Ф., Касперова Л.Т., Клушина Н.И., Селезнёва Л.В., Смирнова Н.В. Жанровое своеобразие интернет-коммуникации // Филология и человек. Барнаул, 2015. № 4. С. 121–130.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159–206.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.
4. Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1986. С. 22–28.
5. Горина Е.В. Конституирующие признаки дискурса Интернета: Дисс. ... докт. филол. наук, Екатеринбург, 2016.
6. Делез Ж., Гваттери Ф. Анти-эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

7. Дискурс и стиль / Под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
8. Иванова М.В. Расширение литературной нормы и его исторические основания // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2017. № 1. С. 124–130.
9. Иванова М.В. Речь журналистов электронных СМИ // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ: Сборник научных статей. М., 2016. С. 86–93.
10. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / Под ред. Т.И. Колокольцевой и О.В. Лутовиновой. М., 2014.
11. Касперова Л.Т., Клушина Н.И., Селезнёва Л.В., Смирнова Н.В., Тортунова И.А. The Impact of Internet on Genre and Stylistic Features of Media Texts // Global Media Journal. 2016. № S3:07.
12. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
13. Клушина Н.И. Медиастилистика: как устроен современный медиастиль // Русская речь. 2015. № 3. С. 55–60.
14. Клушина Н.И. Медиастиль и его интенционально-нарративная структура // Stylistyka. 2015. № XXIV. С. 101–112.
15. Мечковская Н.Б. Как интернет и «Википедия» разрушают авторское право и почему особенно трудно гуманитариям // Социология. 2015. № 3. С. 82–93.
16. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра.Культура, 2003.
17. Синельникова Л.Н. Дискурс троллинга — коммуникация без табу // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 139–148.
18. Смирнова Н.В. Гипертекстовое представление события (на материале российских интернет-изданий) [Hypertextuelle Darstellung von Ereignissen (anhand russischer Internet-Seiten)] // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil. Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz. 2015. P. 213–220.
19. Степанов В.Н. Трансгрессивность как сущностная характеристика современного медиатекста в мировой сети // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 149–158.
20. Тошович Б. Интернет-стилистика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
21. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.
22. Якобсон Р. Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999.
23. Machleder J., Asmolov G. Social change and the Russian network society: Redefining development priorities in new information environments / J. Machleder, G. Asmolov, Internews: Local voices. Global change, Aug. 1, 2011.
24. Silverstone R. Media and morality: on the rise of the mediapolis. Cambridge: Polity press, 2006.

ENGLISH

Transformation of media genres in online communication space

Klushina Natalia Ivanovna is DSc in Philology, Professor at the Chair of Russian Language Stylistics at the Department of Journalism, Lomonosov Moscow State University, head of the project “Internet impact on genre and style peculiarities of media texts” (17-04-00032a).

E-mail: nklushina@mail.ru

Ivanova Maria Valeryevna is DSc in Philology, dean of the full-time department, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, researcher in the same project.

E-mail: g-vinograd@mail.ru

Such conventional informative genre as news tends to deviate from its prototype model as the text includes background, a short description of preceding events. News in the online media is getting more complicated in terms of its composition and expands the boundaries of the text with the help of hyperlinks. A comment is a network genre generated by Internet communication and affecting the system of genres in traditional media. Comments also expand the boundaries of the media text; include the commenter's opinion in the author's text making the classical structure of traditional text more complicated. The paper focuses on the most significant genre of modern media text – news, the structure of its prototype model and its transformation under the influence of the Internet, as well as the genre structure of Internet comments as a network genre generated by the phenomenon of the Internet.

Keywords: Internet communication, Russian language, media text, hypertext, style, media stylistics, genre, news, online comment, literary language standard, standard dynamics.

REFERENCES

1. Barysheva S.F., Kasperova L.T., Klushina N.I., Seleznyova L.V., Smirnova N.V. Zhanrovое svoe-obrazie internet-kommunikatsii // Filologiya i chelovek. Barnaul, 2015. № 4. S. 121–130.
2. Bakhtin M.M. Problema rechevykh zhanrov // Bakhtin M.M. Sobr. soch. M.: Russkie slovari, 1996. T. 5. S. 159–206.
3. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. M.: Akademiya, 1999.
4. Gajda St. Problemy zhanra // Funktsional'naya stilistika: teoriya stilej i ikh yazykovaya realizatsiya. Perm', 1986. S. 22–28.
5. Gorina E.V. Konstituiruyushchie priznaki diskursa Interneta / Diss. ... dokt. filol. nauk, Ekaterinburg, 2016.
6. Delez ZH., Gvatterri F. Anti-edip. Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007.
7. Diskurs i stil' / Pod red. G.Ya. Solganika, N.I. Klushinoy, N.V. Smirnovoy. M.: FLINTA: Nauka, 2014.
8. Ivanova M.V. Rasshirenie literaturnoj normy i ego istoricheskie osnovaniya // Vestnik RUDN. Seriya «Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika». 2017. № 1. S. 124–130.
9. Ivanova M.V. Rech' zhurnalistov elektronnykh SMI // Uchimsya govorit' po-russki. Problemy sovremennogo yazyka v elektronnykh SMI: Sbornik nauchnykh statej. M., 2016. S. 86–93.
10. Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya / Pod red. T.I. Kolokol'tsevoj i O.V. Lutovinovoj. M., 2014.
11. Kasperova L.T., Klushina N.I., Seleznyova L.V., Smirnova N.V., Tortunova I.A. The Impact of Internet on Genre and Stylistic Features of Media Texts // Global Media Journal. 2016. № S3:07.
12. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshchestve. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004.
13. Klushina N.I. Mediastilistika: kak ustroen sovremennyy mediastil' // Russkaya rech'. 2015. № 3. S. 55–60.
14. Klushina N.I. Mediastil' i ego intentsional'no-narrativnaya struktura // Stylistyka. 2015. № XXIV. S. 101–112.
15. Mechkovskaya N.B. Kak internet i «Vikipediya» razrushayut avtorskoe pravo i pochemu osobenno trudno gumanitariyam // Sotsiologiya. 2015. № 3. S. 82–93.
16. Rashkoff D. Mediavirus. Kak pop-kul'tura tajno vozdeystvuet na vashe soznanie. M.: Ul'tra. Kul'tura, 2003.

17. Sinel'nikova L.N. Diskurs trollinga – kommunikatsiya bez tabu // Aktual'nye problemy stilistiki. 2016. № 2. S. 139–148.
18. Smirnova N.V. Gipertekstovoe predstavlenie sobyitiya (na materiale rossijskikh internet-izdaniy) [Hypertextuelle Darstellung von Ereignissen (anhand russischer Internet-Seiten)] // Interaktion von Internet und Stilistik, Internet und Stil. Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz. 2015. P. 213–220.
19. Stepanov V.N. Transgressivnost' kak sushchnostnaya kharakteristika sovremennogo mediateksta v mirovoj seti // Aktual'nye problemy stilistiki. 2016. № 2. S. 149–158.
20. Toshovich B. Internet-stilistika. M.: FLINTA: Nauka, 2015.
21. Uebster F. Teorii informatsionnogo obshchestva. M.: Aspekt Press, 2004.
22. Yakobson R. Teksty, dokumenty, issledovaniya. M.: RGGU, 1999.
23. Machleder J., Asmolov G. Social change and the Russian network society: Redefining development priorities in new information environments / J. Machleder, G. Asmolov, Internews: Local voices. Global change, Aug. 1, 2011.
24. Silverstone R. Media and morality: on the rise of the mediapolis. Sambridge: Polity press, 2006.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 316.6:156.923
ГРНТИ 15.41.21

**Р.М. ШАМИОНОВ, М.В. ГРИГОРЬЕВА,
Е.Е. БОЧАРОВА, А.Р. ВАГАПОВА,
Т.В. БЕСКОВА, Л.Е. ТАРАСОВА, Н.В. УСОВА***

Структура и предикторы субъективного благополучия личности: этнопсихологический анализ

Этнокультурные основания субъективного благополучия, дифференциация универсальных и специфических (этнических) его характеристик в соответствии с миропониманием представителей этнических групп, социально-психологических и индивидуально-психологических предикторов остаются малоизученной областью социальной психологии. Цель данного исследования — этнопсихологический анализ структуры и предикторов субъективного благополучия личности в рамках системного и комплексного подходов. В результате исследований показано, что субъективное благополучие личности является сложным и структурированным социально-психологическим образованием, включающим ряд взаимосвязанных компонентов, каждый из которых может рассматриваться как относительно самостоятельная сторона отношений

* **Шамионов Раиль Мунирович** — доктор психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (СГУ), руководитель проекта «Структура и предикторы субъективного благополучия личности: этнопсихологический анализ» (14-06-00250a).

E-mail: shamionov@mail.ru

Григорьева Марина Владимировна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогической психологии и психодиагностики СГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: grigoryevamv@mail.ru

Бочарова Елена Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития СГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: bocharova2004@bk.ru

Вагапова Альфия Равилевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития СГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: al_fiya@bk.ru

Бескова Татьяна Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики Саратовской государственной юридической академии, исполнитель того же проекта.

E-mail: tatbeskova@yandex.ru

Тарасова Людмила Евгеньевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики СГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: let01@mail.ru

Усова Наталия Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии образования и развития СГУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: usova_natalia@mail.ru

личности (к жизни, себе, удовлетворению своих потребностей, интегральных переживаний и пр.). Предикторы субъективного благополучия могут быть рассмотрены с позиции многоуровневой детерминации: личностной, этнической, гражданской. Обнаружено, что субъективное благополучие детерминировано одними и теми же социально-психологическими характеристиками у членов различных этнических групп или наций, но уровень детерминации и соотношение детерминант дифференцированы, что и обуславливает различия в его формировании и отражается на регуляции социального поведения личности.

Ключевые слова: личность, субъект, субъективное благополучие, счастье, удовлетворённость, этническая группа, нация, представления, предикторы

Исследования субъективного благополучия личности в последние десятилетия в значительной степени активизировались. Возрастающий интерес к этому явлению сегодня связан с рядом объективных обстоятельств. Ведущее место среди них по праву занимают социально-экономические изменения как в России, так и в мировом масштабе, вслед за которыми, с одной стороны, произошло расширение возможностей человека, с другой – возникли трудности их использования для достижения целей самореализации. Вместе с тем социальные изменения в значительной степени коснулись и межэтнического взаимодействия.

Сегодня возникает социальный запрос к науке на изучение этнокультурной специфики субъективного благополучия личности, его универсальных и специфических детерминант, множественных предикторов. В их числе – представления, установки, ценности, свойства личности, а также характеристики идентичности. Исследования, проводимые в России, имеющей уникальный опыт в области межэтнического взаимодействия, позволят в значительной степени расширить теоретические знания об этнокультурной детерминации субъективного благополучия, помогут решить ряд практических задач в целях оказания психологической помощи населению, а также

выработать механизмы социальной политики, связанные с обеспечением условий формирования субъективного благополучия населения. Поэтому перед психологией возникает важнейшая задача изучения не отдельных факторов субъективного благополучия, а их констелляций, совместного действия.

Исторически складывающаяся культура того или иного народа в определённой мере содержит способы саморегуляции, приведения в соответствие различных инстанционных образований личности. Это становится механизмом формирования субъективного благополучия [15]. Очевидно, недостаточная степень их усвоения оказывается существенным фактором неблагополучия, механизмы формирования которого относятся по большей части к неосознаваемым процессам. Это было бы верно в случае изолированности этноса. В условиях смешения, когда происходит взаимопроникновение культурных феноменов не только контактирующих этносов, но и совершенно далёких в ментальном отношении групп, можно предположить наличие противоречий, возникающих на уровне архетипов и социализированных форм представлений. Общая социализация, формируя представления о «должном», соответствующем современному положению вещей, сталкивается с теми установками, которые складывались веками.

В результате возникает ситуация столкновения информационных потоков, и от того, как решит эту проблему субъект, зависит его состояние. Такое предположение исходит из понимания социализации как процесса, последовательного формирования сказочно-мифологической, религиозно-этической и технотронно-сциентистской картины мира (этнофункциональный подход А.В. Сухарева) [8] и исследований социализации личности (в том числе и этнической) в русле оригинального системно-диахронического подхода Р.М. Шамионова [13].

В рамках герменевтического подхода и метода сравнительного анализа Л.Е. Тарасовой [9] предпринято исследование представлений о благополучии и счастье жителей античной и индустриальной цивилизаций с точки зрения отражения этого феномена в культурных особенностях и образе жизни. Предполагалось, что системы ценностей, определяющие поведение человека, во многом совпадают у представителей разделённых веками цивилизаций. Центральным структурным элементом менталитета любого народа является система ценностей, отражающих социально одобренные и всецело признанные этические нормы, интернализация которых является необходимым условием социализации человека. Поскольку одним из самых сокровенных желаний человека любой национальности, нашего современника и жившего пять тысяч лет назад является желание испытывать удовлетворённость жизнью, быть счастливым, то одной из таких «вечных» ценностей, в которых ярко проявляется общественная психология и национальный характер, и являются категории «счастье» и «благополучие». Люди, принадлежащие к разным народам и этническим группам, отличаются друг от друга своим поведением, нравами, обычаями, культурой. Анализ взглядов мыслителей различных философских направлений античности, рукописей древних китайцев и литературных произведений русских ав-

торов, отражающих толкование обсуждаемых терминов, позволяет предположить, что представления о благополучии и счастье в русской культуре немногим отличаются от тех, что были у древних греков и китайцев. Правомерен вывод о том, что представления о благополучии и счастье как высшем выражении степени переживаемого благополучия в субъективной оценке личности являются чертой мировоззрения, включённой в смысловую систему ценностей как нашего современника, так и человека, жившего несколько тысячелетий назад. Убедительно показано, что содержание этих дефиниций не определяется уровнем экономического развития общества.

Несмотря на многочисленные исследования этнопсихологических факторов субъективного благополучия за рубежом и ряд исследований в отечественной психологии, остаются мало изученными этнокультурные основания субъективного благополучия, дифференциация универсальных и специфических (этнических) его характеристик в соответствии с миропониманием отдельных членов этнических групп, социально-психологических и индивидуально-психологических предикторов.

Основная цель данного исследования состоит в этнопсихологическом анализе структуры и предикторов субъективного благополучия личности в рамках системного и комплексного подходов.

На разных этапах в исследовании приняли участие 585 человек, в том числе 233 русских, 60 узбеков, 85 татар, 45 армян, 40 молдаван и 127 казахов.

Структура субъективного благополучия

Проблема структуры субъективного благополучия обсуждалась многими исследователями [6, 7, 12, 15, 16, 18, 20]. В результате дискуссий сложилось несколько более или менее оформленных концепций. Не претендуя на исчерпывающее их описание, обозначим некоторые

из них. Включение в структуру когнитивного и эмоционального компонентов является наиболее известным и признаваемым различными исследователями [1, 15, 16]. В России применяется комплексный подход, в соответствии с которым структура субъективного благополучия включает психологическое, социальное, материальное, физическое и прочие его виды [7].

В ряде работ российских и зарубежных исследователей [3, 15, 17, 19 и др.] субъективное благополучие описано как сложная открытая психологическая система, обладающая способностью к самоорганизации, саморегуляции, связанной с непрерывно происходящими процессами интеграции, дифференциации, иерархизации её структурообразующих компонентов, активно реагирующей на воздействие множества разнонаправленных факторов – как внешних, так и внутренних.

Исследования когнитивной подструктуры субъективного благополучия связаны с анализом удовлетворённости различными сторонами жизни и деятельности. В результате сравнительного анализа структуры субъективного благополучия у представителей контактирующих этносов Поволжья (русских, казахов, молдаван) [6] показано, что она имеет этнопсихологическую специфику, выраженную в преобладании тех или иных видов удовлетворённости: у русских – своим профессиональным выбором; у казахов – взаимоотношениями в группе, взаимоотношениями с преподавателями, содержанием получаемого образования; у молдаван – взаимоотношениями с преподавателями, содержанием получаемого образования, своим профессиональным выбором. У русских наиболее актуальными в формировании удовлетворённости оказываются процессы самоопределения, у казахов – коммуникативные и информационные процессы, у молдаван – деловые и организационные взаимодействия. В структуре субъективного благополучия представителей трёх этносов

имеются «напряжённые» составляющие, связанные с невысокой удовлетворённостью: у русских и казахов – своими способностями, у молдаван – материальным обеспечением учебного процесса.

В результате эмпирических исследований структуры субъективного благополучия четырёх этнических групп (русские, казахи, татары, армяне) [2, 3] были установлены сходство и различия внутренней организации его составляющих. Так, к примеру, в выборке русских структурообразующими факторами субъективного благополучия служат «Признание значимыми Другими», «Образ жизни», что является отличительной особенностью данной этнической группы. «Семейное благополучие» является универсальным фактором, доминирующим в структуре благополучия в выборках армян, казахов и татар. В структуре благополучия исследуемых групп, за исключением армянского этноса, входят «Удовлетворённость межличностными отношениями», «Субъективное благополучие в сфере профессиональной деятельности» [3].

Анализ субъективного благополучия, проведённый Р.М.Шамяоновым и Т.В.Бесковой на основе экспертных оценок и изучения обыденных представлений, позволил эмпирическим путём выделить пятикомпонентную структуру. Это эмоциональное благополучие личности, характеризующее переживания радости, оптимизма, счастья, хорошее расположение духа, воодушевление; экзистенциально-деятельностное благополучие личности, характеризующее прилагаемые усилия для достижения благополучия и их результативность, а также событийно-смысловую насыщенность жизни; эго-благополучие, предполагающее удовлетворённость собой, своим характером, внешностью, уверенностью в себе и самосогласованность личности; гедонистическое благополучие, отражающее степень удовлетворения базовых потребностей – в безопасности, приемлемых жилищных

условиях, доходе и экологических условиях проживания; социально-нормативное благополучие, характеризующее соответствие жизни (действий, поступков) социальным нормам, нравственным ценностям личности в их интериоризированном виде. Этот компонент отражает социальную согласованность, конгруэнтность как отдельный аспект субъективного благополучия личности. Данная структура требует дальнейшей верификации и более детального анализа с точки зрения полноты отражения социально-психологического явления личности.

Этносоциальная реальность современного общества, связанная с взаимодействием противоречивых тенденций: стремлением к интеграции, этнокультурной консолидации, созданию метакультурных общностей и этнической дифференциации, обусловленной сохранением культур в их национально-особенных формах, нередко провоцирующей дезинтеграцию полиэтнического общества, является одним из факторов изменения уровневых характеристик в структуре субъективного благополучия личности. Подобное взаимодействие реализуется посредством множества социально-психологических механизмов (идентификации и отчуждения, ассимиляции и аккомодации, интернализации и экстернализации), изучение которых в совокупности позволяет очертить контуры предикции субъективного благополучия и оптимального варианта превенции неблагополучия.

Личностные предикторы субъективного благополучия

Предикторы субъективного благополучия изучаются достаточно длительное время. Однако наиболее интенсивно исследования развернулись в последнее десятилетие. Наши исследования касались ряда областей предикции, по преимуществу связанных с этнической социализацией (этнопсихологические) либо гражданской социализацией (кросскультурные исследования).

Опираясь на результаты исследований [14], мы показали, что этнокультурная социализация оказывает влияние не только на приобретение личностью норм и ценностей, но и на формирование убеждений. Вместе с тем этот процесс закрепляет и стратегии адаптации к миру, индикатором которой выступает субъективное благополучие личности, что связано с многовековыми традициями и этнокультурными нормами. Анализ уверенности в себе и убеждений как предикторов эмоционального и психологического компонентов субъективного благополучия членов двух этнических групп — русских и казахов — показал, что уверенность в себе оказывает влияние на формирование обеих характеристик субъективного благополучия (психологическое в большей степени у русских, эмоциональное — у казахов).

«Вклад» убеждений в субъективное благополучие более значителен. Наиболее весома сила убеждений в удаче и везении, в их влиянии на вариации субъективного благополучия у казахов и в ценности собственного Я — у русских. Так, уверенность в себе в обеих выборках является абсолютным предиктором и эмоционального, и психологического благополучия. Однако удельный вес этой переменной в эмоциональное и психологическое благополучие различен. У казахов в большей степени она обуславливает эмоциональное благополучие ($R^2 = 0,25$ против $R^2 = 0,18$), у русских — психологическое ($R^2 = 0,27$ против $R^2 = 0,11$). Здесь обнаруживается культурная специфика, заключающаяся, видимо, в том, что уверенность как средство взаимодействия с миром в большей степени обеспечивает реализацию личностных потенциалов (психологическое благополучие) русских, тогда как у казахов — эмоциональное благополучие. Обнаружено также, что базовые убеждения обуславливают вариации эмоционального и психологического благополучия в большей степени, нежели уверенность в себе. Очевидно, что наиболее универ-

сальным убеждением в этом смысле является удачливость. Оно обуславливает и эмоциональное ($R^2 = 0,54$), и психологическое ($R^2 = 0,54$) благополучие казахов и психологическое ($R^2 = 0,40$) благополучие русских. В первом случае, невзирая на культурные различия, имеется сходство предикции, заключающееся в эффекте влияния на благополучие убеждения в том, что удача и везение в значительной степени сопутствуют жизни и успехам. Эффект влияния ценностного отношения к себе на субъективное благополучие имеет разную валентность в двух выборках, что, очевидно, обусловлено культурными различиями. Убеждение в ценности собственного Я позитивно влияет на эмоциональное ($\beta = 0,24$) и психологическое ($\beta = 0,28$) благополучие русских и снижает эмоциональное ($\beta = -0,40$) благополучие казахов.

Включение субъективного благополучия в дискурс психологических измерений культуры в условиях аутгруппового и ингруппового социо-этнокультурного взаимодействия с фиксацией социо-этнокультурных маркеров субъективного благополучия, к которым отнесены «дистанция власти», «индивидуализм – коллективизм», «маскулинность – фемининность», «избегание неопределённости», позволило засвидетельствовать специфику предикторов субъективного благополучия. Так, в выборке армян предикторами субъективного благополучия выступают приверженность этническому консерватизму и традиционализму, ингрупповой консолидации в ситуации неопределённости и риска.

Для русских предикторами субъективного благополучия выступают, прежде всего, возможность обращения к своему ближайшему окружению и его поддержка, проявление контактности и толерантности, стремления к интеграции с представителями других этнических групп, готовности следовать регламентированным правилам и нормам поведения в случае неудовлетворённости своей

повседневной деятельностью в условиях нестабильного социально-экономического положения. Субъективное благополучие, удовлетворённость своей жизнью русских во многом связаны с ожиданием поддержки от власти, отличающейся при этом авторитарностью [2].

Социальные представления как основание субъективного благополучия

Важным является этап нашего исследования, посвящённый вопросам взаимосвязи представлений о мире и субъективного благополучия личности [10]. Мы выявили, что субъективное благополучие переживается личностью сильнее, когда в представления о мире включены индивидуальный жизненный хронотоп и индивидуальная временная транспектива, сопровождающиеся наличием личностных ресурсов, ценностно-смысловых интенций, а также интеграцией многообразных жизненных отношений «Я», «Другие» и «Мы». Полагаем, что такое восприятие мира стимулирует накопление знаний, навыков, необходимость вносить вклад в общее устройство мира и стремление к самореализации. В целом это способствует нацеленности личности на будущее и уверенности в том, что сам человек является творцом событий, происходящих в мире, и собственного субъективного благополучия.

Противоположное восприятие мира, когда доминирует фиксация на внешних преградах, предзаданность жизненных событий, способствует акцентированию внимания на индивидуально-личностных интересах и их удовлетворении. При таком подходе главенствует прошлое, отчётливо прослеживаются цикличность, репродукция и гомеостаз жизненных событий, что способствует отказу от себя, сужению границ личностного пространства для развития, общения, личностного роста, самореализации и субъективного благополучия.

Небезынтересны и данные о социально-психологической детерминации оснований субъективного благополучия, коими выступают представления личности о благополучии. Их изучение, проведённое на выборке, включающей членов русской и армянской этнических групп [5], показало, что представления о благополучии в каждой этнической группе имеют свои отличительные черты, а ядерная структура формируется и поддерживается в процессе взаимодействия с членами как своей, так и других групп. Выявлены отличия в структуре представлений у двух этносов, исторически проживающих вместе, придерживающихся сходных религиозных взглядов, но имеющих языковые, климатические и иные отличия, которые наложили свой отпечаток на мировоззренческие установки и образ окружающего мира. В связи с этим возможно, что у армян более акцентировано внимание на эмоциональных аспектах благополучия, больше созерцательных и гармонизирующих внутреннее самочувствие. В представлениях о благополучии в русской этнической группе уравновешено переживание внутреннего эмоционального комфорта с положительными контактами с социальным окружением, так как важность добропорядочных отношений всегда отличала русскую культуру. Существующие представления о благополучии, подкреплённые субъектной позицией, являются в некоторых случаях пусковым механизмом к проявлению толерантности к членам своей и других этнических групп.

Исследование соотношения субъективного благополучия и социально-политических представлений этнических групп русского и казахского этносов позволило определить, что внешние факторы оценки субъективного благополучия в кризисный период (нестабильная политическая и экономическая ситуация в стране) играют определяющую роль для русских [4]. Выявлено сходство в оценках полити-

ческой ситуации, а различия — в остроте переживания межнациональных конфликтов (русские), отсутствии дружелюбности (казахи). Представления о благополучии в каждой этнической группе имеют свои отличительные черты, ядерная структура формируется и поддерживается в процессе взаимодействия как с членами своей, так и других групп.

Заключение

Полученные результаты могут быть положены в основу практических рекомендаций, направленных на формирование субъективного благополучия мигрантов (этнических меньшинств) путём интеграции национальной и общероссийской культуры в разные сферы жизнедеятельности и, что наиболее важно, на всех возрастных этапах [11]. Основная задача разработанных и апробированных нами рекомендаций заключается в предоставлении многонациональному населению базовых знаний, содержащих сведения об общей для всех народов и специфичной для конкретных этнических групп культуре и традициях, об особенностях межэтнического взаимодействия, о способах проявления уважительного отношения к национальным культурам, обычаям и традициям. Реализация предложенного направления, с одной стороны, способствует формированию толерантного отношения к разным национальностям, с другой — создаёт неприемлемое отношение к проявлениям и демонстрации межнационального тщеславия и эгоизма.

Таким образом, активное восприятие общечеловеческих и этнических ценностей, обычаев, традиций и проч. является хорошим механизмом, с помощью которого педагоги и психологи могут осуществлять эмоциональную и психологическую консолидацию многонациональных социумов, позволяя каждому конкретному представителю ощутить внутренний комфорт, душевное равновесие и субъективное благополучие.

В результате множественного регрессионного анализа, проведенного в рамках данного исследования, было установлено, что предикция субъективного благополучия осуществляется на личностном, этническом и гражданском уровнях. Это подтверждает общую гипотезу о многоуровневости его детерминации и непродуктивности поиска одной, единственно значимой детерминанты. Вариации субъективного благополучия обусловлены общими

социально-психологическими характеристиками личности представителей различных этнических групп. Вместе с тем имеются существенные различия в доле дисперсии, объясняющей вариации благополучия различных этнических групп. Все эти данные способствуют пониманию того, чем обусловлено субъективное благополучие представителей различных этнических групп и, соответственно, социальное поведение личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.
2. Бочарова Е.Е. Взаимосвязь субъективного благополучия личности и этнокультурных характеристик представителей контактирующих этносов // Современные исследования социальных проблем. Красноярск 2015, № 8 (52), С. 185–201. <http://journal-s.org/index.php/sisp/issue/view/82015>. doi: 10.12731/2218-7405-2015-8-15 (дата обращения: 10.04.2017).
3. Бочарова Е.Е. Этнопсихологический анализ структурных особенностей субъективного благополучия (на примере этнических групп Саратовского региона) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 3. С. 59–69.
4. Вагапова А.Р. Соотношение субъективного благополучия и социально-политических представлений этнических групп // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 4. С. 330–334. doi: 10.18500/2304-9790-2016-5-4-330-334.
5. Вагапова А.Р. Этногрупповые представления о благополучии и эмоционально-оценочное отношение к Другим // Психология обучения. 2014. № 12. С. 143–150.
6. Григорьева М.В. Сравнительный анализ структуры субъективного благополучия у представителей контактирующих этносов Поволжья // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: www.science-education.ru/118-14322. (дата обращения: 10.04.2017).
7. Куликов Л. В. Психология настроения. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1997.
8. Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
9. Тарасова Л.Е. Социальные представления о благополучии в диалоге цивилизаций // Вестник Удмуртского университета. Научный журнал. Серия: Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 101–106.
10. Усова Н.В. Взаимосвязь представлений о мире и субъективного благополучия личности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 450–453. doi: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-450-453.
11. Усова Н.В. Формирование субъективного благополучия мигрантов (этнических меньшинств) средствами интеграции национальной и общероссийской культуры в разные сферы жизнедеятельности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8–5. С. 818–821; URL: <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=10177> (дата обращения: 10.04.2017).
12. Хащенко В.А. Психология экономического благополучия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

13. Шамионов Р.М. Социализация личности: системно-диахронический подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 27. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.04.2017).
14. Шамионов Р.М. Уверенность в себе и базовые убеждения как предикторы субъективного благополучия русских и казахов // Психологические исследования. 2016. № 9 (45). С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.04.2017).
15. Шамионов Р.М. Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 4. С. 68–81.
16. Diener E. Culture and Well-being: The Collected Works of Ed Diener. London: Springer; N.Y.: Business Media B.V., 2009.
17. Galinha I.C.C., Pais-Ribeiro J.L. The Structure and Stability of Subjective Well-Being: a Structure Equation Modelling Analysis. Applied Research in Quality of Life. 2008, Vol. 3. Iss. 4. P. 293–314. doi:10.1007/s11482-009-9063-0.
18. Ryff C.D., Keyes C.L. The structure of psychological well-being revisited. Journ. of personality and social psychology. 1995. Vol. 69. № 4. P. 719–727.
19. Schimmack U. The Structure of Subjective Well-Being // Eid M., Larsen R.J. (Eds.). The science of subjective well-being. New York: The Guildford Press? 2008. P. 97–123.
20. Sheldon K.M., Cheng C., Hilpert J. Understanding well-being and optimal functioning: Applying the multilevel personality in context (MPIC) model. Psychological Inquiry. 2011. № 22 (1). P. 1–16.

ENGLISH

Structure and predictors of self-perceived well-being: ethno-psychological analysis

Shamionov Rail Munirovich is DSc in Psychology, Head of Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University (SSU), head of the project “Structure and predictors of self-perceived well-being: ethno-psychological analysis” (14-06-00250a).

E-mail: shamionov@mail.ru

Grigoryeva Marina Vladimirovna is DSc in Psychology, Professor, Head of Department of Pedagogical Psychology and Psychodiagnostics (SSU), researcher in the same project.

E-mail: grigoryevamv@mail.ru

Bocharova Elena Evgenyevna is PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Social Psychology of Education and Development (SSU), researcher in the same project.

E-mail: bocharova-e@mail.ru

Vagapova Alfiya Ravilevna is PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Social Psychology of Education and Development (SSU), researcher in the same project.

E-mail: al_fiya@bk.ru

Beskova Tatyana Viktorovna is PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Law Psychology, Forensic Expertise and Pedagogy, Saratov State Law Academy, researcher in the same project.

E-mail: tatbeskova@yandex.ru

Tarasova Lyudmila Evgenyevna is PhD in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Pedagogical Psychology and Psychodiagnostics (SSU), researcher in the same project.

Usova Natalia Vladimirovna is PhD in Psychology, Associate Professor at the Department of Social Psychology of Education and Development (SSU), researcher in the same project.

E-mail: usova_natalia@mail.ru

Ethno-cultural foundation of self-perceived well-being, differentiation of its universal and specific (ethnic) characteristics in accordance with the worldview of representatives of ethnic groups, socio-psychological and individual psychosocial predictors remains a poorly studied area of social psychology. The objective of this research is to conduct an ethno-psychological analysis of the structure and predictors of self-perceived well-being by means of a comprehensive and integrated approach. The conducted research shows that self-perceived well-being is a complex and structured socio-psychological construct with a number of interrelated components, each of which can be considered a relatively independent aspect of individual attitudes (to life, to oneself, to satisfying one's needs, integrated experiences, etc.). Predictors of self-perceived well-being may be considered from the standpoint of multilevel determination: personal, ethnic, and civil. It was established that self-perceived well-being is determined by the same socio-psychological characteristics in representatives of various ethnic groups or nations, but the level of determination and the correlation of the determinants are differentiated causing the differences in its formation and affecting the regulation of individual social behavior.

Keywords: individual, subject, self-perceived well-being, happiness, satisfaction, ethnic group, nation, perceptions, predictors.

REFERENCES

1. Argajl M. Psikhologiya schast'ya. SPb.: Piter, 2003.
2. Bocharova E.E. Vzaimosvyaz' sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti i etnokul'turnykh kharakteristik predstavitelej kontaktiruyushchikh etnosov // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. Krasnoyarsk 2015, № 8 (52), S. 185–201. <http://journal-s.org/index.php/sisp/issue/view/82015>. doi: 10.12731/2218-7405-2015-8-15 (data obrashcheniya: 10.04.2017).
3. Bocharova E.E. Etnopsikhologicheskij analiz strukturnykh osobennostej sub"ektivnogo blagopoluchiya (na primere etnicheskikh grupp Saratovskogo regiona) // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2016. № 3. С. 59–69.
4. Vagapova A.R. Sootnoshenie sub"ektivnogo blagopoluchiya i sotsial'no-politicheskikh predstavlenij etnicheskikh grupp // Izv. Saratov. un-ta. Nov. ser. Ser.: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2016. T. 5. № 4. S. 330–334. doi: 10.18500/2304-9790-2016-5-4-330-334.
5. Vagapova A.R. Etnogrupperovye predstavleniya o blagopoluchii i emotsional'no-otsenочноe ot-noshenie k Drugim // Psikhologiya obucheniya. 2014. № 12. S. 143–150.
6. Grigor'eva M.V. Sravnitel'nyj analiz struktury sub"ektivnogo blagopoluchiya u predstavitelej kontaktiruyushchikh etnosov Povolzh'ya // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2014. № 4. URL: www.science-education.ru/118-14322. (data obrashcheniya: 10.04.2017).
7. Kulikov L.V. Psikhologiya nastroyeniya. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 1997.
8. Sukharev A.V. Etnofunktional'naya paradigma v psikhologii. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2008.
9. Tarasova L.E. Sotsial'nye predstavleniya o blagopoluchii v dialoge tsivilizatsij // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Nauchnyj zhurnal. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2016. T. 26. Vyp. 4. S. 101–106.
10. Usova N.V. Vzaimosvyaz' predstavlenij o mire i sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2016. T. 16. Vyp. 4. S. 450–453. doi: 10.18500/1819-7671-2016-16-4-450-453.
11. Usova N.V. Formirovanie sub"ektivnogo blagopoluchiya migrantov (etnicheskikh men'shinstv) sredstvami integratsii natsional'noj i obshcherossijskoj kul'tury v raznye sfery

- zhiznedeyatel'nosti // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. 2016. № 8–5. S. 818–821; URL: <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=10177> (data obrashcheniya: 10.04.2017).
12. Khashchenko V.A. Psikhologiya ekonomicheskogo blagopoluchiya. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2012.
 13. Shamionov R.M. Sotsializatsiya lichnosti: sistemno-diakhronicheskij podkhod // Psikhologicheskie issledovaniya. 2013. T. 6. № 27. S. 8. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 10.04.2017).
 14. Shamionov R.M. Uverennost' v sebe i bazovye ubezhdeniya kak prediktory sub"ektivnogo blagopoluchiya russkikh i kazakhov // Psikhologicheskie issledovaniya. 2016. №9 (45). S. 5. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 10.04.2017).
 15. Shamionov R.M. Etnokul'turnye faktory sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti // Psikhologicheskij zhurnal. 2014. T. 35. № 4. S. 68–81.
 16. Diener E. Culture and Well-being: The Collected Works of Ed Diener. London: Springer; N.Y.: Business Media B.V., 2009.
 17. Galinha I.C.C., Pais-Ribeiro J.L. The Structure and Stability of Subjective Well-Being: a Structure Equation Modelling Analysis. Applied Research in Quality of Life. 2008, Vol. 3. Iss. 4. P. 293–314. doi:10.1007/s11482-009-9063-0.
 18. Ryff C.D., Keyes C.L. The structure of psychological well-being revisited. Journ. of personality and social psychology. 1995. Vol. 69. № 4. P. 719–727.
 19. Schimmack U. The Structure of Subjective Well-Being // Eid M., Larsen R.J. (Eds.). The science of subjective well-being. New York: The Guildford Press? 2008. P. 97–123.
 20. Sheldon K.M., Cheng C., Hilpert J. Understanding well-being and optimal functioning: Applying the multilevel personality in context (MPIC) model. Psychological Inquiry. 2011. № 22 (1). P. 1–16.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**А.В. НОВИКОВ,
Ю.Н. ГАРКУША***

Предварительные результаты исследований городища Усть-Войкарское-1 (Приполярная зона Западной Сибири) в 2012–2016 годах

Городище Усть-Войкарское-1 (Войкарский городок) расположено в Шурышкарском районе ЯНАО, в пойме протоки р. Горная Обь, на мысу, в 2,2 км к ССВ от с. Усть-Войкары. Территория, занимаемая городищем, представляет собой холм длиной около 100 м, вытянутый по линии С–Ю, и шириной до 50 м, высота холма варьирует от 7 до 11 м. Верхняя площадка неровная, длиной около 60 м, шириной 15–20 м (фото 1). Спецификой городища как археологического объекта является наличие мёрзлого культурного слоя, который начинается на глубине 0,4–0,7 м от дневной поверхности.

В 2003–2008 гг. работы на памятнике проводились под руководством А.Г. Брусницыной и Н.В. Фёдоровой [1, 2]. Авторы первых исследований отождествили городище с известным по письменным и фольклорным источникам XVI–XVII вв. остяцким (хантыйским) Войкарским городком, входящим в круг средневековых так называемых обдорских городков. На основании этих исследований М.А. Гурская получила первые

дендрохронологические даты: образцы древесины, взятые от построек, расположенных у подножья холма, были датированы XIV и XV вв., на вершине холма — XVII — концом XIX в. [3].

В 2013–2014 гг. сотрудник Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН А.Н. Шеин впервые провёл на памятнике геофизические исследования, включающие георадиолокацию, магнитную съёмку и электротомографию (сплошное электрическое зондирование). Общая площадь, обследованная геофизическими методами, составила 4590 м кв. [5, 6]. Методы, применяемые при поиске локальных линз мерзлоты, в данном случае подтвердили только одно: мерзлота на данном объекте *везде*, она не локализуется. Георадарная съёмка позволила выявить наиболее перспективные участки с остатками строений (они характеризуются быстрозатухающим сигналом). Электротомография в отдельных случаях позволила зафиксировать вертикальные стены конструкций и речные отложения у подножия

* **Новиков Андрей Владиленович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, руководитель проектов 13-01-18003е, 14-01-18089е, 15-01-18095е и 16-01-18077е «Изучение культурных слоёв с мерзлотой, полевая консервация и научная реставрация органических артефактов городища Усть-Войкарское I (ЯНАО)».

E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru

Гаркуша Юрий Николаевич — научный сотрудник ИАЭТ СО РАН, исполнитель перечисленных проектов.

E-mail: yunga1971@ngs.ru

Фото 1. Городище Усть-Войкарское-1. Вид на северный склон памятника

холма. Чётко локализовать явные контуры строений или места расположения очажных/отопительных конструкций ни один метод не позволил.

С 2012 г. исследования на памятнике ведутся под руководством А.В.Новикова. За 5 лет исследована площадь 302 м кв. [4–8]. На раскопах 2012–2016 гг. выявлены и изучены частично или полностью остатки 12 деревянных построек различного типа: крупные — с длиной стен 5–6 м и малые — с длиной стен до 3 м (фото 2). Зафиксированы последовательные этапы их строительства и перестройки, архитектурные особенности конструкций, различные технологические приёмы и детали. Выявлены общие принципы планировки посёлка [9–13].

Пространственное размещение сооружений определяется конфигурацией холма. Зафиксировано наличие центральной улицы (прохода) вдоль длинной оси поселения. Крупные постройки удалены на юг вдоль западного края холма, их

входы обращены на внутреннюю улицу, с которой соединялись небольшими коридорами. Периферийная, северная, часть занята плотной застройкой из небольших жилых строений, длина стен которых не превышает 3 м. Своеобразный архитектурный палимпсест может свидетельствовать об интенсивной строительной деятельности, поскольку возведение очередных строений было невозможно без частичного демонтажа уже существующих конструкций.

В исследованных постройках выявлены два типа очажных конструкций: в деревянных прямоугольных рамах, расположенных в центре жилищ, и в виде глинобитных чужалов, возведённых над округлыми ямами-углублениями по углам построек.

В процессе раскопок неоднократно зафиксированы следы различных ритуальных действий: преднамеренные погребения собак [14, 15], парное погребение людей в очаге [16]. Одним из ярких свидетельств ритуалов явилось обнаруже-

Фото 2. Городище Усть-Войкарское-1. Процесс археологических раскопок 2016 г. на площади построек № 10 и 10а. Вид с ЮВ

Фото 3. Городище Усть-Войкарское-1. Исследования 2016 г. Деревянный идол in situ в конструкции № 7

Фото 4. Городище Усть-Войкарское-1. Исследования 2016 г.
Постройка № 11 с погребением в очаге. Вид с В

ние в 2016 г. в нижних венцах конструкций № 7 и 9а деревянных плах с антропоморфными личинами (фото 3). Плахи были обнаружены при демонтаже конструкций, обе они лежали в основании стен с дверными проёмами, изображениями вверх. Длина плах 2,74 м и 2,42 м соответственно. Подобные крупные изображения идолов известны в этнографии хантов [17, 18], но на Войкарском городке они обнаружены впервые.

Неординарным событием является обнаружение в 2016 г. парного погребения внутри очажной конструкции жилой постройки № 11 [16] (фото 4). Планиграфические и стратиграфические наблюдения позволяют предположить, что время появления этого погребения — не позднее первой трети — середины XVII в.

Очажная конструкция, в которой было совершено погребение, имела прямоугольную форму длиной около 3 м и шириной около 0,9 м, располагалась в центральной части дома каркасно-столбовой конструкции, ориентирована продольной осью по линии восток–запад.

Очажная конструкция представляла собой раму, собранную из плах при помощи комбинации различных способов углового соединения. Западные окончания плах располагались встык со стеной постройки. Удалось проследить два венца очажной конструкции. С внешней стороны по периметру стенки очага укреплялись колами. Не исключено, что они также могли являться и основой для надочажной конструкции. Под костровое место был определён участок длиной 2,36–2,4 м, отделённый поперечной доской, установленной на ребро. С продольными стенками она соединялась встык и фиксировалась кольшечками.

Расположение очажной конструкции предопределило и ориентацию размещения умерших по линии восток–запад, при этом головами погребённые были направлены на запад (фото 5). Останки первого индивида (скелет «А») располагались вплотную к южной стенке очага, на левом боку; ноги согнуты в коленях, правая голень подтянута к тазу. Правая рука согнута в локте и вытянута вперёд,

левая согнута и направлена к лицевой части черепа, фаланги пальцев упираются в глазницы.

Второй погребённый (скелет «Б») располагался вплотную к северной стенке очага и останкам первого, на спине, с приподнятыми плечами, вытянуто. Судя по расположению костей скелета «Б», левая рука погребённого была согнута в локте таким образом, что предплечье размещалось вплотную к туловищу. Лучевые кости скелета «Б» лежали на грудной клетке. Правая рука располагалась вдоль туловища погребённого «Б», но была незначительно согнута в локте.

Кости голеностопа сохранились *in situ* только у правой ноги погребённого «А». В восточной части заполнения, превышая на 10–12 см уровень расположения останков, обнаружено компактное скопление частей голеностопного сустава и фаланги пальцев стопы.

Тела погребённых лежали на циновке, изготовленной из пучков травы. Под обоими скелетами сохранились фрагменты верхней одежды и деталей обуви. Отсутствие следов термического воздействия как на останках, так и на сопутствующих предметах, свидетельствует о том, что после совершения погребения очаг не использовался по прямому назначению.

Слой, под которым были погребены тела, состоял в основном из измельчённой древесины, перемешанной с уже остывшими на тот моментами угольками, золой. Вероятно, засыпка производилась предварительно выбранным заполнением этого же очага. В заполнении встречены единичные разрозненные мелкие фрагменты костей животных. Непосредственно над останками погребённого «А» вдоль скелета лежал кусок древесины длиной около 0,5 м.

Антропологические определения костных останков выполнили сотрудники ИАЭТ СО РАН к.и.н. Д.В.Поздняков и к.и.н. А.В.Зубова. Скелеты принадлежат двум взрослым мужчинам (скелет «А» — 35–40 лет, скелет «Б» — 40–45 лет). На черепах сохранились остатки волосяного покрова. В обоих случаях волосы коротко стриженные, тонкие, мягкие, светло- и тёмно-каштанового цвета. Морфологические особенности черепов позволяют с уверенностью отнести погребённых к представителям европеоидной расы. У обоих индивидов кости посткраниального скелета довольно массивные, с крупными эпифизами и хорошо выраженным мышечным рельефом. Одонтологические характеристики

Фото 5. Городище Усть-Войкарское-1. Исследования 2016 г. Погребение в очаге постройки № 11. Вид с В

погребённых также позволяют отнести их к западному одонтологическому стволу. Патологии зубной системы свидетельствуют об одинаковом составе диеты, включающей высокую долю углеводов, и о подверженности обоих индивидов пищевым стрессам в детском возрасте (младший из двух мужчин испытывал более частые и сильные пищевые стрессы, чем старший).

В настоящее время в Межинститутском секторе молекулярной палеогенетики ИЦиГ СО РАН, ИАЭТ СО РАН под руководством заведующего сектором к.б.н. А.С.Пилипенко проводятся палеогенетические исследования образцов, которые были получены из бедренных костей скелетов. В ходе предварительных исследований установлена высокая сохранность ДНК в останках, что позволяет провести полноценное генетическое исследование, включая митохондриальную ДНК, Y-хромосому, маркеры пола и родства индивидов. Генетически подтверждён мужской пол исследуемых индивидов. Получены предварительные данные по структуре митохондриальной ДНК и Y-хромосомы, которые отражают генетику по материнской и отцовской линиям. Результаты свидетельствуют о европейском (западно-евразийском) происхождении исследуемых индивидов. Независимые методы подтверждают предварительный вывод антропологов. Палеогенетическое исследование продолжается с целью более точной локализации генетических корней исследуемых индивидов среди популяций Европы.

Разная структура как митохондриальной ДНК, так и Y-хромосомы свидетельствует об отсутствии близкого родства индивидов по материнской или отцовской линиям. Вероятность более отдалённого родства индивидов уточняется.

Нерешённым остаётся вопрос об этнической атрибуции населения городища в разные периоды его существования. Северо-таёжную зону Нижнего Приобья, в которой расположен памятник, иссле-

дователи определяют как исторический ареал интенсивных контактов угорского и самодийского населения [19]. Неординарность контекста парного погребения вкупе с европеоидным типом захоронённых затрудняет его интерпретацию с помощью известных примеров погребальной практики коренных жителей Нижнего Приобья. Возможно, данное погребение в очаге связано с хорошо известными в археологии Западной Сибири примерами ритуалов оставления жилища [20].

За пять лет исследований памятника обнаружено около 4500 находок, из них 78% — изделия или их фрагменты и заготовки из органического сырья. Предметы из дерева, бересты, кожи и ткани требуют неотложной полевой консервации, так как при длительном залегании находок в мерзлоте они приобретали избыточную водонасыщенность. После извлечения таких артефактов из земли моментально начинается их деградация, что связано с воздействием кислорода, солнечных лучей и т.д. Все находки прошли процедуру полевой консервации под руководством ведущего художника-реставратора ИАЭТ СО РАН М.В.Мороз.

Хорошая сохранность предметов из органических материалов позволяет изучать технологические детали, в частности, тканей. Аспирант СурГПУ Ю.А.Сенюрина провела технологическое обследование 217 образцов тканых изделий [21]. Изученный текстиль разнообразен по характеристикам нитей, структуре, фактуре поверхности. Выделены три текстильные традиции:

- ◆ суконные ткани высокого качества. Для производства тонких, часто окрашенных суконных тканей с равномерной плотностью без ткацких ошибок была необходима специализация, которой не было у северных хантов. Считается, что в Сибири до конца XVIII в. данная текстильная традиция отсутствовала, эти ткани ввозились в основном из Европейской части России;
- ◆ ткани полотняного переплетения: толстый текстиль, изготовленный из ни-

тей домашнего производства и ткани очень хорошего качества (вероятнее всего, это текстиль мануфактурного производства или продукция из центров кустарных промыслов);

♦ ткани саржевого переплетения.

Таким образом, большая часть текстиля из Усть-Войкарского городища была привозной. Среди изученных образцов отсутствуют дорогие импортные ткани. Можно предположить местное изготовление суконных тканей домашней выработки (сермяги).

Сотрудники ИАЭТ СО РАН к.б.н. Н.А. Рудая и С.В. Жилич получили первые результаты палинологического исследования образцов культурного слоя Усть-Войкарского городища [22]. Культурные слои памятника сформированы органическими отложениями (обломками древесины, мелкими веточками, щепой, опилками и др.). Спорово-пыльцевые спектры иллюстрируют горизонтальное распределение палиноморф в различных частях жилых построек и межжилищного пространства. Растительность на территории поселения испытывала значительную антропогенную нагрузку и была, как правило, рудеральной. Отмечено использование трав в разном виде, а также лапника ели для различного рода покрытий пола внутри помещений. Выявлено стабильное присутствие спор копротрофных грибов. Также обнаружены яйца паразитического червя толстого кишечника человека — возбудителя трихоцефалёза.

Изучение Войкарского городка позволяет поставить вопросы о ранних этапах урбанистических процессов на севере Западной Сибири [23, 24]. Археологическое изучение «городков» аборигенного населения севера Западной Сибири второй половины II тыс. н.э. имеет сравнительно недолгую историю. Проведённые А.П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым исследования городища Ендырское I позволили авторам идентифицировать его как древний город Эмдер [25]. Существенно дополнили источниковую базу работы О.В. Кардаша на Надымском и Полуйском «городках» [26, 27]. Исследования Войкарского городка продолжают и развивают эту проблематику.

Изучение «городков» севера Западной Сибири позволяет предполагать, что ранние урбанизационные процессы на севере Западной Сибири, вероятно, происходили по двум линиям развития. Первая и очевидная — появление ранних городов путём их «произрастания» из «зёрен» российской государственности — острогов и форпостов, населённых служилыми людьми.

Вторая линия — это «включение» собственного социально-экономического потенциала и появление ранних городов как систем аккумуляции и перераспределения прибавочного продукта на местной этнокультурной основе, при этом российская колонизация Западной Сибири была катализатором собственных урбанистических процессов в аборигенной этнокультурной среде региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брусницына А.Г. Войкарский городок в XV–XIX веках (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. С. 22–32.
2. Фёдорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Вып. № 4 (41). Салехард, 2006. С. 11–17.
3. Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. С. 212–231.
4. Новиков А.В., Слюсаренко И.Ю., Швец О.Л., Ломов П.К. Предварительные результаты исследований на Войкарском городке в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, ан-

- тропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. Т. XVIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 262–266.
5. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Шеин А.Н. Археолого-геофизические исследования Войкарского городка в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2013 г. Т. XIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 305–309.
 6. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Шеин А.Н. Продолжение археолого-геофизических исследований Войкарского городка в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (новая серия). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 251–254.
 7. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Новикова О.И., Кениг А.В., Мороз М.В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок): продолжение исследований в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. Т. XXI. С. 365–369.
 8. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Новикова О.И., Кениг А.В., Мороз М.В. Предварительные результаты исследований городища Усть-Войкарское в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 393–397.
 9. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Некоторые особенности деревянного домостроительства аборигенного населения приполярной зоны Западной Сибири в XVII–XIX вв. (по материалам работ 2012–2013 гг. на Войкарском городке) // Баландинские чтения: Сборник статей Научных чтений памяти С.Н. Баландина (15–18 апреля 2014 г.). Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. Т. IX. Ч. 1. С. 28–36.
 10. Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Некоторые особенности архитектуры и пространственной организации Войкарского городка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (новая серия). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 142–145.
 11. Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Об одном из типов деревянных построек городища Усть-Войкарское (Нижнее Приобье): архитектурные особенности, археолого-этнографические параллели // Баландинские чтения: Сборник статей Научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. Т. X. Ч. 1. С. 51–61.
 12. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Особенности архитектуры и пространственной организации Войкарского городка (по материалам работ 2012–2014 гг.) // IV Северный археологический конгресс: Материалы (Ханты-Мансийск, 19–23 октября 2015 г.) / Отв. ред. Н.М. Чариркина; Правительство ХМАО – Югры; Ин-т истории и археологии УрО РАН; Уральский ФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Ин-т археологии и этнографии СО РАН; Ин-т археологии РАН. Екатеринбург, 2015. С. 190–192.
 13. Гаркуша Ю.Н. Об одном из типов «остяцких» жилых строений в Нижнем Приобье (по материалам археологического исследования городища Усть-Войкарское в 2015 г.) // Баландинские чтения: Сборник статей Научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск: НГУАДИ, 2016. Т. XI. С. 27–34.
 14. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Погребения собак на Войкарском городке // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 237–240.
 15. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Вопросы интерпретации погребений домашних собак на городище Усть-Войкарское // Вестник угроведения. № 2 (25): Научно-теоретический и методический журнал. Ханты-Мансийск: Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. 2016. С. 120–134.
 16. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Зубова А.В., Поздняков Д.В. Парное погребение в очаге жилой постройки (городище Усть-Войкарское) // Проблемы археологии, этнографии, антропо-

- логии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII (2016). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 389–392.
17. На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея: Альбом). М.: Художник и книга, 2006. С. 60. Изображения духа-покровителя в «священной» избе. Западная Сибирь. Тобольская губерния. Берёзовский уезд. Ханты (остяки). Собиранье С.В. Руденко. 1909–1910. № 1706–137.
 18. Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.) / Сост. и коммент. В. Темплинг; Вступ. ст. и коммент. С. Турова. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2002. С. 105.
 19. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: ИЭиА РАН, 1998. С. 88–89.
 20. Новикова О.И., Нестерова М.С. Археологические свидетельства ритуалов оставления жилища // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 218–220.
 21. Новиков А.В., Мухьярова А.Р., Сенюрина Ю.А. Тканые изделия из Усть-Войкарского городища // Молодой учёный. Казань, 2015. № 24. С. 833–836.
 22. Жилич С.В., Гаркуша Ю.Н., Рудая Н.А., Новиков А.В. Городище Усть-Войкарское (Нижнее Приобье): первые результаты палинологического исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 283–287.
 23. Новиков А.В. Древние города севера Западной Сибири: историческая реальность или метафора // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 645–647.
 24. Новиков А.В. Древние города севера Западной Сибири: феномен северной культуры или метафора? // «55 и выше». Международный этно-антропозоологический конгресс. Сборник экспертных материалов. Проект «Снежный сезон». 15–16 января 2014 г. МВК «Новосибирск Экспоцентр». Новосибирск, 2014. С. 68–74.
 25. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург: НПМП «Волот», 2001.
 26. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009.
 27. Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013.

**А.Г. СЕЛЕЗНЁВ, И.А. СЕЛЕЗНЁВА,
В.И. ГУТЫРА***

Горожане вне города: полевое этнографическое исследование новых экопоселений на территории Омской области

Я в лес бежал из городов...

Николай Гумилёв

Специфика объекта полевого этнографического исследования

Летом 2016 г. в рамках проекта Фонда было выполнено полевое этнографическое исследование новых экопоселений на территории Омской области. В качестве объекта исследования мы выбрали два типа экопоселений. Один тип возник на базе возрождения (изобретения) славянской языческой («славяно-ведической») культуры, второй – на принципах, развиваемых в рамках широко распространённого в России нового религиозного движения «Звенящие кедры России» (движение анастасиевцев). Объединяет оба движения их экологическая направленность.

Полевые этнографические работы были проведены в экопоселениях Омской области: на урочище Юрт-Бергам Муромцевского района, поселении Азь Градь Омского района (в основе этих поселений лежит идея возрождения «древнеславянских» тради-

ций), а также в анастасиевских поселениях Черноозерье (Имбирень) Саргатского района, Колобово (Малинкино) Муромцевского района, Берёзовка (Обережное) Горьковского района.

В отечественной науке пока относительно редки исследования антропологии постсоветских трансформаций и этнографической эмпирики новых социокультурных явлений. Экспедиция была призвана отразить современную тенденцию расширения исследовательского пространства полевой этнографии, её сдвиг в сторону изучения городских культур, меньшинств, нетрадиционных религиозных движений, неформальных субкультур, изобретаемых традиций и обрядности.

Специфика объекта полевого этнографического исследования обусловлена его особым, новым для отечественной этнографической науки качеством. Исследуемые группы состояли из горожан, по тем или иным причинам

* **Селезнёв Александр Геннадьевич** – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ), ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, руководитель проекта «Горожане вне города: этнографическое изучение новых экопоселений на территории Омской области» (16-01-18096е).

E-mail: seleznev@myttk.ru

Селезнёва Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, директор Сибирского филиала Института культурного и природного наследия, исполнитель того же проекта.

E-mail: ir_selez@mail.ru

Гутыра Валерия Игоревна – научный сотрудник ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, исполнитель того же проекта.

E-mail: gutira@mail.ru

уехавших из города и сформировавших вдали от него (зачастую просто в лесу) общины-поселения, реализующие свой идеал гармоничных отношений с природой. Естественно, что это новое для бывших горожан качество жизни порождает и новую культурную среду, стимулирует формирование подчас весьма причудливых приёмов взаимодействия с природой, специфических поведенческих норм, способствует активному мифотворчеству, изобретению новых и глубокой модернизации существующих традиций и обрядности. Эти явления и процессы по праву являются предметом полевой этнографии, а, следовательно, могут и должны изучаться этнографическими методами.

Формирование и идеологическая основа новых экопоселений на территории Омской области

Идеология нового религиозного движения «Звенящие кедры России», или «Анастасия», стала основанием для создания поселений анастасиевцев. Эти идеи изложены в 10 книгах духовного лидера движения писателя Вл. Мегре. По сюжету знания и мудрость автор получил

от мистической и обладающей сверхъестественными способностями таёжной женщины Анастасии. Несмотря на серьёзную критику, тексты Мегре оказали исключительное влияние на сознание весьма значительного числа людей. Для многих из них смыслом жизни стало воплощение созданного автором экологического идеала в действительность. Именно они покидают город, уезжают в лес, создают родовые поместья, основанные на принципах природопользования, описанных в книгах об «Анастасии». В короткий срок по всей стране (и даже за её рубежами) возникли десятки анастасиевских поселений. Согласно информации на сайте движения «Анастасия», в Омской области таких поселений шесть и по этому показателю регион находится в числе лидеров.

Одним из наиболее ранних является поселение Имбирень. Оно образовалось в 2002 г. рядом с деревней Черноозерье и в настоящее время состоит из 45 родовых поместий площадью приблизительно по 1 га, что соответствует рекомендациям «Анастасии». В поселении есть общий дом, своя школа, площадки для общих праздников и церемоний (фото 1). Около

Фото 1. Школа в поселении Имбирень (Саргатский район Омской области).
На переднем плане баннер поселения родовых угодий

Фото 2. План анастасиевского поселения Имбирень (Саргатский район Омской области). Отчётливо видны планы родовых поместий, выполненные в форме пчелиных сот. Снимок сделан в программе Google Карты, 2016 г.

15 семей живут здесь постоянно в течение всего года. Поселение строится по общему плану, геометрически поместья образуют форму пчелиных сот. Как пояснили информаторы, такая форма обусловлена тем, что прямые и острые углы угнетающе действуют на психику (фото 2).

Поселение Обережное возникло 3–4 года назад рядом с деревней Берёзовка. Оно относительно невелико, всего 15 поместий, при этом постоянно здесь живут лишь несколько человек. Тем не

менее, в деревне есть общий дом, а на территории поселения довольно обширная площадка для детских игр и проведения праздников. У поселенцев также есть генеральный план строительства, однако его контуры пока не вполне просматриваются.

Интересно, что новые поселения, возникающие рядом с давно существующими населёнными пунктами, получают и новые названия, наполненные особым смыслом. Так, название Имбирень представляет собой искажённую огласовку наименования местного озера Инберень (вероятно, от тюрк.-монгол. *бурень* — «озеро»). Поселенцы заменили в слове звуки и сейчас производят название от слова *имбирь*, что, по их мнению, больше подходит к их образу жизни. Название Обережное (так называется и некоммерческое партнёрство содействия организации и развитию деятельности экологического поселения) отражает, вероятно, концепт берега — одного из важнейших в идеологии движения.

Фото 3. Вид на родовое поместье. Анастасиевское поселение Колобово, Муромцевский район Омской области

Фото 4. Реконструкция «славянского капища», выполненная энтузиастами — приверженцами древнеславянских традиций. Урочище Юрт-Бергамак, Муромцевский район Омской области

Анастасиевское поселение Колобово (Малинкино) образовалось в 2007 г. на месте одноимённых деревень, которые давно были заброшены и пустовали. Основатель и идейный лидер колобовской общины Вячеслав приехал с семьёй из Литвы. К тому времени он и члены его семьи уже активно участвовали в экологическом движении и принадлежали к группе анастасиевцев. Сегодня их родовое поместье занимает 4 га, на которых расположены большой двухэтажный дом, разнообразные хозяйственные постройки, огороды (фото 3). Поместье находится в живописном месте на берегу реки, а в нескольких километрах от поселения раскинулись знаменитые озёра Данилово и Линёво, являющиеся традиционной зоной отдыха. На территории поместья высаживается много дубов, хвойных и других пород деревьев.

Всего на поселении активно развиваются 4–5 родовых поместий, где круглогодично проживают до 10 человек. Кроме того, два поместья находятся неподалёку от деревни Малинкино.

Урочище Юрт-Бергамак расположено на месте ныне не существующей одноимённой деревни. В полутора километрах находится деревня Окунево, где в течение последних двух с лишним десятилетий возник мощный сакральный центр.

В Юрт-Бергамаке строительство нового поселения началось в 2012 г. Инициаторами нового проекта выступила группа, первоначально входившая в окуневскую общину сторонников древнеславянского язычества. При этом они объявили себя так называемыми нереестровыми казаками. К 2012 г. наметились разногласия этой группы с общиной Окунева, носившие идейный характер: окуневская община, иронично называемая «окунями», обвинялась в излишней коммерциализации и чрезмерном усилении туристско-развлекательной составляющей.

Новый проект в Юрт-Бергамаке задумывался как сугубо антиконсьюмеристский и экологически ориентированный. Будущее поселение было тщательно спроектировано. Поместья должны были располагаться по окружности, в центре предполагалось возвести величественный храм, посвящённый славянским богам. Здесь же планировалось установить их статуи (чуры). Главной сакральной зоной поселения стало обширное, около 30 м в диаметре капище, отражающее местные мифологические представления об устройстве культовых сооружений славян языческой поры [1, с. 50–52] (фото 4).

Первый раз приехав сюда в 2013 г., мы обнаружили только одну жилую землянку (фото 5) и несколько построек в раз-

Фото 5. Интерьер жилой землянки. Урочище Юрт-Бергамак, Муромцевский район Омской области

ной степени готовности. Тогда мы взяли большое интервью у Игоря – одного из инициаторов проекта. Он обладает яркой, характерной внешностью, его портрет появился на обложке редактируемого известным писателем-сатириком М. Задорновым журнала «Оксюморон». Летом 2016 г. мы с удивлением узнали, что Игорь двумя годами раньше покинул поселение и, по словам оставшихся жителей, уехал на Украину «заниматься миротворческой деятельностью». Фактически в настоящее время в поселении продолжается строительство только двух поместий. Идеология поселенцев базируется на принципах независимости от каких-либо социальных (а тем более государственных) объединений и на почитании древнеславянских богов.

«Новая русская деревня» Азь Градъ – это в основном личная инициатива омского предпринимателя Андрея Никитенко. Замысел проекта возник в 2008 г., активное строительство началось в 2012 г.

В настоящее время Азь Градъ, пожалуй, самое масштабное в Омской области предприятие, направленное на создание гармоничного экологического поселения. Площадь поселения – около 100 га и оно создано в лесу, вне какой-либо привязки к существующим населённым пунктам. Построено большое число жилых и общественных сооружений, в том числе обширная трапезная с кухней, столовой, несколькими залами для праздничных ритуалов и других общественных мероприятий (фото 6), гостиница, Музей топора. Только за последний год на поселении были сооружены кузнечная мастерская, баня «по-чёрному», яма для выжига древесного угля.

При строительстве жилых и хозяйственных сооружений применены разнообразные архитектурные приёмы, например, дома выполнены в сферической и призматической формах, построена изба на «курьих ножках» (на свайных опорах) и т.д. (фото 7). Используются

оригинальные строительные технологии сооружения стен и мебели из прессованной соломы (правда, поселенцы, признавали, что такая технология не совсем себя оправдала в условиях суровой сибирской зимы). Применяются новые технологии кладки печей и выпечки бездрожжевого хлеба. На поселении есть общественные сооружения: игровые и спортивные площадки и даже «контактный зоопарк», в котором живёт только одна обитательница – зубриха Маня.

Поселение не имеет выхода к водным источникам, однако на нём создана обширная сеть прудов и каналов в соответствии с учением о пермакультуре известного австрийского фермера Зеппа Хольцера.

Идеология поселенцев строится на неорационалистских ценностях родовых поместий, апелляции к «русскости» и ведической природе исконной славянской культуры. При этом активно эксплуатируется патриотический тренд. Так, во время пребывания в Азь Граде мы слышали трансляцию лирических советских песен, а на самом видном месте был вывешен плакат с цитатой Президента В.В.Путина

о патриотизме. Характерно, что само название поселения является намеренной огласовкой термина Асгард Ирийский. Последний, согласно мифологии приверженцев одной из самых радикальных современных религиозных группировок – Церкви староверов-инглингов, обозначает название города, который существовал тысячелетия назад на месте Омска. Общественность Омска была шокирована, когда в ходе своего публичного выступления этот набор идей изложил обладатель одного из родовых поместий в Азь Граде и одновременно личный друг А.Никитенко народный артист России А.Михайлов [2].

При поселении создана Русская академия знаний, умений, мастерства (РАЗУМ), в которой приглашённые учителя («профессора») учат «студентов» различным ремёслам: печному, строительному, кузнечному и пр. Проведено уже несколько образовательных сессий Академии. В 2016 г. мы взяли большое интервью у Дмитрия (26 лет), подробно рассказавшего нам об обучении кузнечному мастерству. Мы также осмотрели недавно построенную кузницу и углежённую яму (фото 8).

Фото 6. Общественное сооружение («трапезная»).
Поселение Азь Град, Омский район Омской области

В целом проект носит коммерческий характер. Въезд, экскурсии, развлекательные услуги (например, катание на тройке) платные. Взимается плата и за обучение в РАЗУМе.

Новые практики освоения пространства, ритуалы и мифология

Вне зависимости от времени основания все рассматриваемые поселения находятся в стадии строительства. Лидер колобовской общины Вячеслав объяснил суть деятельности по творческому преобразованию пространства: *«Мы считаем самое важное работать на пространство — посадить, распланировать, а потом видишь, как это всё растёт, меняется на глазах — какая радость! Заложили про-*

грамму, и она сама развивается, только чуть-чуть в начале помогаешь, подкормить там надо что-то, что-то ещё...».

Обычно в рамках поместья проектируют строительство дома, ремесленной мастерской, различных хозяйственных построек. Как уже отмечалось, иногда жилища имеют нестандартные архитектурные формы и детали декора, отражающие культурно-религиозную специфику. Андрей из Обережного уже третий год (включая зимы!) живёт в конической каркасной постройке, которую все называют чумом. Данное жилище он считает вполне комфортным. Практически все интервью содержат мотив преодоления поселенцами сложных природных условий Сибири, готовности к радикальной смене образа жизни.

Фото 7. «Избушка на курьих ножках». Поселение Азь Град, Омский район Омской области

Растениеводство, точнее разведение огородных культур, получило развитие практически во всех поместьях. Основу технологии земледелия выражает афоризм: «меньше копать – больше мульчировать». Применяются модные для такого рода общин технологии, вроде уже упоминавшейся пермакультуры. В хозяйстве Степана и Ирины из Имбирени выкопаны пруды, вода используется для питья и полива. Плоды огорода в большом количестве заготавливаются на зиму. Обширные, добротные выполненные погребя являются обязательным элементом поместий с круглогодичным проживанием. Анастасиевцы высаживают на территории поселений и в окрестных лесах много экзотических для лесостепной зоны Сибири деревьев: кедров, дубов и т.п. Церемония посадки деревьев практикуется в ходе коллективных общинных праздников.

В предтаёжной зоне (Юрт-Бергамак) развиты сбор и приготовление иван-чая. Сырьё подвергается глубокой обработке, применяется несколько стадий его ферментации. Реализация иван-чая составляет солидную статью дохода поселенцев. Повсеместно развит сбор дикоросов: грибов, ягод, трав. Степан из Имбирени занялся бортничеством. По его словам, при изготовлении колод и сборе мёда он применил технологию, описанную в книгах об «Анастасии».

Большинство наших информаторов сознательно ограничивает потребление мяса, а многие являются вегетарианцами. При этом все подчёркивают, что никаких специально предписанных пищевых запретов не существует, ограничения носят сугубо добровольный характер. Крупный рогатый скот и лошадей мы видели только в поместье в Азь-Граде. Глава поместья в Юрт-Бергамаке Максим мечтает завести коня: «Он и в хозяйстве пригодится и для

Фото 8. Интерьер кузницы. Поселение Азь Град, Омский район Омской области

езды. И, вообще, какой казак без коня?...». В хозяйствах анастасиевцев разводят домашнюю птицу и коз. Последние являются источником молочных продуктов. Вообще освоению земли в идеологии новых культурно-религиозных движений отводится особая роль. В ходе одной из бесед мы записали оригинальную интерпретацию известного афоризма: «Русская деревня будет возрождаться эзотерической молодёжью».

Хозяйственные занятия сопровождаются изобретением причудливых мифологических мотивов. В Юрт-Бергамаке нам с энтузиазмом излагали широко распространённый неотрадиционалистский миф о древне-славянском чудо-хлебе из муки амаранта. Имеющаяся в любом источнике информация о происхождении этой зерновой культуры из Америки строительству мифа ни в коей мере не препятствует.

Содержание ритуальной и праздничной обрядности зависит от идейно-религиозных воззрений членов общины. Поселенцы Юрт-Бергамака проводят языческие ритуалы на капище и участвуют в праздниках, которые устраиваются славянской общиной в Окуневе. Важнейшими из них являются праздник Перуна и Солнцестояние (Купала). Ход этих

праздников обрастает мифологическими сюжетами. Нам рассказали об эпизоде, имевшем место во время праздника Перуна в июле 2015 г. В момент, когда пламя ритуального костра взмыло вверх, на небе появилась тучка и блеснула яркая молния. «*Это Дед (Перун. – Авт.) явил нам знак своего могущества*», – заключили наши собеседники.

Обрядность приверженцев движения «Анастасия» находится в стадии формирования и варьирует в зависимости от принадлежности к той или иной общине. Праздничные события приурочиваются к славянскому календарю и происходят по личной инициативе поселенцев. Обычно на вечерках водят хороводы, поют народные песни. В поселениях для этих мероприятий отведены специальные площадки с круглыми беседками. Важное место в обрядности анастасиевцев занимают так называемые брачные слёты, на которых молодые люди ищут «половинки» из своей среды. Наблюдается тенденция к созданию своеобразной внутриобщинной эндогамии.

Общим для всех участников движения является установленный «Анастасией» День Земли – 23 июля (это же и день рождения Вл. Мегре). В 2016 г. на поселении Имбирень участникам экспедиции удалось принять участие в этом празднике. Местом празднования стала центральная площадка поселения и построенная здесь же школа. Одежда поселенцев была стилизована под «славянские» костюмы: женщины нарядились в длинные сарафаны (у некоторых были полностью покрытые головы или декоративные ленточки), мужчины – в косоворотки, но были и одетые в обычные рубашки и брюки (фото 9). Собралось свыше 20 человек. Сначала состоялась общая трапеза, на которой с поздравлением выступил неформальный лидер общины Александр. Затем начались танцы. Водили хороводы, в ходе которых провозглашались здравицы в честь «матушки-земли»: «*будь здорова, матушка-земля*», «*плодородия тебе,*

матушка-земля», «*побольше тебе детишек, матушка-земля*». Потом стали танцевать кадрили. Завершилось празднование коллективными играми.

Весьма радикальны установки анастасиевцев на вопросы рождения, воспитания и образования детей. Приветствуются домашние роды в купели. В Колобово мы видели маленькую Настасью, дочь Антонины, появившуюся в результате таких родов. При этом купель хранится дома в качестве сакрального объекта, и её оберегают от чужих глаз.

Члены анастасиевских общин категорически отказываются от каких-либо прививок детям. По достижении школьного возраста дети переводятся на домашнее обучение. Респонденты признают проблему несоответствия положений, излагающихся на уроках официальной школы, с доктринами относительно устройства окружающего мира, пропагандирующимися внутри общин. «*Представляете*, – возмущённо говорил нам один из поселенцев, – *они там дошли до того, что преподают, что человек произошёл от обезьяны*». Вячеслав, один из лидеров колобовской анастасиевской общины, предлагает сложившуюся непростую коллизию решать следующим образом: на официальных уроках хитрить, говорить то, что ожидают учителя. При этом про себя придерживаться принятых в общине доктрин. Он также отметил, что два его сына, обучающиеся дома, успешно сдают квалификационные испытания и ни в чём не отстают от своих сверстников – учащихся обычной школы. В Имбирени поселенцы построили здание школы, но пока не могут выработать общие принципы и программы, на основе которых мог бы осуществляться образовательный процесс.

Полученные нами материалы содержат данные об отношении поселенцев к власти. Устойчивым является мотив сакрализации национального лидера. Мы уже упомянули о плакате в Азь Граде с высказыванием В.В.Путина о патриотизме. Ориги-

Фото 9. Участники празднования Дня Земли, 23 июля 2016 г. Анастасиевское поселение Имбирень (Саргатский район Омской области)

нальную тракторку вызвавших общественный резонанс событий предложил идеолог анастасиевского поселения Имбирень Александр. Он высказал предположение, что широко обсуждавшиеся эпизоды, когда Президент на какое-то время исчезал с экранов телевизоров, объясняются тем, что в эти периоды он встречался с «Анастасией» и консультировался относительно будущего развития России, знакомился с новыми экологическими книгами.

Для анастасиевского движения характерна некоторая закрытость их общин. Отдельные наши собеседники отказывались фотографироваться, но не возражали против фотосъёмки двора, огорода и т.п. В ходе одного интервью респондент выступил против использования диктофона, мотивировав это тем, что общение должно быть без технических посредников — «глаза в глаза». Степан из Имбире-

ни сетовал, что жители соседней деревни Черноозерье проявляют в отношении поселенцев недоверие и неприязненность, третируют их как сектантов.

Иное мнение мы услышали в Обережном: там местные жители отзывались о поселенцах уважительно, отмечали их трудолюбие и упорство в освоении территории в тяжёлых условиях. Они употребляли слово «сектанты», но контекст был ироничным по отношению к такому разделению людей на своих и чужих. Глава Курганского сельского поселения (куда территориально входят Колобово и Малинкино) Сергей Речкин характеризует колобовских и малинкинских поселенцев как трудолюбивых, крепких хозяйственников и ставит их в пример остальным жителям. Кроме того, поселенцы активно участвуют в культурных мероприятиях, проводимых в Курганке или даже в районном центре Муромцево, используя стилизованные под «славянские» костюмы.

Отношение поселенцев к городу и городскому образу жизни неоднозначно (ср.: [3]). Город они воспринимают как тёмное мёртвое пространство, где ростки жизни задушены бетоном и асфальтом. Степан и Ирина из Имбирени принципиально не пользуются электричеством, мотивируя это тем, что в жизни нужно следовать природному циклу смены дня и ночи. При этом электричество в поселении подключено и не лимитировано. В то же время радикальный разрыв с городом невозможен.

Живущий в «чуме» Андрей является математиком по образованию и по Интернету получает задания на разработку компьютерных программ. В доме Антонины из Колобово мы увидели полный набор бытовой техники: холодильник, стиральную машину, телевизор, компьютер. Она, в отличие от других поселенцев, употребляет в пищу молочные продукты, в том числе фабричное сгущённое молоко. Впрочем, это объясняется тем, что она кормит дочь Настасью. У других на-

ших собеседников в городе остался бизнес или есть доход от сданной в аренду квартиры.

* * *

Жёсткие реалии социального и природного окружения серьёзно корректируют книжную мифологию современных экопоселений. Двойственность положения части городского социума, с той или иной степенью радикализма порвавшего с городской средой, представляет собой, вероятно, один из наиболее важных аспектов феномена новых экопоселений.

Духовный дауншифтинг, экзотические восточные культы и практики, неязыче-

ство, антиконсюмеристские и экологические движения всё в большей степени оказывают воздействие на социокультурные процессы, протекающие в современном российском обществе, и настоятельно требуют адекватного научного отражения.

Ещё раз подчеркнём важность полевых этнографических методов в изучении указанных феноменов. Прямой и непосредственный контакт с представителями субкультурных движений в конечном счёте будет способствовать взвешенной, объективной оценке их места в сегодняшнем культурном ландшафте нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селезнёв А.Г. Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 41–59.
2. Селезнёва И.А. Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 59–73.
3. Яшин В.Б. Город в картине мира русского неоязычества: истоки и интерпретация символики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3–1 (53). С. 214–217.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Ю.М. КОРШУНОВ*

Российско-германский научный colloквиум «Столетие российской и германской революций 1917–1918 годов» (Москва, 6–7 июля 2017 г.)**

6–7 июля 2017 г. в Москве, в Российской академии наук в рамках XX юбилейного заседания Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений (Комиссия)¹ состоялся российско-германский научный colloквиум на тему «Столетие российской и германской революций 1917–1918 годов».

Заседание Комиссии и colloквиум были организованы и проведены при поддержке Министерства иностранных дел России, Уполномоченного Федерального правительства по делам культуры и средств массовой информации (ФРГ), Российского фонда фундаментальных исследований, Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М.Горчакова, Института всеобщей истории (ИВИ) РАН и Института современной истории (ИСИ, Мюнхен-Берлин, ФРГ).

Colloквиум начался в Президентском зале нового здания Президиума РАН. В церемонии открытия приняли участие директор Третьего евро-

пейского департамента МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ С.Ю.Нечаев, Председатель Совета РФФИ академик В.Я.Панченко, Чрезвычайный и Полномочный Посол ФРГ в России Р. фон Фрич.

В приветствии Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова, которое огласил С.Ю.Нечаев, подчёркивалось, что плодотворный обмен мнениями историков России и Германии вносит существенный вклад в поддержание доверия и взаимопонимания между двумя странами. В нынешней непростой ситуации в Европе, в условиях непрекращающихся попыток исказить прошлое в конъюнктурных целях продолжение взаимоуважительного диалога учёных приобретает особое значение.

В своём приветствии С.В.Лавров отметил успешную работу Комиссии. За два десятилетия удалось открыть немало неизвестных страниц общей истории, дать взвешенную оценку целому ряду важных событий. Глубокого

* **Коршунов Юрий Михайлович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, член Оргкомитета мероприятия.
E-mail: mmy2002@mail.ru

** Проект 17-01-14033г.

¹ Комиссия была создана в 1997 г. по инициативе Президента России Б.Н.Ельцина и Канцлера ФРГ Г.Коля для более детального изучения российско-германских отношений в XX в.

уважения заслуживает работа Комиссии по прояснению судеб военнопленных двух мировых войн, а также узников концлагерей, граждан, угнанных на принудительные работы в годы Великой Отечественной войны.

Оценивая актуальность темы коллоквиума, Министр иностранных дел выразил надежду, что итоги обсуждения придадут дополнительный импульс совместной борьбе с фальсификацией истории, будут способствовать углублению двустороннего сотрудничества в гуманитарной сфере.

Посол ФРГ в Российской Федерации Р. фон Фрич, историк по образованию, обратил внимание присутствующих, что XX юбилейное заседание Комиссии — это особая дата в германо-российском диалоге в сфере исторических исследований, и выразил благодарность представителям нескольких поколений германских и российских историков, принимавших участие в её работе (фото 1).

В понимании германской стороны заседания Комиссии за прошедшие 20 лет стали особым форматом доверительного и открытого диалога. Успех данного формата проявляется и в том, что его модель перенимают в других странах, в чём нет ничего удивительного: такая модель предлагает открытое пространство для честного и непосредственного обмена знаниями и информацией между экспертами, пространство, в котором могут звучать различные точки зрения, вестись жаркие дискуссии. Академическая свобода позволяет добиться таких заметных успехов, как издание совместного германо-российского учебника по истории, один из томов которого, посвящённый XX веку, вышел в свет. Желательно, чтобы это пособие нашло максимально широкое применение в образовательных учреждениях обеих стран.

Посольство ФРГ в России на сегодняшний день столь же активно, как и прежде, разделяет основную задачу Комиссии — партнёрское и открытое изучение нашей многогранной, зачастую противоречивой истории. Нынешняя политиче-

ская ситуация явно демонстрирует, что такой фундамент является необходимым условием сосуществования будущих поколений. Р. фон Фрич предложил рассмотреть вопрос об учреждении стипендиальной программы для молодых учёных из Германии и России, проводящих архивные изыскания и публикующих результаты своих научных исследований. Господин Посол пожелал участникам мероприятия удачи в расширении исторических мостов между Россией и Германией.

Одним из таких исторических мостов является Российская революция, столетию которой посвящён коллоквиум в рамках заседания Комиссии. Революционные события и их последствия являются неотъемлемой частью нашего общего прошлого. Как жители Германии и России смотрят на этот феномен мировой истории сегодня? Какое значение он имеет для современной молодёжи и будущих поколений? Какие уроки мы извлекли из того времени? Эти вопросы остаются актуальными и в условиях нынешней политической реальности.

В любом случае, подчеркнул Посол ФРГ, неоспоримым является тот урок, который стал результатом трагедий XX века и которому Германия старается следовать в проводимой ею политике: каждый новый порядок, создаваемый после Второй мировой войны, должен ориентироваться на правила и договорённости, соблюдение которых обязательно для всех, особенно для так называемых «крупных игроков». Никому не должно быть позволено распоряжаться правом так, как ему заблагорассудится, и определять судьбу своих соседей по собственному усмотрению, а тем более — путём применения силы.

Завершая выступление, Р. фон Фрич анонсировал открытие в октябре Германским историческим музеем в Берлине совместно со Швейцарским национальным музеем и российскими партнёрами масштабной выставки «1917 год. Революция. Россия и Европа».

Фото 1. Посол ФРГ в Москве Р. фон Фрич обращается с приветствием к участникам заседания Комиссии и colloquiuma

Научная часть colloquiuma состояла из следующих тематических разделов:

- ◆ Вводной сессии (ведущий В.В. Ищенко, к.и.н., ИВИ РАН; выступившие с докладами эксперты: В.П. Булдаков, д.и.н., гл.н.с. Института российской истории (ИРИ) РАН — «Российская революция 1917 года в российских исследованиях»; Х.Альтрихтер, д.и.н., Университет им. Александра Фридриха, Эрланген-Нюрнберг — «Российская революция 1917 года в германской историографии»; Й.Баберовский, д.и.н., Университет им. братьев Гумбольдт, Берлин — «Российская революция 1917 года и становление суверенной диктатуры»);
- ◆ Сессии «Российская революция 1917 года: фронт и тыл» (ведущий Х.Мёллер, д.и.н., ИСИ; выступившие с докладами эксперты: Ю.А.Петров, д.и.н., директор ИРИ РАН — «Экономика и революция: положение в тылу»; Й.Леонхард, д.и.н., Университет им. Людвига Альберта, Фрайбург — «Влияние Германии на Российскую революцию, 1917–1918 гг.»; В.С.Христофоров, д.ю.н., гл.н.с. ИРИ РАН — «Угрозы безопасности России накануне и в период революции 1917 года»; В.Б.Аксёнов, к.и.н., с.н.с. ИРИ РАН — «Власть и общество в отражении взаимных слухов: информационно-психологический кризис как фактор революции 1917 года»);
- ◆ Сессии «Революция в империи: центр и периферия» (ведущий В.С.Мирзеханов, д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН; выступившие с докладами эксперты: А.В.Шубин, д.и.н., гл.н.с. ИВИ РАН — «Национальные проблемы в Российской революции 1917 года»; Т.Пентер, д.и.н., Университет им. Карла Рупрехта, Гейдельберг — «Революция на Украине»; И.В.Нарский, д.и.н., Южно-Уральский государственный национальный исследовательский университет, Челябинск — «Российская революция 1917 года и движение населения»; К.Брюггеман, д.и.н., Университет г. Таллин, Эстония — «Революция в Прибалтике»);
- ◆ Круглого стола «Влияние Российской революции 1917 года на мировое развитие» (ведущий А.К.Сорокин, к.и.н., директор Российского государственного архива социально-политической

Фото 2. Выставка книг о Революции 1917 года, изданных при поддержке РФФИ

истории; выступившие с докладами эксперты: А.Виршинг, д.и.н., директор ИСИ — «Франция»; М.-Л.Рекер, д.и.н., Университет им. И.В.Гёте, Франкфурт-на-Майне — «Великобритания»; Х.Воллер, к.и.н., ИСИ — «Италия»; А.Ю.Ватлин, д.и.н., МГУ им. М.В.Ломоносова — «Германия».

Участники коллоквиума сформулировали новые подходы к исследованию экономической истории Российской революции 1917 года, роли идеологического и внешнего факторов в развитии революционного процесса, проблем безопасности нашей страны в рассматриваемый период, значения информационно-психологического и демографического аспектов вопроса, соотношения национальной и региональной специфики в развитии

революционной ситуации на пространстве охваченной кризисом Российской империи. Были проанализированы и сопоставлены все новые направления в изучении истории Российской революции 1917 года в отечественной и зарубежной историографии.

Большой интерес участников мероприятия вызвала выставка научных изданий, опубликованных при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, которая непосредственно перекликалась с научной тематикой коллоквиума². На выставке было представлено более 200 книг, освещающих основные аспекты Революции 1917 года, такие как политическая и социальная история; международное положение России в революционную эпоху; экономика России;

² Выставку подготовили сотрудники Отделения по гуманитарным и общественным наукам РФФИ: начальник Управления гуманитарных наук В.П.Гребенюк; главный специалист Издательского отдела Л.С.Крёкшина; советник Управления региональных, международных и целевых конкурсов Я.В.Смирнова, а также дизайнер В.И.Лебедев.

Фото 3. Директор Третьего европейского департамента МИД России С.Ю. Нечаев выступает в «Белом зале» Дома приёмов МИД России

политическое развитие страны в предреволюционный и революционный периоды; политические партии в российских революциях; наука, культура, церковь и революционные события; деятели предреволюционного и революционного времени; революция 1917 года глазами современников (фото 2).

Учитывая общественную значимость многолетней работы Комиссии, Министерство иностранных дел Российской Федерации вечером 6 июля в Доме приёмов МИД России провело торжествен-

ное заседание, которое открыл директор Третьего европейского департамента МИД России С.Ю. Нечаев (фото 3).

Присутствующим на приёме российским и немецким учёным была представлена выставка книг, вышедших с грифом Комиссии, и дипломатических документов в виде обмена нотами между внешнеполитическими ведомствами двух стран о российско-германском сотрудничестве в области науки, культуры и образования, а также учредительные документы самой Комиссии.

**В.Н. БАРЫШНИКОВ,
П.А. КРОТОВ***

XIX Научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 2017 г.)**

Конференция состоялась под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии. Форум был организован Институтом истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) и Русской христианской гуманитарной академией (РХГА). Эта научная конференция имеет давнюю историю и сложившиеся традиции.

Первый такой научный форум прошёл в 1999 г. и был организован в рамках «Петербургских чтений», которые проводились в русле подготовки материалов Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». С 2000 г. конференция приобрела вполне самостоятельный характер, став единым форумом скандинавистов-исследователей, занимающихся изучением исторического, экономического и культурного взаимодействия скандинавских стран и Финляндии с Санкт-Петербургом. Постепенно задачи конференции расширились, а её организаторы отошли от чисто регионального подхода. Участникам конференции предложили

рассматривать самый широкий круг проблем взаимодействия государств Северной Европы с нашей страной во всём историческом диапазоне. Тогда же определились и основные принципы построения работы конференции, когда наряду с пленарными заседаниями обсуждения докладов проходят на четырёх секциях, где отдельно рассматриваются вопросы экономики, войны и политики. Традиционно работают секции «Балтийское море: сотрудничество и противостояние», «Исторические источники, взгляды и оценки» и «Наука, культура и религия».

Одна из главных задач организаторов конференции, связанная с идеей возрождения в России научных форумов скандинавистов и сохранения в Санкт-Петербурге центра по изучению стран Северной Европы, в значительной мере оказалась воплощённой в жизнь. Наиболее интересные доклады участников конференции в 1999 и 2001–2016 гг. раз в год публиковались в специализированном сборнике, который с 2016 г. вошёл в базу Российского индекса научного цитирования.

* **Барышников Владимир Николаевич** — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), председатель Оргкомитета конференции.

E-mail: vbaryshnikov@mail.ru; v.baryshnikov@spbu.ru

Кротов Павел Александрович — доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ, член Оргкомитета конференции.

E-mail: pav_krotov.naval@mail.ru

** Проект 17-01-14032г.

Проводимая в течение почти 20 лет научная конференция оказалась базовой для организации и другого ежегодного форума, посвящённого, в первую очередь, истории советско-финляндских отношений. Эта конференция проводится в Выборге либо посёлке Ильичёво. За последние шесть лет организована ещё одна международная конференция, посвящённая истории скандинавских стран. Она проходит в Российском центре науки и культуры в Хельсинки. По итогам проведения этих форумов был издан ряд тематических научных сборников.

XIX научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» также традиционно проходила при участии историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут свои исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. В конференции приняли деятельное участие учёные Санкт-Петербургского государственного университета, Русской христианской гуманитарной академии, исследователи Российской академии наук, ряда музеев и архивов, а также зарубежные специалисты.

Участники конференции стремились наибольшее внимание уделять вопросам, связанным с юбилейными датами отношений Санкт-Петербурга и России в целом со скандинавскими странами и Финляндией. В этом плане центральным явилось обсуждение проблемы влияния Великой русской революции на историю российско-скандинавских отношений и проблемы изучения этой истории в предшествующий период. На пленарном заседании д.и.н., профессор В.Н.Барышников (СПбГУ) осветил вопрос, связанный с ролью и значением дореволюционной российской историографии в изучении стран Северной Европы и формировании современной скандинавистики. Он отметил, что Революция 1917 г., а также последовавшая за ней Гражданская война пагубно повлияли на развитие российской скандинавистики. Исследователь поддержал мнение про-

фессора А.С.Кана, который в начале XXI в. отметил, что 1917 г. и дальнейшие события 1920–1930-х гг. привели к изучению истории Скандинавских стран и Финляндии в России «к практическому исчезновению».

С большим интересом был заслушан и вызвал оживлённую дискуссию доклад д.и.н., профессора Л.В.Высочкова о российском исследователе конца XIX – начала XX в. М.М.Бородкине и его «Истории Финляндии». Дело в том, что отечественные историки на долгое время просто «забыли» о труде этого исследователя, хотя до сих пор в нашей стране подобных обобщающих работ по истории Финляндии не издавалось.

Содержательным было сообщение молодого российского историка Н.О.Козлова (СПбГУ) о Шлезвиг-Гольштейнском вопросе и его освещении в трудах русских историков XIX в. В целом вопросам историографии и источниковедения истории стран Северной Европы участники конференции уделили достойное внимание: было сделано около десяти научных сообщений, касающихся самых разнообразных аспектов этой проблематики: изучения топографических описаний (Т.А.Базарова), метрических книг (А.Н.Шувалова) и кинофотодокументальных источников (Т.И.Бородина).

Весьма важным в исследовательском плане стал доклад на пленарном заседании действительного члена Датской королевской академии наук, профессора В.Е.Возгина (фото 1). Он акцентировал внимание на изучении ранней истории скандинавских стран. В своём выступлении исследователь коснулся вопроса о значении времени принятия на территории Северной Европы христианства. Академик подчеркнул, что скандинавы пришли к христианству на шесть веков позже остальной Европы. Из этого положения докладчик сделал весьма неординарный вывод, что именно благодаря этому у жителей стран Северной Европы долгое время сохранялись старые обычаи, благодаря которым консервировалась традиция тес-

ного общения родовой элиты с низшими слоями скандинавского общества.

По мнению В.Е. Возгрин, данное обстоятельство является основным условием культурного роста, поскольку именно низшие слои населения, малограмотные «*illitterati*» служили затем «питательной почвой» для творческой элиты Северной Европы. С другой стороны, он выделил также процесс средневекового разобщения как фактор, повлиявший на специфику Скандинавии. Возгрин подчеркнул, что Центральная и Восточная Европа разделилась гораздо раньше, чем Скандинавия. Это обстоятельство, по мнению докладчика, стало необходимым условием для культурного роста скандинавского региона. Отсюда, как заметил Возгрин, не исчезла вплоть до Средневековья гениальная литература Исландии и Норвегии. Культурное же творчество, — закончил своё выступление докладчик, — Восточной и Центральной Европы в результате не могло не отставать от северного. Столь необычное видение проблематики Средневековой Европы вызвало множество во-

просов к докладчику и бурную дискуссию специалистов.

Оживлённым было обсуждение сообщения д.в.н., к.и.н., профессора Е.Ф. Подсобляева о Петре I как основоположнике отечественной школы военно-морского искусства. Докладчик рассмотрел сложнейшую совокупность сопряжённых вопросов о времени складывания такой школы, её соотношении с зарубежным опытом, об особенностях, преемственности и развитии, изменении взгляда в современных исследованиях на понятие операции военно-морского флота в XVIII столетии.

К.т.н. А.В. Лукошков рассказал об успехах и трудностях в исследовании фрагментов остовов линейных кораблей русского флота «Лондон» и «Портсмут», затонувших после посадки на мель в 1719 г. вблизи острова Котлин. Обнаружены, частично подняты на поверхность и выставлены для обозрения в музее Кронштадта крупные части корпусов обоих кораблей, артиллерийские орудия, ядра. В ходе запланированных работ группа исследователей ставит целью поднять с морского дна по возможности большее число этих материальных останков — свидетельств начала становления России в качестве военно-морской державы.

Весьма любопытным было выступление финляндской участницы конференции В.-Т. Васара (Тампере) (фото 2). Она затронула гендерный аспект скандинавской истории, посвятив выступление роли женщин в финских праворадикальных организациях периода 1920–1930-х гг. В частности, участники конференции с большим интересом восприняли утверждения В.-Т. Васара о том, что в Финляндии в основе правой и ультранационалистической идеологии лежала идея защиты Финляндии и «финскости» не только от «вредного» влияния

Фото 1. Выступление действительного члена Датской королевской академии наук профессора В.Е. Возгрин

Фото 2. Выступление В.-Т. Васара (Финляндия). *Справа:* заместитель председателя Правления Санкт-Петербургской Ассоциации международного сотрудничества, проректор Ленинградского областного института развития образования А.И. Букреев и председатель Оргкомитета конференции В.Н. Барышников

шведского языка и культуры, но и от военной угрозы с востока. Докладчик далее подчеркнула, что главными распространителями этого мировоззрения являлись профашистская партия Патриотическое народное движение (ИКЛ) и тесно связанное с ней Академическое карельское общество (АКС). Их ключевые идеи, как заметила В.-Т. Васара, переплетались с мужским и военным образом мышления, которое, как она считает, обычно оставляло женщин в стороне, в то время как женщины в таких организациях состояли. Докладчица обратила особое внимание на то, что в финской историографии отсутствуют труды, посвящённые роли женщин в праворадикальных организациях этого периода, хотя в крайне правом движении было множество женщин, которые активно участвовали в деятельности различных ультраправых организаций. Заканчивая своё выступление, финская исследовательница отметила, что сегодня открывается новая перспектива в исследовании праворадикальных организаций с точки зрения женской «составляющей», хотя эти организации по сво-

ей идентичности и поныне считаются исключительно «мужскими».

Внимание к слабо исследованным проблемам истории скандинавских стран и Финляндии традиционно является важной особенностью работы конференции. В этом плане с большим интересом на секционных заседаниях были заслушаны доклады, освещающие самые разнообразные стороны истории российско-скандинавского сотрудничества и противостояния. Это выступление об оборонительных мерах в Санкт-Петербурге в 1713 г. (Н.Р. Славницкий), доклад о последних годах жизни художника И.Е. Репина на даче в Куоккале под Выборгом (Ю.Д. Балащенко) и др.

Разнообразие тем и научная заинтересованность выступавших в раскрытии поставленных ими проблем очень хорошо проявились во время дискуссий и вопросов к докладчикам. В этом плане конференция, как и готовящийся к изданию очередной сборник её материалов, станут важным элементом сохранения интереса в современной России к изучению стран Северной Европы.

Е.В. САЛМИНА*

Международная научная конференция «Археология и история Пскова и Псковской земли». Семинар имени академика В.В. Седова» (Псков, 18–20 апреля 2017 г.)**

Семинар, носящий имя своего создателя, был основан Валентином Васильевичем Седовым в 1980 г. и вскоре стал одним из наиболее заметных регулярных форумов по изучению прошлого Северо-Запада России и соседних земель. На семинаре с докладами и сообщениями выступали многие ведущие учёные, руководитель семинара В.В. Седов регулярно знакомил участников с результатами своих новых исследований и событиями в научной жизни Восточной Европы (фото 1). Высокий научный уровень, широкий тематический охват, а также заложенная с самого начала традиция подробного обсуждения докладов в значительной мере способствовали развитию псковской археологии.

Под руководством В.В. Седова с 1980 по 2003 г. были проведены 50 заседаний, после его кончины — ещё 13. Всего на 63 заседаниях прозвучало свыше 1600 докладов. В постоянный Оргкомитет семинара входят чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. Н.В. Лопатин (Москва, Институт археологии РАН), к.и.н. М.И. Кулакова, к.и.н. Е.В. Салмина, к.и.н. Б.Н. Харлашов, Р.Г. Подгорная (Псков). В работе форума регулярно принимают участие исследователи из многих городов России, государств

Балтии, Республики Беларусь, Украины, приезжают учёные из Финляндии, Польши, Германии. Постоянный основной состав участников, фактически являющийся неформальным научным коллективом, ежегодно обновляется и пополняется молодыми исследователями. В мемуарно-аналитической статье, посвящённой памяти В.В. Седова, И.К. Лабутина сделала вывод о том, что Валентин Васильевич «угадал» оптимальный баланс академичности и демократизма, регионализма и широты охвата, сосредоточенности на главных темах и междисциплинарности [5].

В 63-м заседании конференции приняли участие специалисты из шести стран (Россия, Белоруссия, Германия, Латвия, Литва, Эстония) и тринадцати городов (Псков, Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Дубна, Казань, Старая Ладога, Тверь, Минск, Вильнюс, Рига, Тарту, Геттинген). Были заслушаны и обсуждены 69 докладов, представленных 80 авторами.

Открыл конференцию доклад директора Археологического центра Псковской области М.И. Кулаковой «Археология в Пскове и Псковской земле в 2016 г.», в котором были освещены итоги деятельности археологических организаций города. Помимо обзора последних археологических открытий,

* Салмина Елена Вячеславовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Археологического центра Псковской области, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: pskovarheolog@yandex.ru

** Проект 17-01-14054г.

Фото 1. В.В. Седов на 50-м заседании семинара (2003 г.)

были охарактеризованы основные аспекты работ, направленных на сохранение памятников археологии, а также результаты деятельности по исследовательским и издательским проектам.

Ряд тем, кратко обозначенных в первом обзорном докладе, был развит в последующих выступлениях. В докладе Е.В. Салминой и С.А. Салмина (Псков) «Раскопки в псковском Кремле в 2016 г.» был проведён обзор полевых работ и представлены планы дальнейшего комплексного анализа полученных результатов. Сообщение Я.В. Френкеля (Санкт-Петербург) «Бусы из раскопок псковского Кремля в 2016 г.» анонсировало запланированный более детальный анализ частных аспектов новых данных об этом памятнике.

40-й годовщине первых раскопок в псковском Кремле был посвящён доклад А.А. Александрова (Псков) «Псковский резной гребень из раскопок в Кремле на фоне системы второго славянского язычества».

С результатами трёхлетнего проекта «Погребальные древности Изборска VI–XIII вв.» (рук. Б.Н. Харлашов) научную аудиторию ознакомили Н.В. Лопатин (Москва) и Б.Н. Харлашов (Псков) в докладе

«Некоторые итоги изучения могильника Усть-Смолка в Изборске». Основной доклад сопровождали стендовые сообщения В.А. Тарасова (Санкт-Петербург) о применении методов геофизики при исследованиях памятника, Д.В. Пежемского (Москва) и И.Г. Соколовой (Псков) о результатах изучения палеоантропологических и ботанических материалов этого могильника. Подобным образом – в форме обзора полевой части работ и последующих сообщений о результатах начала комплексной обработки материала – был представлен доклад А.В. Михайлова и Е.В. Салминой (Псков) о раскопках курганного могильника культуры длинных курганов Смоленка-1 и сопутствующие докладу сообщения Я.В. Френкеля (Санкт-Петербург) и А. Кивирюйт (Тарту) о результатах металлографического анализа находок и антропологического определения останков из кремаций.

Тему новых результатов археологических исследований в Пскове и Псковской области продолжали посвящённые конкретным объектам и находкам доклады и сообщения А.В. Михайлова, А.В. Яковлева, С.А. Салмина, М.А. Васильева, А.Б. Романовского, В.А. Деркач (Псков), С.Е. Шуньгиной (Санкт-Петербург) о раскопках в Пскове, крепости Остров, поселении Горожане, разведках в Красногородском и Новоскольническом районах Псковской области.

В сообщении А.В. Михайлова и Р.Г. Подгорной (Псков) «Археологические исследования на территории партизанского лагеря 2-й Ленинградской партизанской бригады» обсуждались возможности и перспективы применения методов археологии при исследовании комплексов периода Великой Отечественной войны. Доклад Т.Е. Ершовой и А.В. Яковлева (Псков) «Клад из Подзноевского XVI раскопа 2016 г.» положил начало дискуссии о необходимости многоаспектного подхода к изучению кладов. Так, доклад К.В. Горлова и Н.В. Григорьевой «Клад русских средневековых монет 2015 г. из Ладож-

ской каменной крепости» продемонстрировал, как комплекс клада, являясь самостоятельной ценностью, открывает возможности для детальной реконструкции истории крепости. Доклад В.Ю.Соболева показал, как изучение «проблемного клада», обнаруженного в 2013 г. у дер. Пятчино, поставило вопросы методического характера, связанные с основаниями датировки и формирования состава клада, а также со степенью доверия к сообщениям «добровольных информантов» из числа грабителей-поисковиков.

Выступления А.Н.Хохлова, А.Б.Сиволаповой (Москва) и коллективный доклад новгородских археологов (Е.В.Тороповой, С.В.Торопова, К.Г.Самойлова, П.П.Колосницына, Е.Е.Колосницыной, Т.В.Карповой, А.Ю.Ложкиной, В.Ю.Сюборова, А.А.Юсифовой) познакомили научное сообщество с новейшими открытиями в соседних регионах (Кёнигсберг, Старая Русса, окрестности Великого Новгорода).

Истории археологического изучения Северо-Запада России были посвящены сообщения А.В.Филимонова (Псков), К.В.Шмелёва (Санкт-Петербург), Т.В.Карповой и В.Ю.Сюборова (В.Новгород) о работах начала – середины XX в. в Псковской области и на Ижорском плато. В докладе С.В.Белецкого (Санкт-Петербург) сообщалось о передаче в Архив ИИМК РАН негативов П.С.Малевского-Малевича, на которых «зафиксировано состояние ряда храмов, монастырей, каменных палат и крепостных сооружений Пскова в середине первого послевоенного года».

Доклады на тематических заседаниях «Ремесло и повседневная культура средневекового города», «Исследование средневекового города, некрополей, памятников фортификации и архитектуры» и «Древности Средневековья и железного века» были посвящены результатам раскопок, производившихся на памятниках широкого

хронологического диапазона и относившихся к разным культурным традициям. Выступления представляли как новейшие открытия, так и результаты углублённого всестороннего изучения данных, полученных в предыдущие годы.

Вызвавший оживлённое обсуждение доклад Е.Р.Михайловой (Санкт-Петербург) «Культурно-исторические процессы на северо-восточной Балтике в V–VIII вв. и возникновение протогородов Северо-Запада» был посвящён градообразованию на северо-восточной оконечности Балтики как составной части культурно-исторических процессов всего балтийского пространства. Доклад Б.С.Короткевича (Санкт-Петербург) подвёл итоги определённого этапа изучения материалов Верхнего Подвинья в конце I тысячелетия до н.э., подобный характер носил и доклад Н.А.Плавинского (Минск) (фото 2) о курганных могильниках Верхнего Повилья. Отдельным категориям находок (стеклянным бусам, лепной керамике), происходящим из памятников эпохи средневековья, были посвящены выступления М.И.Степановой, Н.А.Плавинского (Минск), Й. Шнеевайсса (Геттинген). Дискуссию вызвал доклад об интерпретации и датировке находок боевых ножей на северо-западе Руси

Фото 2. Выступление Н.А. Плавинского

(И.В. Стасюк, Санкт-Петербург; А.В. Михайлов, С.А. Салмин, Псков).

Вопросам исторической топографии и сложения уличных систем Пскова и Новгорода были посвящены доклады Н.Н. Фараджевой, П.Г. Гайдукова (Москва), О.А. Тарабардиной (В.Новгород), И.О. Колосовой (Псков). Интересные аспекты погребальных традиций кладбища церкви св. Петра в Риге были представлены в докладе Р. Спиргиса (Рига). Е.М. Макарова (Казань) и Д.В. Пежемский (Москва) на материалах краниологии убедительно продемонстрировали связи позднесредневекового населения Пскова и Казани. С дискуссионным докладом о возможной локализации раннего могильника Новгорода выступили М.И. Петров (В.Новгород) и В.Ю. Соболев (Санкт-Петербург).

Вопросам истории гончарного, стеклоделательного, косторезного ремесла, проблематики импортов и технологических заимствований были посвящены доклады и сообщения Е.С. Зубковой (Псков) и А.В. Плохова (Санкт-Петербург), П.Е. Сорокина, В.И. Кильдюшевского, В.Н. Матвеева (Санкт-Петербург), А.В. Фисенко (Псков). В отдельных сообщениях освещались результаты изучения таких специальных комплексов, как сортиры средневекового города (И. Каплунайте, Вильнюс), таких своеобразных находок, как железные оковы (В.К. Сингх, Москва; А.М. Степанов, В.Новгород), западноевропейское клинковое оружие и детали портупей (П.А. Миляев, Старая Ладога), аксессуары средневековых настольных игр (Т.С. Дорофеева, Санкт-Петербург; П.П. Колосницын, В.Новгород). Методический характер носил доклад М.И. Петрова (В.Новгород) о статистических материалах вещевых коллекций городских раскопов, продолживший обсуждавшуюся на предыдущих заседаниях тему «функциональных групп» находок.

Тематическая секция «Изучение изделий из цветных металлов и их сплавов по материалам археологических раскопок: новые данные и интерпретации» подвела итоги проекта Э.В. Королёвой (2015–2016 гг.)

и продолжила обсуждение вопросов, поднятых на прошлогоднем заседании. В итоговом докладе Э.В. Королёвой (Псков) «Цветные металлы и их сплавы в средневековом Пскове (итоги исследования)» были обоснованы новые методики количественной и качественной обработки данных о средневековом металле, показана эффективность предлагаемых методов, апробированных на псковском материале.

Доклады, прозвучавшие на этой секции далее, были посвящены материалам других регионов и хронологических периодов (К.Ф. Ермалицкая и Н.А. Плавинский (Минск), И.А. Сапрыкина, Л.А. Пельгунова, А.И. Гайдар, С.Е. Кичанов, Д.П. Козленко, Е.В. Лукин (Москва, Дубна)). В ряде докладов сообщалось об использовании разнообразных методов исследований, в том числе метода рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) при изучении ювелирных изделий: энколпионов (Р. Йонайтис, Вильнюс), подвесок разных типов (Ю.В. Колпакова, Псков; А.Ю. Чуракова, В.Н. Кузнецова, Санкт-Петербург).

Заключительный день работы конференции традиционно был посвящён вопросам истории, филологии, источниковедения, этнографии, проблемам охраны памятников.

В докладе А.А. Вовина (Санкт-Петербург) проанализированы летописные известия о взаимной присяге князя и псковичей в XIV–XV вв. Особенности статуса псковских князей в XV – начале XVI в. рассмотрел С.В. Городилин (Москва). А.М. Введенский (Санкт-Петербург) посвятил своё выступление дискуссионным вопросам истории псковского летописания. Л.Я. Костючук привела пример сохранения в современных псковских говорах слова, зафиксированного в недавно найденной в Новгороде берестяной грамоте.

Методологическим аспектам изучения каменных крестов и культовых камней были посвящены сообщения А.Ю. Ложкиной (В.Новгород), А.Л. Потравнова и Т.Ю. Хмельник (Санкт-Петербург). Важнейшие проблемы религиозной идентичности населе-

Фото 3. Открытие выставки

ния Печорского района Псковской области (сету, русские) были затронуты в докладе О.В.Калининой (Санкт-Петербург). Опыт сертификации и подготовки «легальных любителей металлопоиска» в современной Эстонии поделились М.Смирнова и Н.Кангерт (Тарту).

Конференция носила многоаспектный и междисциплинарный характер. В значительной части докладов в научный оборот впервые была введена новая информация. Большое число заявленных докладов, тематика которых, безусловно, имела значение для общих вопросов археологии

и истории региона, привело к активному использованию формата «постер-сессии» для тематически объединяемых докладов и сообщений, что позволило провести развёрнутые обсуждения. В рамках форума работала выставка археологических находок из раскопок в Пскове и Псковской земле 2014–2016 гг. (фото 3).

Представленные на конференции материалы будут оформлены в виде научных статей и переданы для публикации в сборнике «Археология и история Пскова и Псковской земли» (вып. 33), выход которого планируется в 2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белецкий С.В. Как начинался псковский семинар // Материалы I научного семинара, посвящённого памяти академика В.В. Седова. Псков, 2006, с. 7–13.
2. Седов В.В. Двадцать лет научному семинару «Археология и история Пскова и Псковской земли» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы научного семинара 1996–1999 г. Псков, 2000. С. 5–6.
3. Седов В.В. Научный семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы L научного семинара. Псков, 2004. С. 35–38.
4. Харлашов Б.Н., Лабутина И.К., Лопатин Н.В., Салмина Е.В., Яковлева Е.А. Семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли» имени академика В.В.Седова // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 3 (48). С. 263–270.
5. Лабутина И.К. Валентин Васильевич Седов и Псковский край // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 50 научного семинара. Псков, 2004. С. 7–34.

Г.Р. КОНСОН*

Международная научная конференция «Искусствоведение в контексте других наук в России и за рубежом: Параллели и взаимодействия» (Москва, 23–28 апреля 2017 г.)**

В русле актуальной потребности в интеграции различных областей знания при поддержке РФФИ прошла Международная научная конференция «Искусствоведение в контексте других наук. Параллели и взаимодействия».

В научном форуме, проходившем в стенах Московского государственного института музыки им. А.Г.Шнитке, приняли участие исследователи из разных городов России, а также ближнего — Азербайджан, Белоруссия, Украина — и дальнего зарубежья — Великобритания, Германия, Индия, Италия, Китай, Монголия, США. Каждый участник получил буклет и Международный сертификат (фото 1).

На конференцию в Москву съехались крупные учёные из 54 вузов. Наиболее масштабным оказалось представительство музыкальных учреждений и общегуманитарных университетов, а также других институтов, в том числе художественных вузов. С приветствием к участникам форума обратились заместитель начальника Управления гуманитарных наук ОГОН РФФИ, д.иск. Н.Г.Денисов, д.иск. Г.Р.Консон, д.культур., д.пед.н. А.А.Щербакова, к.т.н. А.А.Бикбулатова.

Концепция «параллелей и пересечения междисциплинарных наук» в программе конференции (фото 2) была выявлена с позиции историко-теоретической и социологической перспектив. Одно из масштабно представленных направлений — образование и наука. К этой теме относятся выступления на пленарном заседании. Предпочтение было отдано обобщающим докладам, в числе которых «Классический университет в эпоху новых информационных технологий: опыт СПбГУ в контексте развития ведущих университетов мира» д.полит.н. О.В.Поповой, «Об особенностях публикаций в области науки об искусстве в международных наукометрических базах данных Scopus и Web of Science» к.т.н., президента АНРИ О.В.Кирилловой, «О магистральных тенденциях подготовки исследовательских кадров современной России (в контексте сравнения с англосаксонской академической традицией)» автора этой статьи, «Российское искусствоведческое образование в условиях Болонского процесса (на примере изучения классической академической традиции Санкт-Петербурга)» д.иск. С.М.Грачёвой, «Вызовы информационной цивилизации и гуманиста-

* **Консон Григорий Рафаэлевич** — доктор искусствоведения, начальник отдела прикладной докторантуры и подготовки научных кадров в докторантуре Российского государственного социального университета, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: gkonson@yandex.ru

** Проект 17-04-14080г.

Фото 1. Вручение Международного сертификата участника конференции ректору Государственного института театрального искусства Г.А. Заславскому

рий XXI века» PhD Г.Ю. Никипорец-Такигава в соавторстве с д.ф.н. Г.П. Отюцким.

Тема образования была раскрыта и на примере отдельных отраслей знания:

- ◆ образовательно-этической: «К вопросу о формировании института научной репутации (по материалам защит диссертационных исследований и академических публикаций в области гуманитарных и общественных наук)» д.физ.-мат.н., сооснователя сообщества «Диссернет» А.А. Ростовцева;
- ◆ театральной: «Современное театральное образование в России и за рубежом: параллели и взаимодействия» к.филол.н., ректора Государственного института театрального искусства — ГИТИС Г.А. Заславского;
- ◆ музыкально-исполнительской: «Национальный менталитет в музыкальной педагогике: российско-европейский парадокс» д.иск., д.псих.н. Д.К. Кирнарской, «О некоторых тенденциях современного концертного менеджмента и музы-

кального образования в России и за рубежом (на примере фортепианного исполнительского искусства)» члена президиума Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству Е.В. Мечетиной;

- ◆ психолого-педагогической: «Болонский процесс и отечественная музыкальная педагогика: интеграция или деградация?» к.иск. О.Л. Берак, «Поиск психолого-педагогических стратегий в обучении музыканта-исполнителя» д.биол.н. О.М. Базановой в соавторстве с доц. Т.И. Петренко;
- ◆ филологической: «Филологическое образование в России и зарубежье: новейшие техники как фактор изменения основных трендов университетского обучения» доц. М.В. Невской;
- ◆ музыковедческой: «Перспективы сближения российской и зарубежной музыковедческих традиций: к постановке проблемы» д.иск., проф. Т.И. Науменко.

Одной из наиболее востребованных областей науки на конференции оказалась психология, которая очень органично вступает во взаимодействие с другими дисциплинами, например, с филологией: в этой сфере отметим доклад «Фантомас как интермедийальный образ-миф» д.филол.н., проф. Н.Т.Пахсарьян;

Психология в связи с её коммуникативной функцией рассматривалась в докладах «Искусство психологических воздействий: история и современность» д.социол.н., проф. В.П.Шейнова, «Музыкальное переживание как основа эффективности музыкотерапии» д-ра пед. наук, проф. А.В.Тороповой в соавторстве с Dr. Paed. Habil., Doctor Honoris Causa, проф. Вольфгангом Мастнаком;

Музыкальная психология и её изучение, наращивание смысла и связи с теорией информации нашли освещение в докладах «Музыкальная синестетика и неклассическое искусствознание» д.иск., к.ф.н., проф. Н.П.Коляденко, «“Возможное” и “невозможное” в музыке: психология восприятия нового и теория информации» д.физ.-мат.н., проф. В.П.Рыжова;

Психология как таковая, но в новом осмыслении стала темой выступления к.псх.н., доц. А.А.Тюкова «Идеи Л.С.Выготского в современной психологии искусства».

В последующие дни конференции панорама исследований дополнилась иными отраслями, среди которых:

- ◆ живопись и архитектура: «Сюжет “Распятие” в русской сакральной пластике. Вопросы стилистики и иконографии» д.иск., действ. члена РАХ М.А.Бургановой, «Противостояние социоцентрической и антропоцентрической тенденций в архитектуре: история и взгляд современников» д.псих.н. Б.Н.Рыжова в соавторстве с аспиранткой МГПУ А.А.Тарасовой;
- ◆ литературоведение: «“Диалоги” Франческо Петрарки и их текстовые и визуальные интерпретации в эпоху Реформации: общее и особенное в современ-

Фото 2. Программа конференции

ных европейских и российских подходах» д.и.н. Н.И.Девятайкиной, «Перспективы взаимодействия западноевропейской и российской либреттологии» аспирантки Римского университета «Тор Вергата» А.В.Стеценко, «Женская литература Италии XX века: стили, жанры, интонации» к.филол.н. Ю.Н.Галатенко.

Фундаментальной областью, естественно, явилось музыковедение. И здесь выявились многие аспекты:

- ◆ западноевропейская барочная музыка: «Музыка эпохи барокко как проблема современного российского музыкознания» д.иск. Ю.С.Бочарова, «Жизнь, обучение и воспитание маленьких певчих во французских метризах XVII–XVIII веков» д.иск. В.В.Березина, «Партии травести в оперном искусстве XVII–XVIII веков – парадоксы и курьёзы» д.иск. А.В.Денисова;
- ◆ отечественная документалистика: «Библиотека М.А.Балакирева: к чертам творческой биографии» д.иск. Т.А.Зайце-

вой, «Научная деятельность Ю.Н. Тюлина и отечественное музыкознание» диск. А.И. Климовицкого, «Музыкальная археология и палеография как учебные дисциплины: из опыта работы Н.Ф. Финдейзена в 1920-е годы» диск. М.Л. Космовской; «Творчество А. Пярта и В. Мартынова: воссоздание средневекового понимания музыкального искусства в контексте квадравиума наук» диск., В.Н. Грачёва;

- ◆ музыкальный театр и театральность: «Карл Дальхауз. Музыкальная драма как симфоническая опера: Статья в переводе и с комментариями» к.иск. С.Б. Наумовича, «Инструментальный театр: к проблеме незвукового материала (на примере постановок в Германии 2014–2016 годов)» соиск. Новосибирской ГК им. М.И. Глинки Л.В. Лейпсон, «Театр и музыка: от эстетического к интерактивному (на примере исследования современных тенденций в искусстве России и зарубежных стран)» к.иск. Л.С. Бахши;
- ◆ фольклор ближнего и дальнего зарубежья: «Характерные музыкальные жанры народов бывшего Советского Союза» диск., проф. В.М. Щурова, «Высокая духовность как основа музыкальной традиции бухарских и андалусских евреев (на материале шашмакома и нубы)» диск. В.Н. Юнусовой, «О развитии теории восточных композиторских школ (на примере деятельности таджикского композитора Зиёдулло Шахиди)» диск. М.Н. Дрожжиной, «Традиционная музыкальная культура в системе координат: Юг–Север, Восток–Запад. К постановке проблемы» диск. А.Г. Алябьевой, «К вопросу о жанровом профиле средневековой духовной музыки Бенгала» диск. Т.В. Карташовой, «Черты культуры Индии в индонезийском музыкальном искусстве как фактор его сакрализации» студентки Саратовской ГК им. Л.В. Собинова В.Ю. Антиповой, «О единораздельности интрамузыкальной/экстрамузыкальной

семантики в пентатонических структурах Китая/Кореи/Японии: Древность – Средневековье» к.иск. С.Б. Лупиноса;

- ◆ исполнительство: «Критерий красоты в современном музыкально-исполнительском искусстве» диск. В.В. Медушевского, «Свобода творчества музыканта-исполнителя как предмет дискуссии» диск. Б.Б. Бородина, «Интерпретация музыкального произведения как многокомпонентная система» диск. М.М. Берляничика, «Репрезентативные возможности русской оперной классики в аспекте трансдисциплинарности» диск. Н.Н. Миклиной в соавторстве с соискателем Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского М.В. Коношевской, «Иоганн Себастьян Бах: метр и артикуляция как творчество» диск. М.А. Аркадьева, «О лигах в клавирных произведениях И.С. Баха, или всегда ли можно доверять уртекстам» диск. В.А. Шекалова, «И.С. Бах – между Лейпцигом и Дрезденом: политический контекст жизни и творчества композитора» к.иск. А.Ю. Великовского;
- ◆ профессиональное творчество: «К вопросу о стилистических взаимосвязях московской и петербургской композиторских школ» диск. В.А. Гуревича, «Музыкально-исторический процесс и смена композиторских поколений (на примере искусства романтизма)» к.иск., директора Института музыкознания в Харькове Г.И. Ганзбурга, «История акционизма: дадаизм, сюрреализм, футуризм» диск. В.О. Петрова;
- ◆ рок-музыка, эстрада, джаз, мюзикл: «Арт-рок в зеркале стилевых диалогов» диск. В.Н. Сырова, «Отечественная рок-музыка в интерьере постмодернизма» диск. А.М. Цукера, «Современное музыкально-эстрадное исполнительство в России и за рубежом: кризис или перспектива расцвета?» диск. Г.Р. Консона в соавторстве с магистранткой РГСУ М.Л. Кац, «“Past the point of no return”: круг судьбы главных героев мюзикла Э.Л. Уэббера “Призрак оперы”» диск. Н.А. Федоровской.

Фото 3. Участники конференции в перерыве между заседаниями

Большое внимание было уделено искусству кинематографа. В числе посвящённых ему докладов — «Музыка кино: направления исследований в отечественном и мировом искусствоведении (на примере изучения подходов европейско-американской и советско-российской школ)» д.иск. Т.К.Егоровой, «Снежный вестерн — 2016: триумф жанра в исторической перспективе (от кинофильмов А.Де Тота и С.Корбуччи к лентам К.Тарантино и А.Г.Иньярриту)» д.филол.н. А.Н.Зорина, «Методология и логика киноведения — к проблеме эволюции гуманитарного знания (на примере изучения синкретической традиции Ричотто Канудо в контексте идей раннего авангарда)» к.филол.н. А.М.Шемякина, презентация документального фильма «...Из тишины, или Vista Live» шефа-редактора службы информационного вещания телеканала «Россия-Культура», руководителя творческих мастерских на факультете журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова А.М.Райкина.

Предметом исследования также стала и непосредственно социологическая сфера, которая была представлена докладами: «Зеркало и зеркальность. Социопсихологические механизмы восприятия современного слушателя» д.социол.н. Е.В.Дукова,

«Российский театр XXI века как социокультурный институт» д. культ. А.В.Каменца.

Конференцию дополнил мастер-класс «Духовный модус традиционного музицирования в Индии», который провёл вокальный интерпретатор музыки индийского кино, исполнитель на табла Амир Хан.

Прозвучавшие на конференции доклады выявили пути восхождения к высоким уровням человеческого сознания, а проблемы сохранения культурного прошлого и поиск новых гуманитарных ценностей были интегрированы в уникальный трансдисциплинарный опыт участников открытого форума.

Но главное — поиск решения актуальных проблем искусства и культуры во взаимодействии с исследованиями представителей различных отраслей науки был доведён до широкой международной аудитории через трансляцию заседаний конференции в Интернете, междугородние и международные телемосты, а также освещение Национальным образовательным телевизионным каналом «Просвещение» и ведущими академическими периодическими изданиями — российскими и зарубежными, что, безусловно, повысило значимость её результата в жизни современного общества.

МИР КНИГИ РФФИ

Д.В. МАСЛОВ*

**Россия в 1905–1907 гг.:
Энциклопедия / Отв. ред.
В.В. Журавлёв. М.: Политическая
энциклопедия, 2016. — 1196 с.****

Если мы спросим наших сограждан, с чем для них ассоциируется период 1905–1907 гг. в российской истории, то наверняка все назовут первую революцию. И это вполне объяснимо. Дело не только в традиции, идущей от советской историографии; современные учебники истории в большинстве своём также следуют этой традиции.

Читатель, впервые взявший в руки рецензируемую энциклопедию, не может сразу же не обратить внимание на то, что рядом с упомянутым периодом в названии нет привычного упоминания о революции. Объектом исследовательского интереса в издании является Россия во всём многообразии её характеристик. И уже в этом проявляется новаторский характер издания.

Выход в свет энциклопедии является без преувеличения ярким событием в отечественном книгоиздании на историческую тематику, фактом не только научно-, но и общественно зна-

чимым. В канун юбилея российской революции 1917 г. идут острые дискуссии по многим её аспектам, в том числе и о том, «какую Россию мы потеряли». Пришедшая на смену советскому критицизму некоторая идеализация российской жизни начала прошлого века не может удовлетворить ни общество, ни специалистов. Поэтому очевидна потребность в издании, дающем комплексное и взвешенное (насколько это возможно) представление о ситуации, в которой революция вызревала и проходила. Издательство «Политическая энциклопедия» — признанный лидер в этом секторе книжного рынка — в 2016 г. предоставило нам такую возможность.

Было бы неверно утверждать, что замысел издания связан лишь с юбилейной актуальностью. Идея такой книги появилась у ответственного редактора энциклопедии, лауреата Государственной премии РФ В.В. Журавлёва много лет назад. Его поражало

* **Маслов Дмитрий Владимирович** — доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета.
E-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

** Проект 16-01-16063д.

то, как в российской действительности могли уживаться столь разные факты, как, например, уличные протесты и концерт Шаляпина буквально в нескольких шагах от революционной стихии. Ещё в советское время зародилось осознание того, что история России в 1905–1907 гг. отнюдь не сводима только к революционной борьбе. Общую задачу проекта его авторы видят в попытке осмыслить развитие страны во всём многообразии, дать представление о «многогранной и диалектически противоречивой целостности жизни российского общества» в годы революции (с. 5). При этом революция не только не отодвигается на второй план, а становится своего рода стержнем, объединяющим разнородные на первый взгляд сюжеты.

Столь масштабный замысел воплотил опытный авторский коллектив, на творческом счету которого целый ряд энциклопедических изданий [1]. Среди членов редакционного совета и авторов статей мы видим представителей разных поколений учёных, известных специалистов по данному периоду — В.В. Журавлёва, Л.Г. Березовую, О.В. Волобуева, Н.А. Иванову, Ю.А. Петрова, А.В. Репникова, И.С. Розенталя, П.Ю. Савельева, К.А. Соловьёва, А.К. Сорокина, В.В. Шелохаева и других исследователей. Их чрезвычайно объёмный труд — почти 1200 страниц — уже получил общественное признание: энциклопедия стала лауреатом конкурса «Национальная премия “Лучшие книги и издательства года — 2016”».

Рецензируемое издание уникально во многих отношениях. Прежде всего, в энциклопедии дан обстоятельный обзор отечественной и зарубежной историографии революции 1905–1907 гг. Взвешенный анализ отечественной историографии позволяет говорить о смене научной парадигмы — «от изучения революции в России к изучению истории России в годы революции» (с. 369; автор статьи А.Н. Егоров).

В энциклопедии даётся столь же обстоятельный очерк историографии зарубеж-

ной. Отмечен рост интереса иностранных исследователей к проблемам национальной, гендерной, культурной истории; применение актуальных методологических подходов («новая политическая история», «новая культурная история» и др.). Однако новая парадигма изучения революции на Западе ещё не выработана (с. 362–363; автор статьи Н.В. Макаров). Хорошим подспорьем для интересующихся российской историей начала прошлого века станет обширный библиографический список к обоим историографическим обзорам, составленный с учётом новейших достижений историографии.

Ещё одним достоинством рецензируемого издания является широта тематического охвата. От внимания руководителей и авторов проекта не ускользнул ни один сколько-нибудь значимый сюжет российской действительности начала прошлого века. В перечне этих сюжетов мы видим не только привычные темы, но и те, которые практически не освещались в исторической литературе. Так, сторонники гендерного подхода к прошлому не могут не оценить статьи о женском движении, Женской прогрессивной партии (автор статьи И.И. Юкина).

Например, нехарактерным для освещения революции сюжетом является Историко-родословное общество в Москве, занявшее отрицательную позицию по отношению к социальным потрясениям (автор статьи О.Н. Наумов). Надо сказать, что палитра зарождающегося гражданского общества представлена в издании воистину энциклопедически. От внимания авторского коллектива не ускользнули Общество взаимопомощи учителей, Общество обывателей и избирателей, съезды педагогов, медиков, Московское общество сельского хозяйства, спортивные общества и многое другое. Делается вывод о революции как важном этапе трансформации российского общества из сословного в гражданское, о переходе многих его институтов от оппозиционных заявлений к участию в реальной политике. Однако идейная неод-

народность таких институтов, отсутствие доверия к ним со стороны самодержавия продемонстрировали «недостаточную консолидацию общественности вокруг конструктивных идей эволюционного развития, её увлечённость критическими настроениями» (с. 640, 644; авторы статей И.С.Розенталь, А.С.Туманова).

Непривычно значительное в контексте революции место занимает в энциклопедии интеллектуальная и культурная история 1905–1907 гг., что является частью авторского замысла. Прежде всего это касается персоналий. В энциклопедии представлены «портреты» многих учёных, литераторов, публицистов, художников, музыкантов, скульпторов и т.д. В.О.Ключевский, А.М.Горький, В.Г.Короленко, С.Т.Коненков, Н.А.Римский-Корсаков — вот далеко не полный перечень персоналий, статьи о которых заняли достойное место в издании. Причём они органично вписаны в контекст эпохи и дают представление не только о творческом пути, но и об общественных взглядах и деятельности творческой и научной интеллигенции. Так, в статье о художнике В.Е.Маковском сообщается, что события 9 января 1905 г. в Петербурге настолько потрясли его как свидетеля, что подтолкнули к написанию нескольких этюдов. В статье, посвящённой Е.Е.Лансере, отмечается, что «питательной средой оппозиционности творческой интеллигенции... были не определённые политические убеждения, а нравственное неприятие насилия и произвола, гражданская позиция честного человека» (с. 522).

Деятели культуры той эпохи имели возможность донести свою творческую и гражданскую позицию до общественности — в энциклопедию включены материалы о выставочной деятельности, в том числе о самой знаменитой в искусстве Серебряного века Таврической выставке 1905 г. Сам термин «Серебряный век» русской культуры благодаря усилиям автора многих статей по культурной тематике Л.Г.Березовой получает «прописку» в научной исторической литературе.

Немало сюжетов энциклопедии связано с народным образованием. Материалы о комитетах грамотности, Санкт-Петербургском обществе грамотности, Лиге образования и др. призваны подчеркнуть возросший в начале прошлого века интерес российского общества к этой сфере.

Растущая тяга к знаниям актуализирует потребность в чтении. Значительное место в рецензируемом издании занимают темы, связанные с отечественной периодикой начала XX в. Даже искушённого в этих вопросах читателя не может не поразить обилие периодики самой разной творческой и социальной направленности. Подъём общественной жизни отражается в названиях многих изданий того времени — «Начало», «Новое время», «Новая жизнь», «Вперёд». Серьёзные газеты и журналы соседствовали с сатирической печатью (материала для последней хватало и тогда), политическая графика — с карикатурой.

Читатель может получить развёрнутое представление о повседневной жизни россиян, их культурных запросах, круге чтения, развлечениях и т.д. Разнообразие последних впечатляет и, на первый взгляд, не вяжется с суровыми революционными буднями. Возможно, наши современники не знают, как городские обыватели отмечали праздники. Так, Рождество считалось семейным торжеством, а Новый год предпочитали встречать в общественных местах. Кстати, знаменитый новогодний «шлягер» «В лесу родилась ёлочка» появился именно в 1905–1906 гг. А летом для горожан начинался дачный сезон — сто лет прошло, а любовь к природе у нашего человека не проходит!

Досуг горожан традиционно скрашивал театр, но уже набирал популярность кинематограф: только в Москве в 1907 г. насчитывалось около 50 кинотеатров. Рос интерес и к лёгким жанрам — оперетте, водевиллю, фарсу и пр. В почёте находился и спорт: популярны были такие его виды, как футбол, гимнастика, атлетическая борьба, теннис, катание на коньках, лыжах и велосипеде. В городской быт постепен-

но входят первые автомобили, телефон. Впрочем, и здесь революция вносила свои коррективы. Так, традиционные театры прерывали свои постановки в траурные дни, число которых в рассматриваемый период возросло (с. 804). Декабрьские дни 1905 г. привели к вздорожанию товаров и уменьшению числа покупателей, магазины стали открываться только к Рождеству. Забастовки булочников и пекарей оказали влияние на рынок повседневных продуктов. В 1905 г. под охрану был взят водопровод. В целом же городская повседневность, подвергаясь негативному воздействию революции, сохраняла традиционные ритмы и структуры (с. 727).

Социально-экономическая сфера жизни — социальная структура, биржи, банки, промышленность, сельское хозяйство, налоги — представлена в энциклопедии широко, с привлечением разнообразной статистической и иной информации.

Но и привычные, т.е. непосредственно связанные с революцией, сюжеты освещены обстоятельно. Если читать соответствующие статьи в хронологическом порядке, перед нами откроется, по сути, история первой российской революции в событиях и лицах. В энциклопедии нашли развёрнутое освещение такие вопросы, как причины революции; позиция ключевых социальных акторов; значимые правовые акты (Манифесты 17 октября 1905 г., 3 июня 1907 г., Основные государственные законы 23 апреля 1906 г. и др.); деятельность институтов государственной власти (Государственная Дума, Государственный Совет, Совет министров и др.); основные революционные события, начиная с Кровавого воскресенья. Причём одни и те же сюжеты представлены в разных статьях с позиций различных социальных сил, что расширяет рамки наших представлений об этих вопросах. Так, тема террора, например, даётся в нескольких текстах с точки зрения тех или иных деятелей, периодических изданий, государственных и общественных структур.

Содержание статей по собственно революционной тематике отличается высокой информационной насыщенностью при отсутствии конъюнктурных авторских оценок, отнюдь не редких в историографии этого периода. В этих статьях внимание читателя могут привлечь попытки противостоящих сторон найти компромисс. Примечателен опыт кавказского наместника И.И.Воронцова-Дашкова, пытавшегося подключить социал-демократов к управлению непростым регионом и даже раздать им оружие для обеспечения порядка и прекращения межнациональных конфликтов. Но «умиротворительный» опыт графа «наверху» сочли неудачным, оставив открытым вопрос о пределах допустимых уступок обществу со стороны власти (с. 125–126).

Ещё одним подтверждением энциклопедического характера рецензируемого издания является его жанровое разнообразие. В издании представлены основные события, социальные институты, термины и понятия, персоналии, периодика и многое другое. Книга даёт подробную статистику действительно энциклопедического масштаба, особенно по экономическим вопросам: промышленность, сельское хозяйство, банки и т.д. Издание снабжено любопытным иллюстративным материалом — фотографиями общественных и политических деятелей, событий, сцен из жизни рядовых граждан; репродукциями картин. Солидная часть иллюстраций не известна широкому читателю. Применительно к данной энциклопедии можно так перефразировать известный афоризм: историю лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать. Что, конечно, не отменяет увлекательности и полезности самого чтения. И в этом смысле издание рассчитано на самый широкий круг читателей.

Но особую значимость энциклопедия представляет для современного российского политического класса. Ведь рассмотренные на материале другой эпохи вопросы во многом не утратили актуальность и в наши дни. Приживутся ли де-

мократия, парламентаризм и конституционализм в России? Справится ли с грузом ответственности за ситуацию в стране государственная власть? Какой должна быть российская оппозиция? Сумеет ли гражданское общество, борясь за свои интересы, не выйти за рамки системы? Где грань, разделяющая реформы и революцию? Можно ли улучшить жизнь в России для большинства без насилия? и т.п.

Нельзя сказать, что эти вопросы впервые поставлены в энциклопедии, но её внимательное прочтение побуждает осмыслить тот бесценный и (увы!) не во всём успешный опыт общественного развития начала прошлого века. А осмыслив, извлечь те самые «уроки истории», за незнание которых рано или поздно наступает наказание. Поэтому есть все основания считать выход энциклопедии событием не только научным, но и общественным.

Конечно, в столь объёмной книге невозможно охватить все связанные с периодом 1905–1907 гг. сюжеты. Однако упоминание об убийстве Н.Э.Баумана (с. 132) и его резонансных последствиях, вероятно, является поводом для небольшой статьи.

Есть, на наш взгляд, из числа приведённых и спорные факты. Так, в посвящённой экспроприациям статье утверждается, что знаменитый тифлисский «экс» 13 июня 1907 г. был осуществлён Тифлисской организацией РСДРП под руководством Сталина (с. 1193). Однако вопрос о характере участия будущего вождя СССР в этом событии весьма запутан [2], поэтому вклю-

чение столь неочевидного факта в энциклопедическое издание без оговорок едва ли уместно. Впрочем, эти и другие нюансы никак не снижают ценности рецензируемого труда.

Главное впечатление, которое вынесет читатель энциклопедии, — Россия начала XX в. являлась «живым» обществом со сложным переплетением разнообразных интересов, немалая часть которых так или иначе связана с революцией, но не сводима только к ней. Именно столь широкий подход к освещению событий начала XX в. позволяет считать книгу своего рода «энциклопедией русской жизни».

Энциклопедия раскрывает драму российской истории — власть и политически активная часть общества не сделали должных выводов из противостояния. Справедливыми можно признать приведённые в издании слова известного общественного деятеля П.А.Гейдена о том, что смута в России идёт от «упорства сверху». А тремя годами позднее, на пике противостояния в 1905 г. он видит опасность и с другой стороны — радикалы присвоили только себе право говорить от имени народа (с. 167, 170).

И в этом контексте нельзя не согласиться с высказанной в одной из статей мыслью, очень напоминающей известное ленинское изречение: «год 1905 стал прологом для года 1917» (с. 644). Энциклопедия даёт богатую пищу для размышлений о том, как это получилось и что надо делать, чтобы избежать подобного в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. издания РОССПЭН: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия / Ред. В.В. Шелохаев. М., 1996; Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлёв; Отв. секр. А.В. Репников. М., 2005; Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлёв. М., 2009; Революционная мысль в России XIX – начала XX в.: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлёв. М., 2013 и др.
2. См., например, Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С. 259–260. Ряд зарубежных исследователей без достаточных оснований считает участие Сталина в тифлисском «эксе» не требующим доказательств в силу некоей очевидности: см., напр., Монтефиоре С. Молодой Сталин. М., 2014.

С.В. КОНДРАТЬЕВ*

Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. — 424 с.**

Интерес к судьбам отечественной исторической науки последние два десятилетия неизменно остаётся высоким. Унылые пересказы изданных книг или огульная критика иноязычных историков давно сменились увлечённым архивным поиском, позволяющим, как сказали бы Л.П. Карсавин и П.Ю. Уваров [1], оживить забытых маленьких людей, возделывающих свои скромные деланки в стенах научных или образовательных учреждений, и, добавим, взглянуть в деятельность маститых учёных, получающих премии и награды, проследить связи между историками и партийной властью, которая в конечном счёте определяла их судьбу. А судьба эта зачастую была капризна, напоминала одновременно и качели и зигзаги, поскольку спускаемые сверху установки менялись под влиянием самых разных, порой неожиданных, обстоятельств.

Автору этих строк в архиве случайно попалось послание историков педагогики, которые писали заместителю начальника Управления высшей школой Шишкину, что их «политическая ошиб-

ка», заключающаяся в том, что первый том «Истории педагогики» заканчивался фигурой Фихте (1762–1814), будет исправлена в соответствии с «периодизацией, данной товарищами Сталиным, Кировым и Ждановым в замечаниях о конспекте учебника “Новой истории”», которые появились уже после выхода тома. Следующий том, гласило письмо, будет посвящён Новой истории, которая начинается, как указали вожди, с Великой французской революции [2].

В.В. Тихонов обильно воспроизводит архивные материалы, давая возможность читателю познакомиться со специфическими речевыми конструкциями эпохи «позднего сталинизма», стереотипными и экзистенциальными поведенческими практиками учёных, типичными инструментами партийного руководства наукой. Автор подчёркивает, что изучаемые им идеологические кампании не были наукой. Они были инструментом управления ею, «нацеленным на утверждение нужных идеологических постулатов», способом «конструирования и последующего контролирования советской науки» (с. 43, 45). Мы бы добавили, что также

* **Кондратьев Сергей Витальевич** — доктор исторических наук, директор Института истории и политических наук Тюменского государственного университета.
E-mail: skondratiev@utmn.ru

** Проект 16-01-16026д.

инструментом мобилизации, запугивания и даже иерархизации.

На наш взгляд, в монографии можно выделить три основные сюжетные линии, которые могли бы объединить главы в три большие части. В первых двух главах автор излагает историю становления советской исторической науки. Их задача — познакомить читателя с тем, что скрывается за формулой «советская историческая наука», локализованная, оговаривается В.В.Тихонов, Москвой и Ленинградом — по причине доступности ему материалов. Автор полагает, что власть старательно вписывала историю в создаваемый ею рукотворный институциональный и идеологический ландшафт, находившийся под чутким присмотром руководителей-коммунистов и партийных организаций. «Учёные постепенно оказались частью элиты», — замечает автор, — оплачивая эту элитарность источниковедческим обоснованием спускаемых сверху установок (с. 9–15). Однако лояльность не избавляла ни от кампаний, ни от гонений.

В.В.Тихонов справедливо подчёркивает, что в 1930-е гг. наметился отход от интернационалистских принципов первых лет советской власти. Страна победившего социализма, не надеясь на победоносную мировую революцию, внедряла в массы концепт «советского патриотизма» и идею о главенстве и прогрессивности русского народа, объединившего вокруг себя другие братские народы. Русло реки под названием история должно было аккуратно укладываться в «Краткий курс истории ВКП(б)», который обрёл статус сакрального текста (с. 40, 193–198). Одновременно в исторической науке сформировались несколько базовых концепций (вроде концепции Б.Д. Грекова о раннефеодальном характере древнерусского государства), творцы которых заняли главные академические посты (с. 41–42).

Советская власть, считает В.В.Тихонов, держалась не только на насилии, но и на идеологемах и мифологемах. Он обрисовывает символический код советско-

го человека и определяет значение в его формировании истории, обращая внимание на милитаризацию массовой психологии и героизацию прошлого страны. Используемая повсеместно мифологема «исторический фронт» подчёркивала, что история является полем постоянного противостояния (с. 47–56).

Важны антропологические и поколенческие наблюдения автора. Он отмечает, что в 1930 г. произошёл окончательный разрыв с традициями дореволюционной «русской школы». Молодые люди, пришедшие в науку и воспитанные на транслируемых мифологемах, «в целом» были «преданны советской власти и лично Сталину» (с. 61). Многие воспринимали науку как социальный лифт (с. 56–61, 74–75) и готовы были занять в ней место не благодаря обретению компетенций, а благодаря приобщению или близости к власти. Окончательный поворот от интернационализма к «советскому патриотизму» произошёл в ходе Великой Отечественной войны. В первые послевоенные годы, когда между бывшими союзниками началось жёсткое противостояние, история стала не только «фронтом», но и актуальным мобилизационным ресурсом (с. 107), а описываемые автором кампании — важным инструментом мобилизации и сплочения вокруг власти и фигуры вождя.

Вторая сюжетная линия состоит в характеристике самих кампаний (главы 4–6, 8), является основной и занимает большую часть монографии. Автор подробно останавливается на неоднократно описанных кампаниях борьбы с «буржуазным объективизмом» и «безродным космополитизмом». Новым здесь является то, что он, во-первых, разводит их сюжетно, тематически, специально, подчёркивает имманентность обеих кампаний, и, во-вторых, то, что автор скрупулезно воспроизводит ход проработок, дискуссий практически во всех научных и учебных заведениях исторического профиля Москвы и Ленинграда. В.В.Тихонов показывает, что проработки готовились, у них

были сценарии, свои режиссёры, солисты и исполнители. Важно, что автор нигде не даёт шаблонных характеристик в отношении организаторов и жертв проработок. Особенно впечатляет подробное воспроизводство дискурса жертв, одни из которых покорно подчинялись обстоятельствам, «признавали ошибки и извращения», а другие выстраивали линию обороны, аргументированно возражали, что в определённых случаях приносило свои плоды. Прекрасно показано, что в каждом отдельном учреждении кампания получала собственную, неповторимую драматургию.

Обращаясь к немногочисленным дневникам, В.В.Тихонов воспроизводит тот когнитивный диссонанс, который вызывали «разоблачения» среди историков, как они пробуждали сомнения в правильности происходящего, как травмировали сознание и деформировали личность. Отдельный и очень интересный материал представлен в восьмой главе монографии, посвящённой анализу того, как развенчание Сталиным яфетической теории академика Н.Я.Марра, являвшейся ранее официальной, и статья вождя о проблемах политэкономии сказались на судьбах отечественных историков и археологов.

Третья сюжетная линия, которая представляется нам наиболее интересной, касается антропологии учёных, их поведения и интенций (главы 3, 6 (13 раздел), 7, 9–11), судеб реализуемых ими проектов и руководимых ими структур. Именно здесь происходит «оживление» героев, бенефициариев и жертв проработок. Каждый их параграф, оставшийся недосказанным или в силу фрагментарности материала недорассказанным, намечает линии последующих исследований. Все эти главы наполнены всевозможными казусам. В.В.Тихонов исследует клиентельно-патронатные отношения, существовавшие в советской исторической науке, фракционные связи, лоббистские возможности в борьбе за должности, ресурсы, премии, проекты, внутрикорпоративные конфлик-

ты, а также последствия для проигравших и победителей. «Лидеры, — пишет он, — ревниво опекали своё положение, стремились вытеснить конкурентов, задавить идеи, противоречащие их концепциям». Лидерство, справедливо отмечается в монографии, было одновременно сделкой с властью, где установленные сверху правила игры принимались в «обмен на поддержку идей» (с. 87–88). Автор даёт содержательный абрис своеобразных кодексов поведения партийных и беспартийных историков (с. 95–101). Клиентельно-патронатные связи и корпоративная борьба имели продолжение при награждении Сталинскими премиями. Лауреатство часто определялось реальными научными достижениями, нередко — идеологическими причинами, а иногда и случайными факторами, но всегда решающее слово было за Сталиным. Книги лауреатов на долгие годы заложили интерпретационные модели многих исторических явлений и процессов (с. 345–373).

В работе предпринята попытка типологизировать участников идеологических кампаний. Помимо традиционного деления участников на «гонителей» и «гонимых», автор в соответствии с их поведением выделяет целый ряд моделей: «контролёры», «бескомпромиссные борцы», «критики-корректоры», «научные оппоненты», «наблюдатели от вузов» среди гонителей и «соглашатели», разделённые на два вида, «частично признающие ошибки», «отрицающие обвинения», «защитники» гонимых, «примиренцы», «сваливающие ошибки на умерших», «неявлявшиеся на проработочные заседания» — среди гонимых (с. 265–268).

На казусах Х.Г.Аджемяна и И.И.Мордвишина исследуется роль «маленьких людей» в идеологических кампаниях. Они порой активно «сигнализировали о недостатках», инициировали разбирательства, давали им новые повороты, эпатировали почтенную академическую среду (с. 313–328).

Отдельная глава работы посвящена становлению историографии как отдель-

ной отрасли советской исторической науки, которая должна была подчеркнуть непревзойдённые достоинства марксистско-ленинской науки по сравнению с до-революционной и особенно вести «бескомпромиссную» борьбу с наукой западной. Важной миссией историографии стало требование находить методологические недостатки в работах современников и ругать их за слишком частое и корректное обращение к зарубежным исследованиям. Тогда же пострадали авторы и наиболее квалифицированных историографических работ Н.Л. Рубинштейн и О.Л. Вайнштейн (с. 329–343).

В монографии немало других интересных и захватывающих сюжетов. Например, очень интересно читать об историко-документальных проектах академика И.И. Минца по сбору воспоминаний участников Гражданской и Великой Отечественной войн.

Таким образом, на обширном материале источников В.В. Тихонову удалось детально воспроизвести ход и содержание идеологических кампаний, показать их значение в деле мобилизации и одновременно запугивания историков, использование и развёртывание кампаний для решения персональных или корпоративных проблем.

Вместе с тем столь обширная работа не свободна от недостатков и спорных мо-

ментов. Множество микроисторических историй — казусов, — приводимых в работе, несмотря на все попытки автора, не поддаются обобщениям. Ибо сила казуса, как представляется, всё-таки не в генерализации, а в нехарактерности. Наконец, глава 7 (с. 271–283), названная «Идеологические кампании в исторической науке в личностном измерении», не достаточно репрезентативна. Она стоит всего из двух казусов — С.А. Фейгиной и Е.А. Луцкого. Таких случаев должно быть больше, тогда из них может конструироваться некий измерительный инструмент, типаж. Этим же двум казусам не хватает документов личного происхождения — писем, воспоминаний, характеристик и пр., без которых просто нет «личностного».

Но эти недостатки, отметим ещё раз, автор легко сможет развернуть в новые, столь же увлекательные исследования.

Рецензируемая монография В.Н. Тихонова является, безусловно, значительным вкладом в изучение советской исторической науки, привлекая как обилием представленного в ней нового, впервые вводимого в оборот, материала, так и неожиданными сюжетными линиями и ракурсами. Автору удалось не только обрисовать академические и образовательные экстерьеры здания исторической науки, но и подробно описать его интерьеры, населив живыми людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уваров П.Ю. Апокатастасис, или Основной инстинкт историка // Казус — 2000. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 3. М., 2000. С. 15–32.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 284. Рецензии на учебники, планы изданий учебников на 1938 г. Л. 53–54.

С.Н. КОРНЕВСКИЙ*

Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Тель Хазна I. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. Северо-восточной Сирии). Т. II. М.: Таус, 2016. — 584 с.**

Том II коллективной монографии «Тель Хазна I — административный центр IV–III тыс. до н.э. Северо-восточной Сирии» завершает исследования крупного памятника древних земледельцев и скотоводов начала медно-бронзового века, изучение которого Сирийская экспедиция Института археологии РАН проводила почти 20 лет. Она начала свои изыскания ещё в конце 1980-х гг. До этого времени в Сирии уже вели работы экспедиции Англии, Франции, Германии, Италии, Голландии, США, Японии, Польши, Бельгии и иных государств. Такая концентрация учёных в данном регионе свидетельствует о высоком интересе научной общественности к северной части Месопотамии и Сирийской Джазиры. К тому же работу археологических экспедиций за рубежом развитые европейские страны всегда рассматривали как одну из форм культурных контактов и как деятельность по изучению культурно-исторического прошлого мировой цивилизации.

В 1987 г. являвшийся в то время заместителем директора Института археологии РАН и начальником Ирак-

ской экспедиции проф. Р.М.Мунчаев провёл переговоры с руководством Генеральной Дирекции древностей и музеев Сирии, представлявшие взаимный интерес. Суть их сводилась к открытию широкого фронта для сотрудничества двух стран в области археологии и изучения древнейших этапов становления цивилизации земледельцев и скотоводов в области верхней Месопотамии, территориально входящей в границы Сирии.

В том же году была образована Сирийская экспедиция Института археологии РАН и проведены разведки с целью выбора памятника для раскопок. Внимание российских археологов привлекла группа искусственных холмов-теллей, расположенных в 25 км к северо-востоку от центра провинции Хасаке, слева шоссе-ной дороги, ведущей из г. Хасаке в деревни Хазна, Аляви и Нурек. Скопление памятников тянулось по берегам вади (старого русла) Ханзир, притока р. Джаг-Джаг, впадающего в Хабур. Особый интерес представлял крупный холм, на котором были собраны черепки V–III тысячелетий до н.э. Он располагался вблизи де-

* **Корневский Сергей Николаевич** — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН.
E-mail: Skorenevskiy@yandex.ru

** Проект 16-01-16505д.

ревни Хазна и потому получил название Телль Хазна I.

Холм Хазна I достигал в высоту 17 м при диаметре 150–200 м. Раскопки на нём начались весной 1988 г. и продолжались до 2010 г. Конец им положила война, превратившая мирную жизнь в Сирии. В состав Российской экспедиции входили ведущие российские археологи-востоковеды чл.-корр. РАН Р.М.Мунчаев, д.и.н. Н.Я.Мерперт, д.и.н. Н.О.Бадер, д.и.н. О.Г.Большаков, академик В.И.Молодин, а также их молодые коллеги Ш.Н.Амиров, Ю.Б.Цетлин, Е.Ю.Лебедева, Е.Е.Антипина, М.В.Добровольская, М.Б.Медникова, Ю.В.Лунькова, В.Ю.Луньков, Р.Г.Магомедов, С.Ю.Лев, Д.В.Рукавишников и др.

Всего на холме Хазна I была раскопана площадь, равная примерно одной трети всего телля, включая его вершину. Она составила более 5000 кв. м. В её пределах были открыты остатки многочисленных сооружений (более 500), сложенные из сырцовых кирпичей, и массивной обводной стены. Жилых построек обнаружено мало. В основном это были культовые постройки (в том числе храмы) и зернохранилища. Конечно, люди на телле жили, занимались ремеслами, в том числе изготавливали керамику, о чем свидетельствуют находки горнов. Но все же, думается, преобладало население, связанное с обслуживанием культовых построек, которые можно интерпретировать как храмы и священную башню, прообраз месопотамских зикуратов [1, с. 33].

Строения хорошо сохранились, что позволило исследовать их на высоту 8 м. Среди находок оказалось много фрагментов керамики, встречались печати, статуэтки людей и животных, кремневые инструменты, изделия из металла. Особо примечательна находка клада из инструментов деревообработки.

История телля началась в убейдско-урукский период, датируемый с начала IV тыс. до н.э. до 3400/3300 гг. до н.э., и продолжалась в эпоху Джемдет Насра в 3400/3300 гг. до н.э. и раннего династического периода I

(до 2700 г. до н.э.). На севере Месопотамии это время связывается с распространением культуры Ниневия V.

Первый том монографии, посвященный раскопкам на Хазне I, вышел в 2004 г. [2]. Он состоял из трёх частей и приложения. Первая из них включала описание раскопок, вторая – была посвящена изучению керамики Телль Хазны I. Далее авторы разработали периодизацию отложений культурных слоев Телль Хазна в системе синхронных памятников Северной Месопотамии. Они отметили на Телль Хазне I слои урукского времени, слои эпохи Джемдет Наср, слои начала РД I, слои конца РД III. Третья часть монографии освещала погребальные комплексы телля. Приложение к тому включало разделы об истории российских археологических исследований в Месопотамии (Р.М.Мунчаев) и изучении гончарного горна на Телль Хазне I (Ю.Б.Цетлин) и палеоэтноботанических материалов (Е.Ю.Лебедева.).

Второй том монографии, посвященный Телль Хазне I, вышел 12 лет спустя, в 2016 г. Он состоит из нескольких частей. Первая посвящена архитектуре поселения Телль Хазна I. Во второй рассматриваются погребальные комплексы, раскопанные в Телль Хазне I после 2000 г. (погребения №31–73). М.В.Добровольская и М.Б.Медникова написали раздел «Биоархеологические подходы к изучению останков погребённых на Телль Хазне I и подготовили каталог данных по рассматриваемой теме.

Третья часть монографии отражает исследование отдельных категорий археологического материала из Телль Хазны I. В неё входят очерки «Печати и оттиски Телль Хазны I. Каталог. Антропоморфная пластика Телль Хазны I» (Р.М.Мунчаев, Ш.Н.Амиров), «Зооморфная пластика Телль Хазны I» (Ю.В.Лунькова), «Модели колёс и повозок на Телль Хазне I» (Ш.Н.Амиров, Т.В.Корниенко); «Кремневый и обсидиановый инвентарь на поселении Телль Хазны I» (Э.Р.Ибрагимов).

ва); «Металл поселения Тель Хазны I» (В.Ю.Луныков).

Тема естественно-научных методов в изучении материалов Тель Хазны I затронута в четвёртой части: «Сельскохозяйственная продукция из Тель Хазны I (Е.Ю.Лебедева, Е.Е.Антипина), «Зерновые находки из сооружения № 485 на Тель Хазне I: обработки зерна для приготовления пищи» (Е.Ю.Лебедева), «Остеологические материалы из раскопок 2002–2010 гг.» (Е.А.Антипина), «Микробиоморфный анализ и другие естественно-научные исследования» (А.А.Гольева). В заключение приложена статья «Об относительной и абсолютной хронологии культурного слоя поселения Тель Хазна I» (Ш.Н.Амиров, З.П.Зазовская).

Авторы монографии рассматривают архитектурное строительство Тель Хазны I как показатель высокой организации общины в конце IV тыс. до н.э., которое являлось следствием влияния Шумера (южной части Месопотамии) на северные области Двуречья. В то время происходил численный рост населения округа. Климат Месопотамии был тогда влажным, способствовавшим хорошей урожайности и позволявшим делать запасы зерна на случай неурожайных лет. Одним из таких «складов» хранения общественного зерна мог быть посёлок Тель Хазна I. Поселение являлось также идеологическим центром округа. Здесь было выявлено одно из наиболее ранних храмовых сооружений Месопотамии, которое, по мнению авторов издания, может рассматриваться как прототип зиккуратов Шумера более позднего времени.

Авторы отмечают важную особенность Тель Хазны I как населённого пункта долговременного обитания. Его планировка имела вид окружности. Улицы располагались радиально и сходились к центру. Стены, опоясывающие постройки, вряд ли выполняли оборонительные функции, так как не были замкнуты и не имели башен или бойниц. Главное назначение обводной стены сводилось к защите посе-

ления от природных катаклизмов, кроме того, она определяла границы поселения. По всей видимости, это была особая модель развития поселения долговременного обитания, для которой круговая планировка была обусловлена особенностями быта и хозяйственных нужд.

Кризис архитектурного строительства и общества округа Тель Хазны I наступил в начале III тыс. до н.э. Он был обусловлен наступлением засухи. В то время на юге Месопотамии заканчивается период Джемдет Наср и начинается становление раннединастического периода, приведшего к возникновению государственности. Города Шумера в те годы окружались крепостными стенами. На полях брали появлялись армии хорошо экипированных и вооружённых бронзовым оружием воинов, возглавляемых лугальями — военными вождями.

После того, как посёлок Тель Хазна I запустел, на его месте возникло большое кладбище, существовавшее в течение III тыс. до н.э. Всего экспедиции удалось расчистить около 70 захоронений. В том числе 27 погребений детей. Авторы делают вывод, что кладбище в основном предназначалось для детей, а хоронили их в ямах и сосудах. По мнению М.В.Добровольской и М.Б.Медниковой, одной из причин смерти младенцев была цинга. Губительная болезнь развивалась из-за наличия в рационе продуктов питания из долго хранившегося зерна при отсутствии овощей и белковой пищи. Такое наблюдение открывает, как полагают исследователи, очень важную черту культур ранних земледельцев, связанную с тем, что переход к растительной злаковой пище привнес новые проблемы в жизнь древних общин.

В краткой рецензии, естественно, невозможно осветить все актуально поднятые вопросы археологии Северной Месопотамии на материалах поселения Тель Хазна I. В заключение остановлюсь на сюжете, связанном с изучением металла Тель Хазны I. Публикации настоящего

труда предшествовала обстоятельная работа Р.М.Мунчаева, посвящённая изучению комплекса орудий, который трактуется как клад. Он состоит из кинжала-пилы, двух тесел, двух долот, шилы-проколки [1, с. 33–40]. Р.М.Мунчаев справедливо отмечает, что аналогии кинжалам-пилам связаны прежде всего с находками в Сирии [там же, с. 33–40]. Активно используя работу Р.М.Мунчаева, В.Ю.Луньков распространяет аналогию кинжалу-пиле на Кавказ. Отметим, что на Кавказе в эпоху, предшествующую времени раннединастического I периода, и в поздний период куро-араксской культуры кинжал-пила как категория не известен. Вызывает возражение и прямое сопоставление клада из Тель Хазны I с металлом майкопско-новосвободненской общности. Р.М.Мунчаев относит клад ко времени РД, т.е. к периоду Ниневия V (I половина III тыс. до н.э.) [1, с. 39). Дата майкопско-новосвободненской общности связана с IV тыс. до н.э. Поэтому речь об аналогиях металла Тель Хазны I на Кавказе может идти в контексте древностей позднекуро-араксской культуры, алазано-беденской группы памятников Южной Грузии и эпохи средней бронзы Предкавказья. Именно в этом круге древностей находит аналогии желобчатое долото с восьмигранной огранкой, входящее в комплекс рассматриваемого комплекса Тель Хазна I и курганов алазано-беденской группы в Грузии.

При определении возраста памятника авторы монографии опубликовали таблицу общей синхронизации слоев Тель Хазны I с опорными для хронологии Месопотамии памятниками. Особо следует

подчеркнуть их мнение о синхронизации слоёв Тепе Гавра ХIIА–ХII с началом майкопско-новосвободненской общности, которые датируются первыми веками IV тыс. до н.э. Это очень важный пункт для построения синхронизаций медно-бронзового века Ближнего Востока и Кавказа, связанных с финалом убейдской эпохи и началом урукского периода. Единства мнений по нему нет. Но автор этой рецензии придерживается именно такой синхронизации [3, с. 21–40).

Радиоуглеродные даты для поселения Тель Хазна I приведены в статье Ш.Н.Амирова и Э.П.Зазовской. В основном они относятся к слоям времени Ниневия V–РД. В калиброванном значении они чётко совпадают с известными историческими датами раннединастического периода и лишние раз доказывают, что даты 14С можно использовать только при их коррекции.

В целом, подводя итоги долговременным работам Сирийской экспедиции Института археологии РАН на Тель-Хазне I, хотелось бы прежде всего поздравить её коллектив с плодотворным проведением масштабного исключительно важного научного исследования и публикацией его результатов в двух обширных томах. Перед нами тот редкий случай, когда учёным удалось ввести в научный оборот результаты многолетних раскопок весьма сложного и крайне важного памятника, каким, безусловно, является Тель Хазна I. Без преувеличения можно сказать, что авторы внесли неоценимый вклад в историю изучения археологии и древней истории Северной Месопотамии и Ближнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мунчаев Р.М. Клад бронзовых изделий III тыс. до н.э. из Тель Хазны I в Северной Месопотамии // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005. С. 33–40.
2. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Тель Хазна I . Культурно-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-восточной Сирии. Т. I. М.: Таус, 2004. 485 с.
3. Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный контекст. М.: Таус, 2011. 334 с.

С.А. КРАВЧЕНКО*

Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин; Редкол.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.А. Касавина. М.: Весь мир, 2016. — 360 с.**

Проблемы модернизации российского общества, причём не только в технико-технологической, но и в политической, экономической и культурной сферах, остаются в центре обсуждения специалистами и многими далёкими от научных дискуссий людей. Ответы на вызовы времени могут быть убедительными только в том случае, когда они опираются на объективные, неангажированные оценки современного состояния общества, а в случае такой огромной страны, как России — и её регионов, территорий, городов и сельских поселений. Авторы рецензируемого труда сосредоточили внимание на проблемах модернизации России и её регионов, считая, что она может быть ответом на внутренние вызовы, стоящие перед нашей страной.

Рассматриваемый «Атлас» отличается фундаментальностью и редким жанром исследований общества. Он подготовлен Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Роль пространства в модерниза-

ции России: природный и социально-экономический потенциал» (координатор акад. В.М.Котляков). В то же время книга аккумулирует результаты свыше 70 инициативных исследований проблем социокультурной эволюции России и её регионов, в которых участвуют специалисты из 27 субъектов РФ, а их исследования координирует Научный совет Секции философии, политологии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН. Эти компаративистские исследования получили широкий резонанс и признание как новое научное направление — социокультурная компаративистика российских регионов, а их руководителю, чл.-корр. РАН Н.И.Лапину, за эти исследования в ноябре 2016 г. присуждена премия РАН им. М.Ковалевского. Авторский коллектив «Атласа» включает 19 специалистов из шести федеральных округов РФ — как известных академиков, докторов наук, профессоров, так и молодых учёных.

И вторая, эпистемологическая, особенность исследования — его редкий жанр как атласа. Из вышедших в последние годы вспоминается лишь че-

* **Кравченко Сергей Александрович** — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД РФ.
E-mail: sociol7@yandex.ru

** Проект 16-03-16026д.

тырёхтомный «Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России», подготовленный Южным научным центром РАН (отв. ред. академик Г.Г. Матишов. 2006–2010). О нём в обсуждаемой книге сказано как о примере особого вида атласа — проблемно-аналитического, в котором пространственная систематизация существенно значима для познания изучаемых объектов. И в рецензируемой книге такая систематизация тенденций и проблем модернизации в России служит способом конструктивного их понимания и выявления путей их решения. Сочетая конструктивно-реалистический, цивилизационный и антропосоциетальный подходы и используя их взаимодополняющие преимущества, авторы реализуют одновременно социально-философскую и общесоциологическую методологию.

В соответствии с жанром конкретные результаты визуализированы с помощью цветных карт, графиков, таблиц, иллюстрирующих и дополняющих выводы исследования. Издательство «Весь мир» обеспечило высокое художественное и полиграфическое качество книги, благодаря чему первый опыт пространственно систематизированного понимания состояний и процессов, тенденций и проблем модернизации российских регионов и всей страны обрёл в Атласе привлекательный облик.

Книга включает три раздела и приложения. Две главы первого, вводного, раздела посвящены теоретико-методологическим проблемам модернизации в современной России: дана характеристика модернизации в мире и нашей стране; проанализированы социокультурные вызовы российского общества, требующие его модернизации. В семи главах второго раздела рассматриваются состояния, процессы и сценарии модернизации регионов в семи из восьми федеральных округов (кроме Северо-Кавказского, поскольку, по оценке авторов, отсутствуют надёжные данные о некоторых регионах этого округа). В заключительной, 10-й, гла-

ве подытожены характеристики реалий российской модернизации, рассмотрены задачи повышения её эффективности с помощью методов стратегического планирования. В приложениях представлены инструментарий, с помощью которого авторы получили индексы модернизации; сводные таблицы этих индексов в изученный период (2000–2012 гг.); графики динамики индексов модернизации всех регионов и страны в целом. Материалы приложений представляют собой методико-эмпирическое целое, которое позволяет специалистам самостоятельно осуществить анализ проблем модернизации.

Как полагает ответственный редактор книги чл.-корр. РАН Н.И. Лапин, модернизация имеет две главные функции: повышение качества жизни населения и обеспечение безопасности страны. Она представлена как комплексный процесс цивилизационных изменений, который в России осложнён давним диссонансом между восточно-европейской, православно-христианской культурой и российско-азиатскими социальными практиками. В условиях глобализации она приобрела характер всемирного мейнстрима, уклонение от которого чревато катастрофой для стран и целых цивилизаций.

Опираясь на данные российской статистики, авторы с помощью стандартных индексов, которые Центр исследований модернизации АН Китая ежегодно получает в ходе мониторинга процессов модернизации 130 стран (97% населения Земли), определили индексы модернизации субъектов нашей страны, позволившие сопоставлять российские регионы как между собой, так и со странами всего мира. А при интерпретации человеческих измерений этих индексов авторы использовали данные и результаты социологических исследований почти в трети регионов страны.

Вопреки скептицизму, с 2000 г. в России, как и во многих странах мира, осуществляется модернизация как цивилизационный процесс: завершается индустриальная стадия и начинается инфор-

мационная стадия, точнее — впервые зафиксировано вхождение России в 2010–2012 гг. в подготовительную фазу информационной стадии.

Эмпирические и аналитические результаты, полученные авторами, систематизированы по федеральным округам. Выделены шесть комплексных состояний модернизированности регионов. Для стратегических задач поэтапной модернизации все регионы страны дифференцированы на три группы, по два смежных состояния в каждой (их перечень представлен на с. 312–313 Атласа).

Согласно полученным результатам, на первом, начальном, этапе-потоке находятся 29 регионов с низким состоянием модернизированности, в которых проживает около 20% населения России. В ближайшее время им необходимо завершить индустриальную стадию модернизации, ключевое звено которой составляют восстановление обрабатывающей промышленности и начало новой индустриализации — переход к индустрии пятого технологического уклада. В самых низких состояниях модернизированности находятся шесть регионов (преимущественно депрессивных, на Северном Кавказе и юге Сибири).

На втором этапе-потоке, который характеризуется средними состояниями модернизированности (зрелая фаза индустриальной стадии и начальная фаза информационный стадии), находятся 40 регионов (около 50% населения). Им предстоит завершить новую индустриализацию и на основе высоких технологий перейти к фазе роста информационной стадии модернизации, осуществить модернизацию повседневной инфраструктуры жизнедеятельности населения, приблизив её к среднеевропейским.

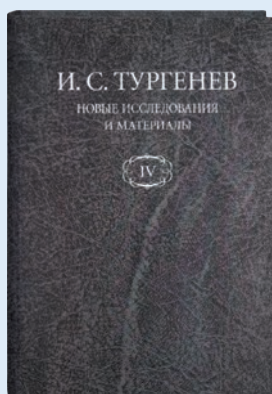
На третьем этапе-потоке, который отличается высокими состояниями модернизированности, находятся 14 регионов (более 30% населения). Из них самые высокие состояния имеют 6 регионов (две столицы и 4 области). Им предстоит даль-

ше развивать информатизацию и новые технологические уклады. На этом этапе должен быть преодолен социокультурный диссонанс российского цивилизационного процесса, что может стать началом становления российской цивилизации как гуманистически ориентированного способа жизнеустройства большого сообщества людей на северо-восточной части евразийского континента.

Обобщая результаты, представленные в Атласе, руководитель исследования отметил следующее. В большинстве стран мира модернизация образует мейнстрим среднесрочной эволюции; она предохраняет страну от революционных потрясений и поддерживает её суверенитет. Требуется мягкое, но системное государственное регулирование её процессов, которое опиралось бы на конституционные принципы демократии и федерализма, правового социального государства и местного самоуправления, используя методы стратегического планирования, поддерживая саморазвитие регионов и муниципальных образований. Стратегией, соответствующей базовым ценностям большинства населения России, может служить интегрированная, в перспективе гуманистически ориентированная модернизация.

В заключение подчеркнём: это первый проблемно-аналитический атлас, в котором пространственно систематизированы результаты многих общероссийских и региональных исследований. Он помогает уяснить, что такое модернизация в современной России, как она осуществляется. Впервые российское общество рассмотрено как целостность регионов, находящихся на разных этапах модернизации, с измерением количественных параметров.

Сопоставительный анализ процессов модернизации в регионах показал, что она служит ответом на глобальные вызовы современности, о которых сказано в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, способом решения проблем и судьбы России как страны и цивилизации.

Н.Е. НИКОНОВА*

**И.С. Тургенев. Новые исследования
и материалы Вып. 4 / Отв. ред.
Н.П. Генералова, В.А. Лукина.
М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. — 969 с.: ил.****

Научные издания «Исследований и материалов», посвящённые наследию того или иного классика, выступают своего рода индикатором интереса современной научной общественности к его наследию, поскольку открывают актуальную палитру подходов к осмыслению открытий и одновременно вводят в научный оборот новые источники, требующие исследовательского внимания. Рецензируемое издание, посвящённое 200-летию Ивана Сергеевича Тургенева (1818–2018), с одной стороны, продолжает серию из трёх «Тургеневских сборников» [1], возобновлённую в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом), с другой — развивает давнюю академическую традицию издания трудов и материалов, сопровождающих эдиционные проекты по подготовке собраний сочинений и писем классиков XIX в. (Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, А.А. Фета, В.А. Жуковского).

В книге содержится богатый набор рубрик: научные статьи и сообщения литературоведов соседствуют с оригинальными и переводными текстами

писателя на русском, немецком, английском и французском языках; ранее не известные материалы из наследия И.С.Тургенева предстают в широком и разнообразном рецептивном поле. Сборник объединяет более двух десятков авторов из России, Швеции, Венгрии, Украины, Канады и Новой Зеландии (всего более 40 публикаций) и, по сути, предоставляет читателю путеводитель по современному мировому тургеневедению. В статьях и материалах открываются новые факты из биографии Тургенева, истории его контактов с близким и дальним окружением, черты житейского быта, эпистолярные диалоги, опыты в области вокальной музыки и художественного перевода. Последние разделы сборника — Обзоры и рецензии и Pro memoria — объединяют настоящее и прошлое тургеневедения.

В научных статьях первого раздела творческая деятельность Тургенева предстаёт в широком отечественном и западноевропейском контексте. Заглавная публикация Е.Н. Аншихминой позволяет проследить процесс вхождения историко-культурных реалий вре-

* **Никонова Наталья Егоровна** — доктор филологических наук, заведующая кафедрой романо-германской филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: nikonat2002@yandex.ru

** Проект 15-04-16506д1.

мени — и частной истории рода — в генетический код русской словесности. Исследователь в деталях показывает, каким образом «среда, в которой вырос Тургенев, во всей своей противоречивости, со всеми её плюсами и минусами, оказала колоссальное влияние на его личность» и «явилась для него источником сюжетов и прототипов персонажей, стала источником вдохновения». Следующая далее работа Н.П. Генераловой вводит «события внешней и внутренней жизни» Тургенева в контекст известных и неясных полемических дискуссий с коллегами-современниками — Чернышевским, Добролюбовым, Некрасовым, Герценом и Огарёвым.

Ещё четыре статьи первой части сборника представляют фигуру Тургенева в различных имагологических контекстах: работа П. Уоддингтона репрезентирует линию английских связей писателя, ряд коммуникативных неудач которой способствовал формированию особого викторианского взгляда на его творческую деятельность. Статьи Л. Сундквиста и В.А. Лукиной вносят значительный вклад в изучение связей писателя с немецким миром. С одной стороны, в научный оборот впервые вводятся новые факты немецкой рецепции русской классики; с другой — сообщаются сведения о стратегиях самопозиционирования Тургенева в немецкоязычном поле мировой литературы. Особое значение имеет статья В.А. Лукиной, посвящённая деятельности Тургенева как редактора немецких переводов собственных текстов.

Первую часть сборника гармонично завершает освещение литературных связей Тургенева с натуралистами французской школы. В статье О.Б. Кафановой предложены ответы на вопрос о характере диалога писателя с Э. Золя, Э. де Гонкур и А. Додэ. На материале переписки и критических высказываний писателей исследователь убедительно показывает своеобразие и в то же время типичность позиции «русского европейца» Тургенева, который, с одной стороны, не принял

целый ряд характерных черт французского натурализма, с другой — на протяжении всей жизни поддерживал диалог с представителями нового литературного направления.

Следующий раздел сборника представляет тексты самого Тургенева. Работа Л.А. Балыковой позволяет воссоздать историю тургеневских переводов сказок Ш. Перро «Синяя борода» и «Волшебница». Публикация черновых и белых автографов писателя, тщательный текстологический анализ сопровождаются сопоставлением опытов Тургенева с переводами тех же двух сочинений Ш. Перро, выполненными в начале 1820-х гг. В.А. Жуковским.

Ещё одну ипостась Тургенева-автора открывает раздел сборника «Либретто опер». В этом разделе, подготовленном Н.Г. Жекулиным и Н.П. Генераловой, представлены новые материалы из Хуэтонской библиотеки Гарварда, расширяющие «наши знания о совместной работе Тургенева и Полины Виардо» над опереттами и романсами. Разыскания канадского исследователя не только открывают творческую лабораторию Тургенева—Виардо, но и задают сюжет для монографического изучения вокальных переводов как особого жанра художественной литературы. Очередным открытием является публикация черновых и белых редакций оперетт «L'Ogre» («Людоед») и «La Partie de whist» («Партия в вист»). Эта публикация сопровождается мастерскими переводами, выполненными авторами раздела, а также партитурами, впервые знакомящими заинтересованного читателя с ранее недоступными материалами.

Не имея возможности затронуть в краткой рецензии все содержание почти тысячестраничного научного труда, особо отметим ещё несколько статей сборника. Сообщение М.Я. Сарриной содержит оригинальные выводы о прототипах героев «Дворянского гнезда»; публикации В.И. Дудко и Н.П. Генераловой уточня-

ют представление о характере деловых связей Тургенева с братьями по перу М.А. и А.В. Марковичами, а также с чиновниками (в частности, с В.К. Ржевским); заметка Е.Б. Новиковой освещает популярный сегодня вопрос о литераторе-хозяйственнике. Персонологическая конкретность новых исследований тургеновцев открывает возможность представить развитие русской словесности как поле взаимодействующих и коммуникативных практик, которые задали тенденции, выходящие за пределы XIX в.

Важные находки Е.В. Полянской, Л. Сундквиста, А.Г. Гродецкой, Н.П. Генераловой, Е.М. Грибковой и С.Л. Жидковой, заново подготовленная С.А. Ипатовой публикация воспоминаний о писателе переводчицы Е.И. Бларамберг вводят в научный оборот

ранее не получившие должного внимания фрагменты эпистолярного наследия Тургенева, открывают подробности его частной жизни, характер эстетических предпочтений, особенности литературного и общественного сознания в России и Европе в целом. Ценность публикации новых материалов значительно возрастает благодаря наглядному представлению автографов в виде многочисленных факсимиле.

Не менее полусотни персоналий, которые существенно проясняют биографию и творчество писателя, будучи объединёнными в корпусе материалов к Тургеновской энциклопедии, довершают заданное авторами сборника направление разысканий, нацеленных на локализацию тургеновского наследия в контексте мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. 1–3 / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. СПб.: Альянс-Архео, 2009.

Г.Н. ВОРОНЦОВА*

**Константин Федин и его современники:
Из литературного наследия XX века. Кн. 1 /
Отв. ред. Н.В. Корниенко; Сост. И.Э. Кабанова;
Подгот. текста и коммент. И.Ю. Иванюшина,
И.Э. Кабанова, Л.Ю. Коновалова, Т.А. Кукушкина,
Е.А. Мазанова, Е.А. Папкина, Е.М. Трубилова.
М.: ИМЛИ РАН, 2016. — 680 с.: ил.****

«Когда-нибудь этот отдел <письма писателей> станет самым любимым предметом чтения <...> Со временем литературная критика вся сведётся к разгадке личности автора и авторов. И вот в этот зрелый, августовский или сентябрьский период истории литературы, письма авторов, посмертно собранные и напечатанные, приобретут необыкновенный интерес, значительность, привлекательность»

В.В. Розанов «О письмах писателей» (1909)

Публикация переписки одного из крупнейших писателей XX в. Константина Александровича Федина с его современниками Ф.К. Сологубом, А.А. Ахматовой, М.А. Кузминым, В.Ф. Ходасевичем, Е.И. и Л.Н. Замятинскими, В.Я. Шишковым, А.К. Воронским, М.М. Зощенко, Р.Б. Гулем, В.Г. Лидиным и К.И. Чуковским, безусловно, стала далеко не рядовым событием отечественного литературоведения. Уникальное издание, в основу которого положены документы и материалы Государственного музея К.А. Федина (Саратов), Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Института русской литературы РАН (Пушкинский дом), Российского государственного архива литературы и искусства, Российской государственной библиотеки, Российской национальной биб-

лиотеки, частных собраний, состоялось благодаря многолетнему тесному взаимодействию музейной, вузовской и академической науки. В его подготовке приняли участие сотрудники Государственного музея К.А. Федина, учёные Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского и двух академических институтов (ИМЛИ и ИРЛИ РАН).

В статье «От редактора» (Н.В. Корниенко), которая открывает издание, обозначена основная цель осуществлённого научного проекта: «...ввести в научный оборот новые архивные материалы, расширить и уточнить источниковедческую карту истории русской литературы советского периода, а также вернуть изучение жизни и творчества одного из крупнейших русских писателей XX в. в реалистическое русло» (с. 3).

* **Воронцова Галина Николаевна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
E-mail: Voroncova.96@mail.ru

** Проект 15-04-16502д1.

На наш взгляд, этим не исчерпывается значение книги, ставшей данью благодарной памяти самому Константину Федину, сохранившему в непростые годы истории нашей страны «огромные своды сложного, драматического и противоречивого материала советской литературной эпохи» (с. 4). В 1990-е гг. архив писателя был безвозмездно передан наследниками в саратовский музей его имени. Документы архива и послужили бесценной археографической базой книги.

Представление об отношении Федина к эпистолярному жанру даёт статья «От составителя» (И.Э.Кабанова), где широта и разнообразие круга адресатов писателя, большие циклы его сохранившейся переписки связываются с «постоянством Федина в дружеских привязанностях, умением сохранять и развивать отношения на протяжении долгих лет». Эпистолярная модель общения писателя определяется как «предельно искренний диалог с адресатом» (с. 8).

Книга состоит из 12 разделов-комплексов, каждый из которых представляет собой самостоятельный сюжет, связанный с именем конкретного адресата писем Федина. В половине случаев публикаторам удалось восстановить взаимную переписку писателя с современниками (Ф.К.Сологубом, Е.И. и Л.Н.Замятыми, А.К.Воронским, М.М.Зоценко, В.Г.Лидиным, К.И.Чуковским). Разделы, посвящённые А.А.Ахматовой, М.А.Кузмину, В.Ф.Ходасевичу, В.Я.Шишкову, Р.Б.Гулю, составили их письма Федину. Раздел, посвящённый Вс.В. Иванову, — письма Федина к нему.

Хронологически 428 опубликованных писем (большинство — впервые) охватывают период с 1920 г. (первые письма Чуковского Федину) до 1 января 1977 г. (последнее письмо Лидина Федину), вместивший в себя практически всю творческую жизнь писателя, наполненную важнейшими событиями как его собственной биографии, так и биографии страны, дружбами и неприязнью, успехами и неудачами, надеждами и разочарованиями.

С этой точки зрения письма могут быть квалифицированы не только как личный документ, но и как документ сложнейшей эпохи.

При знакомстве с книгой обращает на себя внимание та научная обстоятельность, с которой подготовители подошли к публикации отобранного эпистолярия. Исчерпывающие вступительные статьи к разделам и обширные развёрнутые комментарии, выполненные с привлечением богатейшего архивного материала, не только развивают темы писем, но и способствуют воссозданию необходимого в каждом конкретном случае историко-литературного контекста времени.

Так, комментирование переписки К.Федина и Ф.Сологуба (вступительная статья, комментарий Т.А.Кукушкиной, подготовка текста Т.А.Кукушкиной, Л.Ю.Коноваловой) оказалось невозможным без обращения к истории создания и функционирования Петроградского (Ленинградского) отделения Всероссийского союза писателей, которое в 1924–1927 гг. возглавлял Сологуб и в правление которого входил Федин. Как пишет автор вступительной статьи, в воспоминаниях секретаря правления М.В.Борисоглебского взаимоотношения двух писателей «освещены в негативном ключе». Однако анализ публикуемых писем Федина и Сологуба, привлечённых архивных документов позволяет ей сделать иной, более близкий к истине вывод: «Сологуб и Федин, писатели, сложившиеся в разной культурно-исторической реальности, по-разному видели и литературное “сегодня”, и будущее русской литературы, да и страны в целом <...> Но преданность литературе и общему делу несомненно создавала основу для взаимного уважения и доверия» (с. 26).

Атрибуция адресованных Федину записок Анны Андреевны Ахматовой, не имеющих дат (вступительная статья, подготовка текста, комментарий Л.Ю.Коноваловой), осуществлена на основе всего комплекса сведений о взаимоотношениях автора и адресата, которые, как справедливо ука-

зано во вступительной статье, несмотря на небольшую разницу в возрасте, принадлежали «к разным литературным поколениям, более того — к разным эпохам русской литературы» (с. 35).

Знакомство молодого прозаика и всеми признанной поэтессы, состоявшееся в самом начале 1920-х гг., переросло в отношения, которые сам Федин определил как «долгое дружелюбие издаваемых чувств». Одним из основных источников по данной теме послужили дневники писателя, в которых зафиксированы различные подробности жизни Анны Андреевны, нелёгкие повороты её творческой судьбы, а также желание Федина прийти ей на помощь. Научно значимы и публикуемые впервые в составе вступительной статьи адресованные писателю инскрипты на книгах Ахматовой из фондов саратовского музея.

Два комплекса писем связаны с именами участников группы «Серапионовы братья», Всеволода Вячеславовича Иванова (вступительная статья, подготовка текста, комментарий Е.А. Папковой) и Михаила Михайловича Зощенко (вступительная статья, подготовка текста, комментарий Т.А. Кукушкиной), с которыми Федина связывали близкие, сохранившиеся на десятилетия отношения. В 1920-х гг. в составе «серапионовского» содружества все трое вместе вступали в большую литературу.

В письмах Федина Иванову «серапионовские» мотивы, в том числе в контексте его работы над книгой «Горький среди нас», занимают одно из центральных мест, что, конечно, немаловажно для реальной истории русской литературы XX в. Но рассказывают эти дружеские послания и о том душевном родстве, которое объединяло писателей, причём рассказывают «больше фактами, за которыми угадывается сложный комплекс политических, идеологических, литературных причин, следствий, реальных дел и человеческих отношений, слишком ясных обоим корреспондентам и поэтому не прописанных подробно» (с. 274).

Большая часть напечатанных в издании писем Федина и Зощенко относится к 1950-м гг. (до 3 декабря 1957 г.), к последнему, трагическому периоду жизни Зощенко, который так и не сумел оправиться от нанесённого ему в 1946 г. удара, связанного с известным постановлением ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». Федин был среди тех, кто не изменил своего отношения к писателю, продолжая помогать ему и тёплым словом, и дружеским советом, и реальными делами. Свидетельством тому являются их переписка и сохранившиеся в архиве Федина письма к нему вдовы Зощенко, Веры Владимировны, процитированные во вступительной статье. В одном из них она писала: «...я помню Вашу дружбу с Мишей, Вашу “высокую” оценку его литературы <...> И сердечно благодарю за всё то хорошее, что Вы делали для Миши в его последние годы» (с. 340).

Сохранились в личном архиве Федина и письма двух писателей-эмигрантов, Евгения Ивановича Замятина и Романа Борисовича Гуля.

Подготовленный и напечатанный в издании комплекс переписки Федина с Е.И. и Л.Н. Замятиными (вступительная статья, подготовка текста, комментарий Л.Ю. Коналовой), входившими в 1920-е гг. в близкий круг общения писателя, насчитывает 60 писем и впервые представлен в таком полном объёме. Ему предпослана обстоятельная, основанная на документальном материале и разысканиях предшественников вступительная статья с объективным анализом взаимоотношений писателей, а также тех драматических событий, которые привели в конечном итоге к отъезду Е.И. Замятина из России. В приложении к разделу совершенно обоснованно печатается письмо Федина 1929 г. в Правление Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей о его выходе из этой организации в знак протеста против кампании, направленной против Е.И. Замятина. В письмах Федина и Замятина 1920-х гг. содер-

жится большой массив сведений о литературной жизни Ленинграда этого периода, в большой мере актуализированных комментатором.

О научных комментариях к напечатанным письмам, выполненным в лучших традициях отечественного академического литературоведения на основе широких разысканий, в том числе и архивных, хотелось бы сказать особо. Как правило, они всегда исчерпывающи, предметно-конкретны и документально подтверждены, что позволяет рассматривать эту немаловажную часть книги в качестве солидного свода разнообразных сведений по истории русской литературы XX в.

Органическим продолжением текстов писательских писем является иллюстративный ряд книги. Портреты К. Федина и его корреспондентов, виды Саратова (родного города писателя), обложки раритетных изданий 1920-х гг., страницы

книг с дарственными надписями — всего 96 изображений, вплетённых в удивительные повествования о человеческих взаимоотношениях.

Завершает издание обширный именной указатель.

И последнее, все ли тайны сложных писательских судеб разгаданы комментаторами писем? На все ли поставленные вопросы получен ответ? Конечно, нет. Понимают это и сами исследователи: «Настоящее издание стремится к полноте, но не претендует на неё: слишком много обнаруживается белых пятен в писательских биографиях и в наших знаниях о литературных событиях <...> Надеемся, что на оставшиеся без ответа вопросы в комментариях переписки Федина с его современниками будет когда-нибудь найден не гипотетический, а реальный ответ, ответ с опорой на документ и архивный источник» (с. 6).

М.Н. СОКОЛОВ, Э.Л. БАЗАРОВА*

Слюнькова И.Н.
Царская, великокняжеская
резиденция: Ильинское и Усово.
М.: БуксМАрт, 2016 — 384 с.: ил.**

Монография И.Н.Слюньковой во многих отношениях представляет собой воистину образцовое исследование. Основанное, как и все её книги, на скрупулёзных архивных изысканиях, оно впечатляет великолепным знанием старинных источников, в том числе карт и земельных описей, охватывая равным образом как исторический ландшафт, так и историю как таковую. Собственно, история великолепно вписывается здесь в географическое пространство, являя читателю не только усадьбы Ильинское и Усово, но и целый сектор Подмосковья от Москвы до Звенигорода с Москвой-рекою в качестве главной пейзажной доминанты. И начинается тут всё с так называемой Царской дороги, по которой некогда возвращался из польского плена патриарх Филарет, отец Михаила, первого самодержца из династии Романовых, и некоторое время фактический правитель России. Ильинское же и Усово, со временем слившиеся в единый усадебный комплекс, представлены в качестве важ-

ного средоточия здешнего топографического историзма. Типическая среднерусская живописность (более всего известная по близлежащему Архангельскому) неразрывно связана здесь с судьбами русской монархии.

Изучая усадебную жизнь, И.Н.Слюнькова убедительно показывает тот радикальный сдвиг от экономики и чисто словной (или религиозной) репрезентации к эстетике, который произошёл на рубеже Средневековья и Нового времени, а в России — в XVII–XVIII вв. В этот период вотчины, имевшие чисто хозяйственное назначение, сменились именьями как «местами услад» (если попытаться хоть как-то перевести на русский выразительное английское понятие «pleasure grounds») с территориями, где возобладали уже не чисто прагматические сооружения и даже не храмы, а эффектные барские дома с разнообразно соподчинёнными им садовыми капризами. Произошла переориентация на комплекс живых картин, прекрасных видов, что в Ильинском случилось в первой половине XVIII столетия при Стрешневе

* **Соколов Михаил Николаевич** — доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии художеств, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств при РАХ.

Базарова Этери Леонидовна — кандидат архитектуры, профессор Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.
 E-mail: bazarovael@mail.ru

** Проект 16-04-16176д.

и получило развитие при последующих владельцах. Этот процесс описывается в книге в высшей степени детально и наглядно.

При этом сословная репрезентация не то чтобы упраздняется, но (что тоже показано весьма детально) приобретает иной характер. Владелец и даже монарх (после того как исследуемые территории становятся в XIX в. императорской собственностью) выступает как гражданин и почти что частное лицо, наслаждающееся природой в кругу родных и близких. Соответственно и дворцы сменяются коттеджами, придавая резиденциям сильных мира сего статус богатых дач (в качестве крайне уместной параллели приведена Александрия на Петергофской дороге). Даже самая изысканная роскошь (чаще всего в стиле историзма) выглядит здесь не столько патетически-величавой, декламирующей государственные идеалы, сколько максимально комфортной, придающей быту подобие райской идиллии.

Эта идиллия параллельно осуществляется и под Москвою, и в Крыму при строительстве Ливадийского дворца и парка. Император Александр II, а позднее ещё более тесно связанный с Ильинским великий князь Сергей Александрович постоянно воспринимают здешние пейзажи в их блаженном, эдемическом состоянии, не знаящем каких-то суровых сезонных катаклизмов (тем паче, что речь шла о летней резиденции). Время тут как бы останавливается в вечном покое и гармонии. И это не субъективное впечатление автора, это подтверждено массой ссылок на источники, в значительной своей части публикуемые впервые.

Экспрессивная поэтика — причём вполне исторически оправданная — соседствует в монографии с плодотворными научными гипотезами и открытиями. К примеру, крайне интересна мысль о возможной причастности Витберга к строительству Спасо-Усовской церкви.

Некоторые коррективы, скорее тональные, чем общетеоретические, хотелось бы

внести лишь в третью главу — о проживании в Усове великого князя Сергея Александровича и его супруги Елизаветы Фёдоровны. Понятно, что их щедрая благотворительная деятельность и изысканный художественный вкус правомерно усиливают общую атмосферу социальной идиллии, ярко проявляющуюся в здешних празднествах и общении с местным крестьянством. Но мы-то прекрасно знаем, что это был лишь роскошный занавес, прикрывавший действительность, которая устремилась к катастрофе, жертвами которой стали и великий князь, и его супруга. Вот этот исторический вектор желательно было бы подробнее наметить и объяснить.

Другое дело — воспоминания Тенишевой, это наглядное свидетельство разрушения усадебной утопии. Наш случай сложнее, нужно подбирать косвенные детали. Может быть, стоило бы подробнее охарактеризовать политические взгляды Сергея Александровича. Может быть, следовало упомянуть о чувстве обречённости, о меланхолии руин в стихах другого члена того же придворного круга, поэта К.Р. (в стихах, пусть и не связанных с Ильинским впрямую). Может быть, полезно было бы сравнить взгляды великого князя и Победоносцева, который был для него несомненным авторитетом. При этом сравнении выявится, что Сергей Александрович с его сентиментальным эстетизмом был всё-таки человеком модерна, а не консерватором старой закалки, таким как юрист Победоносцев, чуждый чисто художественным импрессиям. Но всё это лишь предположения, которые могли бы заполнить явную лакуну. Мы уверены, что великолепно зная материал, наш автор может всё выписать в виде совсем небольшого дополнения. И «рай» Ильинского, который неизбежно должен был быть потерян, тем самым станет ещё прекраснее, но одновременно и драматичнее.

Мы, конечно же, понимаем, почему отсутствует глава о советском перио-

де. Ведь ныне Ильинское-Усово частично слилось с Ново-Огарёвым, и поэтому необходимо соблюдать определённый режим умолчания. Но всё-таки каких-то финальных абзацев тут явно не хватает. Правда, говорится о возрождении Усовского храма, и это очень важно.

Однако вся наша критика отступает перед ценнейшими достоинствами работы. Это – и крайне выразительный, насыщенный глубоким историзмом топографический анализ, и теоретический трактат о судьбах русской усадьбы, и, наконец, замечательное пособие, из которого как специалисты, так и студенты смогут извлечь массу крайне интересных и полезных вещей.

Книга представляет собой междисциплинарное исследование, его основной методологический подход определяет положение «усадьба как культурный текст эпохи», многочисленные подтексты которого изучает автор. Среди этих подтекстов можно выделить сакральный, архитектурно-художественный, социально-антропологический. Возможно, мы становимся свидетелями появления нового жанра книги о русской усадьбе, в которой преодолевается описательный характер истории, архитектурных памятников и ансамблей, и наше видение наследия становится фактурным и в большей степени обращённым к человеку.

Выпущенный издательством «Букс-Март», этот солидный по объёму и художественному качеству труд И.Н.Слюньковой опровергает существующее мнение, что печатная книга доживает свой век под напором новых технических средств фиксации информации. И сложно поверить в то, что бесстрастный экран монитора способен вызвать такую же гамму ощущений, какую доставляет книга, ставшая произведением полиграфического искусства.

Оформление внушительного тома создано по тщательно выстроенной, художественно осмысленной программе, которая позволяет логично связать

текст и обширный, разнородный иллюстративный материал в выразительное целое. Книга отличается утончённой сдержанностью и безупречной привязкой иллюстраций к тексту, несёт на себе отпечаток вдумчивого сотрудничества автора-исследователя и художника-дизайнера.

Огромный по объёму и ценный свод документальных фотографий зримо воспроизводит утраченные виды усадебной среды, фрагменты парка, облик хозяев и их окружение в Ильинском и Усове, тем самым раскрываются вкусовые предпочтения, образ жизни обитателей усадеб. Автографы героев книги, в числе которых работавшие здесь художники, архитекторы, садовники, будто маркеры обозначают ценностную значимость, историко-культурную топику усадеб, показывают интеллектуальный уровень культурной среды, связанной с развитием художественного пространства резиденции.

Существенным вкладом в науку является публикация ряда коллекций чертежей генеральных планов и планов архитектурных сооружений ансамбля Ильинское и Усово, имеющих важное значение для сохранения наследия, для практики регенерации ценных исторических природных и культурных ландшафтов Подмосковья.

Чётко выстроенный визуальный ряд облегчает восприятие текста, вмещающего огромный объём информации, подробную аналитическую проработку темы. В книге представлены многие неизвестные ранее изображения, обнаруженные автором в процессе исследования и работы в музеях и архивах. Благодаря изданию они впервые вводятся в научный оборот.

Написанная живым литературным языком, адресованная как специалистам, так и широкой читательской аудитории, книга несомненно станет ценным вкладом в изучение и актуализацию историко-архитектурного наследия, русской культуры.

ПАМЯТКА АВТОРУ ЖУРНАЛА

«ВЕСТНИК РФФИ. Гуманитарные и общественные науки»

«Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» — это новый научный журнал, учреждённый в 2017 году Российским фондом фундаментальных исследований. С 1995 по 2016 год это ежеквартальное издание регулярно выходило в свет под названием «Вестник Российского гуманитарного научного фонда». За 22 года были подготовлены и опубликованы 85 номеров журнала.

«Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки», как и выходивший ранее «Вестник РГНФ», — это уникальное полидисциплинарное издание, в котором публикуются статьи по всему спектру гуманитарных наук: по отечественной истории с древнейших времен до наших дней, всеобщей истории, археологии, этнографии, экономике, философии, социологии, политологии, правоведению, науковедению, литературоведению, языковедению, искусствоведению, комплексному изучению человека, психологии, педагогике, социальным проблемам здоровья и экологии человека, глобальным проблемам и международным отношениям.

В журнале печатаются **ранее не публиковавшиеся научные статьи**, которые подготовлены **по итогам или в ходе выполнения научных проектов и мероприятий, поддержанных Фондом**. Эти статьи (не отчёты по проектам) должны представлять интерес для широкого круга учёных-гуманитариев.

I. Общие требования

Примерные объёмы статей:

- обзорные статьи по приоритетным направлениям гуманитарных научных исследований (на примере проектов, поддерживаемых РФФИ) — до 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами);
- по исследовательским проектам — 0,5 а.л. (20 тыс. знаков с пробелами);
- по проектам экспедиций — до 0,4 а.л. (16 тыс. знаков);
- по проектам конференций, а также рецензии — до 0,3 а.л. (12 тыс. знаков).

Во всех статьях должны быть приведены сведения об авторах:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень;
- должность и место работы;
- руководитель (исполнитель) проекта (для авторов статей по проектам организации научных мероприятий — председатель или член Оргкомитета);
- полное название проекта и его номер (в рецензиях на книги указывается только номер издательского проекта).

В текстах статей следует использовать букву «ё», где это необходимо.

Все текстовые материалы должны быть представлены в электронном виде в формате MS Word.

Желательно наличие цветного иллюстративного материала (рисунков, фотографий, карт, диаграмм, графиков и т.д.).

II. Дополнительные требования к статьям, подготовленным по исследовательским проектам

На русском языке представляются:

1. Индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).
2. Код ГРНТИ.

3. Сведения об авторе(ах): имя, отчество, фамилия; учёная степень и звание; место работы, должность; руководитель или исполнитель проекта, название проекта и в скобках его номер; контактные атрибуты: номер мобильного телефона (*не для публикации, а для оперативной связи редакции с автором*) и адрес электронной почты.
4. Название статьи.
5. Аннотация (от 120 до 250 слов), которая является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал.
6. Ключевые слова от 3 до 15 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
7. Текст статьи — 0,5 а.л. (20 тыс. знаков с пробелами).
8. В тексте статьи должны быть ссылки на источники (не менее 15–17). Ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках. При этом нельзя ссылаться на работы только одного автора, а также только на монографии: должны быть ссылки и на статьи. Обязательны ссылки на публикации последних пяти лет. При ссылках на интернет-публикации необходимо, кроме автора публикации и её названия, указывать название сайта и дату обращения.
9. Список цитированной литературы (автор, название работы, место издания, издательство, год издания и страницы: от и до — для статей или общее число — для монографий) приводится в порядке упоминания в тексте.
10. К статье необходимо приложить цветные фотографии авторов в электронном виде (требования см. в разделе III).
11. Иногородним авторам необходимо сообщить полный почтовый адрес с указанием почтового индекса (для отправки авторских экземпляров).

На английском языке в отдельном файле представляются:

1. Сведения об авторе(ах): имя, отчество, фамилия; учёная степень и звание; место работы, должность; руководитель или исполнитель проекта, название проекта и в скобках его номер; e-mail.
2. Название статьи.
3. Аннотация (Abstract).
4. Ключевые слова (Keywords).
5. Список литературы (References). Библиографическое описание иностранной литературы даётся на языке оригинала. Для российских публикаций все сведения приводятся в транслитерации.

III. Требования к цветному иллюстративному материалу

Каждая иллюстрация (в том числе фото авторов) должна быть представлена в виде отдельного файла в формате JPEG с разрешением от 300 до 600 dpi.

На каждый рисунок должна быть ссылка в тексте (в круглых скобках, например, рис. 1 или фото 3). Кроме того, в отдельном файле должны быть приведены подписанные подписи.

Редакция журнала
«Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки»

<http://www.rfbr.ru>
e-mail: rovir@rfbr.ru

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2017, № 3 (88)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7(499)941-01-15
E-mail: rovir@rfbr.ru
<http://www.rfbr.ru>

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
e-mail: info@id-empress.ru

Технический редактор А.С. Павлочева
Верстка К. Страодинский
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 04.09.2017. Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 18,0.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз. Заказ № 220046

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 20, стр. 3